

**ВОПРОСЫ
ПСИХОЛИНГВИСТИКИ**

**2021
4(50)**

Ψλ

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

**ВОПРОСЫ
ПСИХОЛИНГВИСТИКИ**

4 (50) 2021
Москва

**JOURNAL
OF
PSYCHOLINGUISTICS**

4 (50) 2021
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

ОЧУ ВО «МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ»

Регистрационный ПИ № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911 (print), ISSN 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

Подписной индекс 37152 «Объединенный каталог. Пресса России. Газеты и журналы»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, *главный редактор*, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, доктор филологических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Баласникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, *ответственный секретарь*, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Жукова Лариса Станиславовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, профессор, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Митирева Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной филологии Московского городского педагогического университета, Москва (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, руководитель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета, Шымкент (Казахстан)

Ионова Светлана Валентиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания ФГБОУ ВО Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московской международной академии, Москва (Россия)

Красных Виктория Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры общей теории словесности Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения лиц с ограниченными возможностями, Хайфский университет, Хайфа (Израиль)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, директор Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Россия)

Цзюй Юньшэн, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник центра исследования русского языка, культуры и литературы Хэйлуцзянского университета (Китай)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Черниговская Татьяна Владимировна, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующая лабораторией когнитивных исследований и кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук СПбГУ, член-корреспондент Российской академии образования, Санкт-Петербург (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; профессор кафедры общего и русского языкознания ГИ Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК.

Индексируется РИНЦ, E-library, КиберЛенинка, Google Scholar, ERIN PLUS.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2021

© ОЧУ ВО «Московская международная академия», 2021

© Авторы, 2021

Подписано в печать 20.12.2021. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12,5 Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INTERNATIONAL ACADEMY

Registration number № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911 (print), 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, *chief editor*, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, *deputy editor*, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Doctor of Philology, Rector of the Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, *executive secretary*, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Larisa S. Zhukova, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Professor, Director of Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Lubov N. Mitireva, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Irina A. Bubnova, Doctor of Philology, Professor, Head of Foreign Philology Chair, Moscow City University, Moscow (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, professor, Head of General and Applied Linguistics Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent (Kazakhstan)

Svetlana V. Ionova, Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Russian linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Victoria V. Krasnykh, Doctor of Philology, Professor of the Department of Discourse and Communication Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of theory of language and translation, Tver State University, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Learning Disabilities, Haifa University, Haifa, (Israel)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Director at Communications Studies Centre, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Elena V. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language as a Foreign, South Ural State University (Russia)

Ju Yunsheng, Doctor of Philology, Leading Researcher at the Center for the Study of the Russian Language, Culture and Literature of Heilongjiang University (China)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Tatiana V. Chernigovskaya, Doctor of Biological Sciences, Doctor of Philology, Professor, Head of the Laboratory of Cognitive research and the department of problems of convergence of natural and human sciences St. Petersburg State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, St. Petersburg (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor at Chair of General and Russian Linguistics Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)

The journal is included with the peer-reviewed scientific publications. It is approved for publication of the research results of doctoral and habilitation theses by the Higher Attestation Committee (VAK).

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI), E-library, CiberLeninka, Google Scholar, ERIH PLUS.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Moscow, 2021

© Institute of Linguistics of Russian Academy Of Sciences, 2021

© Moscow International Academy, 2021

© Authors, 2021

ПАМЯТИ А.А. ЗАЛЕВСКОЙ

Смотреть разумным глазом (<i>Завещание А.А. Залевской</i>).....	8
Клюканов И.Э. (<i>Чини, США</i>)	
Отечественные традиции теории коммуникации.....	12
Бубнова И.А. (<i>Москва, Россия</i>)	
Психолингвистический подход к исследованию агрессии как специфической формы речевого общения в публичной дипломатии.....	38
Тылец В.Г., Краснянская Т.М. (<i>Москва, Россия</i>)	
Психолингвистические особенности функционирования концептов « <i>угроза</i> » и « <i>опасность</i> » в русском и французском языковом сознании.....	56
Мкртычян С.В., Янсон Т.А. (<i>Тверь, Россия</i>)	
Психолингвистическое исследование коммуникативных характеристик субъекта туристического дискурса	78
Чугунова С.А. (<i>Брянск, Россия</i>)	
Перевод английских окказионализмов в условиях учебного двуязычия.....	96
Ощепкова Е.С. (<i>Москва, Россия</i>)	
Письменная речь в отечественной психолингвистике	116

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Кузьмина М.А. (<i>Новосибирск, Россия</i>)	
Мезоанализ концепта <i>общение</i> и оценочных ассоциативных доминант.....	136
Wang Li (<i>Daqing, China</i>)	
Metaphor Research from the Perspective of Eco-Linguistics.....	162
Яковлев А.А. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>)	
Изучение языкового сознания в свете общелингвистических идей Е.Д. Поливанова	176

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Поздравление Ревекке Марковне Фрумкиной	192
--	-----

ИНФОРМАЦИЯ

IN MEMORY OF A.A. ZALEVSKAYA

See With a Reasonable Eye (<i>The Testament of A.A. Zalevskaya</i>).....	8
Klyukanov I.E. (<i>Cheney, USA</i>)	
Russian Traditions in the Theory of Communication.....	12
Bubnova I.A. (<i>Moscow, Russia</i>)	
Psycholinguistic Approach to the Study Of Aggression as a Specific Form of Speech Communication in Public Diplomacy.....	38
Tylets V.G., Krasnianskaya T.M. (<i>Moscow, Russia</i>)	
Psycholinguistic Features of the Functioning of the Concepts “ <i>Threat</i> ” and “ <i>Danger</i> ” in the French and Russian Language Consciousness.....	56
Mkrtychian S.V., Yanson T.A. (<i>Tver, Russia</i>)	
Psycholinguistic Study of the Tourism Discourse Subject’s Communicative Characteristics.....	78
Chugunova S.A. (<i>Bryansk, Russia</i>)	
Translation of English Nonce-Words in the Context of Classroom Bilingualism...	96
Oshchepkova E.S. (<i>Moscow, Russia</i>)	
Written Speech Model in Russian Psycholinguistics.....	116

DISCUSSION

Kuzmina M.A. (<i>Novosibirsk, Russia</i>)	
Mesoanalysis of the Concept <i>Communication</i> and of the Evaluative Associative Dominants.	136
Wang Li (<i>Daqing, China</i>)	
Metaphor Research from the Perspective of Ecolinguistics.....	162
Yakovlev A.A. (<i>Saint-Petersburg, Russia</i>)	
The Study of Language Consciousness From the Perspective of Evgeny D. Polivanov’s General Linguistic Ideas.....	176

OUR ANNIVERSARIES

On the Anniversary of Rebekah Markovna Frumkina	192
--	-----

INFORMATION

ПАМЯТИ А.А. ЗАЛЕВСКОЙ

**Александра Александровна Залевская
(26.09.1929 – 09.05.2021)**

СМОТРЕТЬ РАЗУМНЫМ ГЛАЗОМ
(завещание А.А. Залевской)

Посредством глаза, а не глазом
Смотреть на мир умеет разум,
Потому что смертный глаз
В заблужденье вводит нас.

У. Блейк

Перевод С.Я. Маршака

Российская психолингвистика понесла тяжёлую утрату, осиротела Тверская психолингвистическая школа: не стало Александры Александровны Залевской, выдающегося учёного и замечательного человека.

Более сорока лет Александра Александровна руководила созданной ею в Твери научной школой, воспитала не одно поколение учеников, ставших кандидатами и докторами наук. Школа стала широко известна и в нашей стране, и за рубежом. За десятилетия научной деятельности Александрой Александровной написаны многочисленные статьи и монографии, большинство из которых являются бестселлерами в научных кругах и широко известны как в России, так и за рубежом.

Российским психолингвистам оставлено богатое наследство, которым предстоит разумно распорядиться, не потеряв ни крупницы того, что за долгие годы преданного служения науке собрала, открыла и сделала доступным для нас Александра Александровна.

Прежде всего, это теория живого слова, взломавшего жёсткие треугольные рамки значения Огдена-Ричардса и вместившегося в гибкие, пульсирующие границы психосемантического тетраэдра Ф.Е. Василюка. Живого Слова, которое одновременно «одинаково» для всех – чтобы мы могли понимать этот мир и друг друга, – и в то же время уникально, индивидуально, сформировано опытом конкретного человека и окрашено только личными впечатлениями.

Потому что для меня кошка – это и наша старая кошка, которая ловила птиц с перил балкона, и котёнок, фотографию которого с сияющими глазами показывал мне внук моей подруги (и – тут же – мои любимые друзья и близкие люди), и белые тигры в зоопарке Пекина (и – тут же – панды в том же зоопарке, над которыми – до слёз! – от души смеялась Александра Александровна, не в силах оторваться от этого неподобного зрелища) и многое, многое другое. Таким образом, слово – это окно одновременно и в окружающий мир, и внутрь себя. И эта двойная жизнь слова удивительна, её изучение открывает секреты того, как мы воспринимаем мир, что мы знаем о нём и о себе, как общие связанные со словом представления формируют и преобразовывают нашу культуру, и, наконец, можно ли решить те проблемы, которые в настоящее время угрожают

культуре как величайшему достижению цивилизованного человечества, и как это сделать.

Ещё одна сфера интересов Александры Александровны – проблемы понимания текста в рамках теории текста. Обсуждавшихся ею вопросов много, круг их широк, среди них следующие: самодостаточен ли текст; каковы истоки его энергетики; как получается, что текст способен функционировать как самоорганизующаяся система; можно ли говорить о тексте как о самоорганизующейся системе, о тексте, взятом изолированно, в отрыве от продуцирующего или воспринимающего его человека и от культурного сообщества, к которому он принадлежит. На основании размышлений относительно подходов к проблеме понимания текста Александра Александровна приходит к выводу, что эта сфера должна изучаться с точки зрения интегративного подхода, который анализирует языковые явления в контексте многообразных внешних и внутренних факторов, определяющих психическую деятельность говорящего человека – в связи с формированием у него эмоционально-оценочно «помеченного» образа мира. И здесь текст, как и слово, оживает, это – живая субстанция, данная воспринимающему его человеку только через призму его собственного многообразного опыта.

Как специалист по методике преподавания иностранного языка Александра Александровна не могла не задавать себе вопросы, связанные с трудностями овладения вторым языком и особенностями взаимодействия двух (и более) языков и владеющего (или овладевающего) ими человека. Результатом этих размышлений стали труды по проблемам двуязычия, монографии и учебные пособия, по которым занимаются будущие филологи и преподаватели языков. Александра Александровна неоднократно говорила о необходимости развития теории учебного двуязычия, обсуждала понятие «промежуточного языка» как динамической функциональной системы, обращала особое внимание на роль и место ошибочных речевых действий в овладении вторым языком. Она указывала на возможность и необходимость использования ошибки как инструмента научного исследования, классификации речевых и языковых ошибок.

О научном наследии А.А. Залевской написано много, её дело продолжают ученики и последователи, но Александра Александровна оставила нам в наследство не только научные факты и стройные теории. Она научила нас и многому другому.

Александра Александровна умела и любила много работать, не жалея себя, потому что язык открывает свои тайны только тому, кто готов к долгой и кропотливой работе с разнообразными продуктами речевой деятельности человека.

Она сама была необыкновенно дисциплинированным человеком и уважала это качество в других, потому что обоснованные и полезные результаты можно

получить только в том случае, если строго соблюдать законы и правила научного исследования, серьёзно относиться как к научному обоснованию своей работы, так и к выбору методов и методик исследования.

Александра Александровна умела видеть насквозь как людей, так и научные проблемы. Это качество, которым одарены немногие. Она личным примером учила нас научной вдумчивости и проницательности. Вдумчивости, потому что теоретическое обоснование собственного исследования можно сделать только тогда, когда владеешь базовыми понятиями и верной терминологией, а не просто хватаешь модные словечки. Только размышляя над взаимосвязью вещей и событий можно вывести причины, принципы и правила их существования.

Зная, что все мы стоим «на плечах гигантов», Александра Александровна помогла заново и по-новому прочитать классические труды российских и зарубежных лингвистов, психологов и философов, увидеть в них то, на что раньше не обращали внимания, осмыслить и переосмыслить то, что до этого многие повторяли как заученные аксиомы. Так, она показала, как живое слово уже было таковым в работах российских лингвистов, начиная от А.А. Потебни до Л.В. Щербы, как жизнь слова можно проследить в трудах психологов и физиологов. Обсуждая вопросы естественного семиозиса, она по-новому прочитала Ч. Пирса. И многих других. Внимательное отношение и уважение к путеводным ориентирам, оставленным предшественниками, позволяет выбрать свой научный путь. Это стало непреложным исследовательским принципом, который Александра Александровна так старалась передать своим ученикам.

Она была Учёным, Учителем, Личностью, Человеком. Её Любознательности и умению задавать вопросы можно было позавидовать, ведь любое исследование начинается с вопросов, главные из которых – Что? Зачем? Почему? Как? И в поиске ответов на эти вопросы смотреть на мир разумным глазом, внимательно всматриваясь в предметы и факты, сравнивая их и сопоставляя.

Александра Александровна любила путешествовать, с наслаждением исследовала города, в которых побывала – могла целыми днями бродить по улицам, смотреть – и слушать. Слушать музыку других языков, других культур. Но больше всего любила среднюю полосу России, её реки, речки, леса и поля, где она находила отдохновение от трудов праведных.

Она очень любила жизнь, и особенно – людей, которым всегда помогала, как в научных, так и в житейских делах. Наряду со всем этим, она обладала тонким чувством юмора и такта, была необыкновенно деликатным и скромным человеком, по-своему близким для каждого из её учеников.

В наших руках – богатое наследство, и, следуя заповедям Александры Александровны, будем стараться не растратить его понапрасну, не растерять, продолжать и приумножать – смотря на мир «разумным глазом».

УДК 81'11

Научная статья

ББК 87.4

DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-12-37

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

Клюканов Игорь Энгелевич

Восточно-Вашингтонский университет,
Чини, США

Аннотация

В статье рассматриваются основные русские традиции теоретического осмысления коммуникации. Отмечается, что отечественные традиции теоретизирования коммуникации представляют научный интерес, поскольку в России различные аспекты коммуникации были предметом изучения на протяжении длительного времени, включая исследования в смежных предметных областях и прежде всего – в сфере гуманитарных наук. Отмечается также особая значимость сравнительных исследований, в которых проводятся параллели между отечественными и другими культурными традициями. Делается вывод, что подобные исследования помогут глубже понять генезис и развитие различных теорий, а также разработать более точные определения основополагающих понятий в области теории коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация, информация, культура, традиции, контекст, сопоставительные исследования

Введение

Когда в качестве одной из причин дисциплинарного кризиса коммуникативистики отмечают то, что она включает «слишком много географии и слишком мало истории» [Peters 2012: 500], то под географией имеют в виду ее концептуальную территорию; действительно, коммуникативные исследования пытаются охватить слишком много различных вопросов. В последнее десятилетие, однако, все чаще отмечается децентрализация коммуникативных исследований, при этом все более распространенными становятся работы по «де-вестернизации» теории коммуникации [Waisbord 2016; Waisboar & Mellado 2014], ср. появление так называемых «геокультурных теорий» с их эмическим подходом к коммуникации [Wang 2014]. Таким образом, география приобретает буквальное – пространственное – значение.

Следует иметь в виду, что теоретизирование коммуникации с точки зрения географии – по сути, всего земного шара – требует времени. Между тем, хотя люди веками думали о природе коммуникации, история теории коммуникации как области исследования коротка. Отмечается, что «понятие теории коммуникации не старше 1940-х годов» [Peters 1999] и что в странах Восточной Европы и России изучение коммуникации и медиа является новой областью академических интересов [Jirak & Korplova 2008]. Тем не менее, хотя официальная история теории коммуникации в этих странах может быть короче, чем где-либо еще, коммуникация в них рассматривалась и осмыслялась на протяжении длительного времени, особенно если учитывать исследования в смежных предметных областях, не обозначенных как «теория коммуникации» или «коммуникативные исследования» [Cobley 1996]. В этом плане отечественные традиции теоретизирования коммуникации, несомненно, представляют научный интерес.

Иногда коммуникативную науку сравнивают с большой коллекцией матрешек, [Waisbord 2019]; это, однако, всего лишь метафорическое видение теории коммуникации как концептуальных территорий уменьшающегося размера, помещённых одна в другую, и не имеет ничего общего с отечественными научными взглядами на коммуникацию как таковыми. Ниже рассматриваются русские – в прямом смысле слова – традиции теоретического осмысления коммуникации. С этой целью мы обращаемся к широко известной и часто цитируемой статье Роберта Крейга «Теория коммуникации как область знания» [Craig 1999], в которой выделяются семь основных традиций, концептуально охватывающих процесс коммуникации как мета-дискурса, основанного на ежедневной коммуникативной практике и отражающей ее конститутивный характер.

Риторическая традиция. Данная традиция считается старейшей в осмыслении коммуникации и краеугольным камнем западных культурных и социальных институтов на протяжении более 2000 лет. В основе этой традиции лежит «Риторика» Аристотеля, где коммуникация представлена как практическое искусство дискурса. Можно найти множество взглядов на коммуникацию как предмет практики и обучения, которые развивают идеи классической риторики. В Международной Энциклопедии Коммуникации, например, можно найти статьи о риторике в Центральной и Восточной Европе (Польше, Чешской Республике, Словакии, Словении, Венгрии, Румынии и Болгарии) [Marin 2008], а также о риторике в Северной и Центральной Азии [Williams, Young 2008]. Остается только пожелать, чтобы в подобных публикациях, претендующих на всеобъемлющий охват, уделялось внимание и отечественным взглядам на коммуникацию с риторических позиций.

Известно, что слово «риторика» («риторика») впервые появляется на Руси уже в XII веке. Более того, в древнерусских текстах встречается около 20 слов, являющихся синонимами слова «риторика» [Аннушкин 2011]. В XVII веке Михаил Ломоносов пишет «Краткое Руководство к Красноречию», за которым следуют все новые и новые тексты по риторике. Ближе к концу XVIII века появляется новый термин – «словесность»; существующий наряду с «риторикой», он имеет широкий диапазон значений, включая литературу, фольклор и филологию [Аннушкин 2017]. «Словесность», наиболее часто переводимое на английский язык как «словесное искусство» (“verbal art”), имеет в России богатую историю исследований и преподавания, особенно в учебных программах по журналистике, которую Владимир Даль определил как «срочную словесность» [Даль 1956, том 1: 548].

Риторика и словесность продолжали изучаться в допетровский и ранний современный периоды российской истории [Lunde 2002]. После Октябрьской революции 1917 года стала расти роль риторики в сфере идеологической пропаганды; по большей части использование риторических принципов в Советском Союзе практиковалось и преподавалось профессиональными идеологическими кадрами Коммунистической партии [Hazen 2008]. Были, однако, исключения из такой диктатуры монологизма, наиболее значительным из которых был подход Михаила Бахтина к языку, осмысляющий общение как intersубъективный и морально-этический опыт. В дополнение к риторическим фигурам убеждения Бахтин подчеркивал важность милости к Другому, тем самым предвосхищая такие современные теории, как «Приглашающая риторика» с ее акцентом на создании пространства для развития отношений, основанных на равенстве [Foss & Griffin 1995]. Отмечается, что идеи Бахтина способствовали осмыслению коммуникации как процесса взаимного самообогащения, лежащего в основе межкультурной риторики [Zarpen 2012].

Следует отметить, что риторика пришла и развивалась в России в основном через (переведенные) тексты [Lunde 2002]. Одним из последствий этого для российской риторической теории и практики стал их «письменный», а не «устный» характер. Даже когда упоминаются «слуховая филология» или «звуковое слово», они обычно относятся к искусству декламации, например, к поэзии, основанной на письменных произведениях. В определенные периоды истории, тем не менее, устное слово в России было особенно важным; как показывает Стивен Ловелл в книге «Как Россия научилась говорить» [2020], между 1860 и 1930 годами, несмотря на попытки правительства сдерживать российских ораторов, появилось много площадок для публичных выступлений,

в том числе создание Государственной Думы [Lovell 2020]. При этом в России всегда было нелегко в полной мере использовать общение как практическое искусство устного дискурса. Русские, безусловно, любят поговорить и известны своими «разговорами по душам», что на английский язык обычно переводится как «soul talk» [Pesmen 2018]. С риторических позиций, однако, «говорение» следует понимать, скорее, не как «разговоры», а как «публичные выступления», ср. различие между ‘talking’ и (‘public’) ‘speaking’. В этом плане риторическая сила устного слова по-прежнему вызывает сопротивление и/или подозрение, а слово «риторика» часто несет отрицательные коннотации. Например, в 2003 году новый спикер Государственной Думы Борис Грызлов заявил, что она не является площадкой для политических баталий или защиты идеологий; впоследствии его заявление было превращено журналистами в лаконичную фразу: «Парламент – не место для дискуссий». До некоторой степени можно понять западных наблюдателей, которые находят в русской культуре антипатию к свободе слова и совещательной демократии [Lovell 2020]. Сегодня, впрочем, коммуникация в России привлекает все больше внимания ученых, включая не только письменное и профессиональное общение [Zemliansky, Amant 2016], но и публичные выступления [Kirillova et al. 2019].

Семиотическая традиция. Если еще полвека назад на Западе было распространено мнение, что наука о знаках «практически не существовала» в России до начала 20 века [Erlich 1969: 158], то в последнее время все чаще отмечается вклад России в глобальную семиотику наряду с работами французских, итальянских и англо-американских ученых [Kull et al. 2015]. Следует также помнить, что семиотические идеи в России активно разрабатывались и до советского периода [Почепцов 1998].

Большая часть отечественных семиотических исследований, связанных с теорией коммуникации, таких, как русский формализм Московского Лингвистического Кружка и Тартуско-Московская Школа, хорошо освещена в научных публикациях на английском языке [Freiberger-Sheikholeslami 1982; Hawkes 2003; Waldstein 2008]. Роман Якобсон – самый известный представитель первого – повлиял на общее развитие семиотики и представил оригинальную теорию коммуникации, признанную и широко распространенную на Западе [Lanigan 1991], тогда как Юрий Лотман – самый известный представитель второй – разработал свою модель коммуникации и понятие семиосферы, которое перекликается с концепцией знака Чарльза С. Пирса [Merrell 2008]. Лотман показал, что, хотя семиотика в России выросла на почве лингвистических и литературных исследований, она охватывает изучение всех форм коммуникации и культуры [Лотман 1990].

Особый интерес представляют исследования, проводящие параллели между семиотическими идеями отечественных ученых и представителями других культурных традиций. Например, теория Лотмана обсуждается в свете семиотического подхода Клиффорда Гирца к культуре, открывающего новые возможности для понимания взаимоотношений идеологических систем и практической политики [Zorin 2002]. Проводятся также параллели между идеями Джорджа Г. Мида и Бориса Успенского, вскрывая концептуальные связи между Теорией Символического Интеракционизма Чикагской школы и семиотическими исследованиями Тартуско-Московской школы [Nałas 2013]. Борис Успенский, возможно, более известен в англоязычных странах благодаря его сотрудничеству с другими учеными; однако его собственные оригинальные исследования, направленные на изучение природы коммуникации, все еще не полностью оценены международным академическим сообществом [Mazzali-Lurati 2014]. То же самое можно сказать об отечественных работах в области социальной семиотики, которые лишь сейчас получают освещение в англоязычных научных публикациях [Tul'chinskii 2021], а также об исследованиях современных ученых, изучающих взаимосвязи семиотики и семантики, ср. *Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, издаваемый Российским университетом дружбы народов (РУДН).

Феноменологическая традиция. В феноменологической традиции теории коммуникации, представленной в англоязычной научной литературе, имена отечественных ученых встречаются довольно редко. Между тем русские мыслители разработали весьма оригинальный «феноменологический проект», который представляет интерес для современных ученых, включая теоретиков коммуникации [Vykova 2016].

Густав Г. Шпет, пожалуй, один из немногих отечественных мыслителей, относительно известный на Западе благодаря его работам, доступным в английском переводе, и их научному анализу [Scanlan 1993]. Шпет интересовался отношениями между языком и сознанием, развивая в начале XX века оригинальный герменевтический подход к коммуникации, который он считал неотъемлемой частью феноменологии и таким образом предвосхищал герменевтическую феноменологию Ханса-Георга Гадамера. Другой мыслитель – менее известный потому, что он принадлежит, по выражению Кэрл Эмерсон, к «поколению, растративших своих философов» [Emerson 2004], – это Алексей Лосев, который сделал важный вклад в теорию языка, мифа и символа, разрабатывая оригинальную теорию «диалектической феноменологии» [Vykova 2016]. С именем Лосева также связывают создание коммуникативной теории «энергетического символизма» [Lyanda-Geller 2019].

Еще один мыслитель, о котором нельзя не сказать, это Мераб Мамардашвили, известный постоянным поиском истины путем философствования через диалог, в связи с чем его называли «грузинским Сократом» [Вукова 2019]. Мамардашвили глубоко интересовался онтологическими вопросами бытия и остро чувствовал все формы неаутентичности; его идеи поэтому иногда сравнивают с идеями Мартина Хайдеггера [Stafeska 2009]. Если в конце прошлого века лишь немногие ученые на Западе понимали, что Мамардашвили был одним из самых влиятельных мыслителей Советского Союза в области феноменологии и философии сознания [Emerson 1998], то сейчас его идеи привлекают все больше внимания в русле повышенного интереса к истории феноменологической мысли в восточно-европейских культурах [Vladiv-Glover 2010].

Сегодня в России существуют две основные феноменологические школы – гуссерлианская и хайдеггерианская [Вукова 2016]. Объем феноменологических исследований, которые так или иначе затрагивают различные аспекты коммуникации, продолжает расти и включает в себя исследования эстетического опыта [Chernavin & Yampolskaya 2019], взаимосвязи между культурной динамикой и генетической феноменологией, феноменологические основы медицинской антропологии [Феноменология сегодня 2010] и многое другое.

Кибернетическая традиция. Истоки этой традиции в теории коммуникации по праву связывают с работами таких ученых середины XX-го века, как Шеннон, Винер, фон Нейман и Тьюринг. В то же время отмечается, что история кибернетики середины XX-го века – или теория коммуникации в более общем смысле – является межкультурным достижением и поэтому должна рассматриваться не только в междисциплинарном, но и международном плане [Peters 2008]. В этом свете, хотя словосочетание «советская кибернетика» может звучать экзотично для западного уха [Peters 2008], его нельзя упускать из виду при обсуждении моделей коммуникации как обмена информацией [Mindell et al. 2003].

Советская кибернетика развивалась через переводы – как буквально, то есть через переводы ключевых работ западных мыслителей, так и в переносном смысле, то есть как концептуальное взаимодействие с их идеями. Например, как показывает Бенджамин Питерс, первые русские переводы Винера в конце 1950-х годов можно рассматривать как «сноску в истории коммуникативной мысли XX века», но эта «сноска, тем не менее, должна интересовать теоретиков коммуникации» [Peters 2008: 76]. Другие примеры того, что, возможно, является нечто большим, чем сноски, включают дальнейшую разработку концепции информации Шеннона, осуществленную Игорем Мельчуком

и Александром Жолковским в их формальной модели естественного языка, а также переформулировку Андреем Колмогоровым теории информации и теории вероятностей с точки зрения сложности, воспринятую математическим сообществом как «культурную революцию» [Mindell et al. 2003].

Главное различие между советской кибернетикой и ее западными аналогами заключается, скорее, не в типах моделей коммуникации или их применении, а в политическом и культурном значении кибернетических идей» [Mindell et al. 2003]. История советской кибернетики, которую когда-то называли «оружием империалистической идеологии», а затем воспринимали как «науку на службе коммунизма», полна иронических и даже скандальных поворотов научного языка и методологии исследований [Gerovitch 2001]. Следует помнить, таким образом, что кибернетика и теория информации оказались подвержены «идеологической податливости» [Mindell et al. 2003].

Социально-психологическая традиция. Русские мыслители внесли значительный вклад в понимание коммуникации как процесса социального поведения, опосредованного символами и различными психологическими факторами. Фактически, «опосредование» – одно из основных понятий в Теории Деятельности, основанной в первую очередь на идеях Льва Выготского, Александра Лурия и Алексея Леонтьева. Выготский первым подчеркнул важность языкового опосредования в развитии высших психических функций. Поскольку он подчеркивал обозначающую и обобщающую природу языка, идеи Выготского можно рассматривать как параллельные идеям Джорджа Г. Мида: оба мыслителя интересовались тем, как формируется социальный опыт, рассматривая данный процесс как интернализацию и экстернализацию символического значения. Теория Деятельности, основанная на понятии опосредования, рассматривает коммуникацию как сложную трехуровневую динамическую систему, в которой объединены познание, поведение и мотивация. Если когда-то эта теория была «хорошо охраняемым секретом в западных академических кругах» [Engeström, Miettinen 1999: 1], то теперь у нее есть множество последователей по всему миру, осуществляющих исследования в таких областях, как межличностное взаимодействие, организационная и образовательная среда, взаимодействие человека с компьютером, онлайн-сообщества и т.д. [Lektorsky 2019].

В дальнейшей разработке идей Теории Деятельности следует отметить особую роль Сектора психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания Российской академии наук, который существует уже более полувека как один из центров изучения коммуникации в таких областях, как онтогенез языковой компетенции, порождение и восприятие речи и текста, этнические

аспекты коммуникации и др. [Ufimtseva 2014]. Сектор психолингвистики и теории коммуникации всегда тесно сотрудничал с учеными из многих российских городов и регионов; один из самых плодотворных таких примеров – Александра Александровна Залевская, не только самым активным образом поддерживавшая деятельность данного сектора, но и основавшая Тверскую школу психолингвистики, представители которой вот уже многие десятилетия занимаются изучением проблем, связанных с коммуникацией, таких, как проблемы семантики слова и текста, билингвизма, внутреннего лексикона, картины мира, межкультурной коммуникации и др. Идеи Александры Александровны Залевской постепенно распространяются в англо-язычных научных публикациях [Panassenko 2021; Vlasenko 2014], при этом более полное знакомство с ее работами и их оценка, несомненно, произойдут в самом недалеком будущем.

Следует отметить роль еще ряда ученых, которые разработали оригинальные теории, рассматривая общение не как простую передачу сообщений, а как сложную когнитивную деятельность. Так, Георгий Щедровицкий, лидер Московского методологического кружка, действовавшего во второй половине прошлого века, разрабатывал теорию мышления с позиций системно-деятельностных позиций, которая отличалась от классической Теории Деятельности [Rozin 2019] и имела основной целью стимулирование творческих методов познания и взаимодействия. Еще один ученый – Борис Ломов, который также рассматривал общение как базовую психологическую категорию, в то же время критически рассматривая проблемы деятельности в психологии. Он и его коллеги разработали обширную программу исследований того, как люди взаимодействуют, акцентируя внимание на различных психологических качествах, функциях и состояниях. Идеи этих ученых, хотя и менее известны на Западе, чем, например, работы Выготского, Лурия и Леонтьева, также важны для теоретического осмысления коммуникации. То же самое можно сказать и о более современных исследованиях российских ученых, в которых разрабатываются такие подходы, как, например, «лингвоперсонология» и «лингвоконцептология».

Социокультурная традиция. В центре внимания данной традиции находятся не психологические механизмы, влияющие на коммуникативное поведение; здесь акцент делается на общении как на процессе, в котором социальные взаимодействия и культурные события используются для (воссоздания) определенного символического порядка. Одним из ключевых в этой традиции является понятие «идентичность»; именно поэтому существуют многочисленные исследования взаимозависимости общества, культуры и коммуникации.

Эта традиция по праву связывается с идеями Льва Выготского [Tavassolie, Winsler 2018], однако можно упомянуть и другие отечественные направления изучения коммуникации, такие, например, как краеведение, лингвострановедение [Kurilla, Zhuravleva 2016] и лингвокультурология, которая, подобно лингвистической антропологии, уделяет больше внимания изучению взаимосвязей между культурой и языком [Mizin, Korostenski 2019]. Особо следует отметить культурологию, которая отличается от англо-американских «исследований культуры» (“cultural studies”) [Монин 2017]. Иногда на Западе культурология воспринимается как «отчаянный поиск общего синтезирующего подхода к разнообразию мира», полный «оценочных суждений, скрытых в совокупности псевдонаучных формулировок» [Laguette 2004: 28–29]. Многие как российские, так и западные ученые, однако, не согласились бы с таким пониманием культурологии, которую более правомерно рассматривать как представляющую «тип глобальной философии, стремящейся найти синтез культурной деятельности» [Remaud 2013: 152].

Критическая традиция. Данная традиция ориентирована на дискурсивную рефлексию, направленную на выявление и преодоление идеологических искажений, присущих коммуникативным практикам. Любой, кто знаком с историей России, знает, что она дает благодатную почву для осмысления коммуникации с этих позиций. Более того, истоки этой традиции ведут к «платоновской концепции диалектики Сократа» [Craig 1999: 146], а в России всегда были распространены идеи Платона, причем большинство отечественных мыслителей больше интересовались платоновской диалектикой, чем идеями Аристотеля. Сергей Аверинцев даже заметил, что «Аристотель не прочитан образованным обществом России до сих пор» [Аверинцев 1996: 328]. Русские всегда любили размышлять и обсуждать идеи, особенно те, которые направлены на эмансипацию.

Учитывая сильную филологическую традицию в России, следует особо отметить вклад теоретиков культуры и литературы в осмысление коммуникации. Например, как было отмечено выше, Бахтин подчеркивал полифоничность текстов, моральное значение авторства и ответственности; в свою очередь Валентин Волошинов рассматривал словесные знаки как арену борьбы идеологии, ср. его известную работу «Марксизм и философия языка» [1929].

Необходимо также помнить, что критическая традиция коммуникации «является или, по крайней мере, пытается быть наиболее практичной теорией» [Craig 1999: 147]. В этом отношении критическое теоретизирование должно включать не только филологические исследования языка и текста, но и сам

дискурс, обращаясь к социальной несправедливости и призывающий к переменам. Работы последних лет показывают более глубокое понимание такой дискурсивной рефлексии, подчеркивая природу коммуникации как праксиса, ср. изучение роли интеллигенции в расширении коммуникационных пространств и круга участников публичного дискурса [Shalin 2018].

Выводы

Сделаем несколько выводов общего характера. Во-первых, как мы видим, большинство исследований, упомянутых выше, проведены в областях, не обозначенных как «теория коммуникации». Авторы этих работ – филологи, лингвисты, психологи, литературоведы, семиотики, культурологи, философы языка и др. Кроме того, в большинстве данных работ представлены не целостные «теории коммуникации», а исследования тех или иных аспектов и проблем, связанных с ее природой. Разумеется, это ни в коей мере не умаляет ценности данных идей.

Во-вторых, следует отметить, что до недавнего времени большинство отечественных мыслителей, внесших вклад в теорию коммуникации, не предпринимали активных попыток продвигать свои работы за рубежом по разным политическим, экономическим, социальным и другим причинам. К счастью, некоторые из мыслителей, такие как Бахтин, Выготский и Лотман, были открыты на Западе, их работы были переведены на разные языки и стали влиятельными во многих областях знания, включая теорию коммуникации. Сегодня российские ученые, изучающие коммуникацию, более активны на международной арене: они издают новые журналы, публикуют книги и статьи на разных языках, посещают международные научные конференции, становятся членами международных коммуникативных организаций и т. д.

В-третьих, отмечают, что на Западе коммуникация чаще всего осмысливается с социально-научных позиций, обычно на эмпирическом материале и с применением количественных методов исследования. В России же изучение коммуникации развивалось преимущественно в сфере гуманитарных наук; поэтому идеи отечественных теоретиков могут быть интересны и полезны для более полного осмысления коммуникации.

В-четвертых, надо отметить особую значимость сравнительных исследований, в которых проводятся параллели между отечественными традициями и другими культурными традициями. Примерами таких исследований являются упомянутые выше сравнения идей Мида и Выготского, Гирца и Лотмана. Еще одним примером может быть сравнение нарративной парадигмы, присутствующей в большинстве англоязычных текстов по теории

коммуникации, с нарратологией, которая, как отмечается, многим своими идеями обязана русским теоретикам и «в конечном итоге имеет русское происхождение» [Schmid 2010: Ix]. Подобные исследования помогут глубже понять генезис и развитие различных теорий, а также разработать более точные определения основополагающих понятий в области теории коммуникации.

В-пятых, особый интерес представляют идеи тех отечественных мыслителей, которые почти или вообще не известны за пределами России. Один из таких ученых – Юрий Рождественский, внесший оригинальный вклад в теорию коммуникации [Polski, Gorman 2012]. Между тем его работы только начинают переводиться на другие языки [Rozhdestvensky 2017]. Несколько лет назад в Лондоне была проведена конференция, посвященная исследованиям Рождественского в области лингвистики, риторики, теории коммуникации, семиотики, поэтики и нарратологии [Cobley 2017]. Еще один мыслитель – Владимир Биbihин, который не только редактировал и переводил работы Л. Витгенштейна, Х. Арндта, В. Гейзенберга, В. Дильтея, Х.-Г. Гадамер и Дж. Деррида, но и внес свой вклад в философское и филологическое изучение языка и коммуникации. Сейчас его идеи получают все более полное осмысление, ср. отдельный номер журнала *Stasis*, посвященный его наследию: *Vladimir Bibikhin and his Thought* (№1, 2015).

В-шестых, следует подчеркнуть, что произведения из одной культурной научной традиции нельзя просто перенести в другую культурную традицию; здесь нужно говорить о «переводимости». Вопросы перевода становятся особенно важными в контексте растущей глобализации академических культур и различных культурных традиций в области коммуникативных исследований [Waisbord 2016]. Распространяя идеи русских мыслителей в данной области на мировой академической арене, было бы целесообразно использовать богатые отечественные традиции в области перевода и практической подготовки переводчиков. Кроме того, такая деятельность будет более успешной, если процесс перевода осуществляется совместными усилиями русских переводчиков и их коллег из других стран.

В-седьмых, необходимо помнить, что в теоретизировании коммуникации важную роль играет контекст (политический, идеологический, экономический и т.д.), ср. развитие кибернетических идей в Советском Союзе, о чем говорилось выше. Отдельный интерес представляет исторический контекст, особенно учитывая длительную и богатую историю России в плане коммуникативных практик и их теоретизирования. В качестве примеров можно привести работы, изучающие влияние русского христианства на динамику общения и отлучения [Spock, et al 2016], реконструкцию речевого образа средневекового дипломата

с использованием аппарата прагматической лингвистики [Murugova, Myasishev 2019], получение информации во время прогулки в начале XIX века по Невскому проспекту [Bowers 2017], роль бересты в древней Руси [Schaeken 2018] и др.

В-восьмых, следует иметь в виду, что теория коммуникации включает в себя не только объяснение и понимание природы коммуникации, но и коммуникаций, то есть потоков информации, которые распространяются различными средствами массовой информации. Развитию России как одной из крупнейших империй способствовали различные формы коммуникаций и информационных технологий, например, механизмы получения иностранных новостей, коммуникационные сети, такие, как почтовая служба, и формирование публичной графосферы [Franklin, Bowers 2017]. Сегодня особое внимание ученых привлекают перспективы использования новых информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в современной экономике [Popkova, Ostrovskaya 2019], а также в области глобальных коммуникаций и транснациональных исследований [Byford, et al 2020)].

В-девятых, в свете растущей коммуникативной мобильности, изменчивости и гибридности, необходимо иметь в виду широту значения термина «русский», которое зависит от лингвистических, культурных, экономических, исторических, этнических и политических факторов [Cheskin, Kachuyevski 2018]. Так, «русский» можно понимать в значении «коренной житель или гражданин России», но может означать и «лицо русского происхождения» или «лицо, имеющее отношение к России, ее народу или их языку». В последнем случае необходимо учитывать культурную самоидентификацию. Например, Романа Якобсона обычно называют русско-американским лингвистом и литературоведом или американским лингвистом русского происхождения и знатоком славянства; однако сам он себя считал русским филологом, и слова RUSSKIJ FILOLOG выгравированы на его надгробье. Таким образом, обсуждая вклад России в теорию коммуникации, мы не можем игнорировать «существование русскоязычных и/или диаспорных идентичностей, или даже сильных групповых идентичностей любого типа» [Cheskin, Kachuyevski 2018: 2]. Примеры включают русскоязычную диаспорную журналистику, которая играет заметную роль в меняющемся коммуникативном ландшафте [Voronova, et al 2019], русскоязычных специалистов, пишущих на других языках, двуязычные сборники академических трудов [Ioffe, et al 2018] и академические журналы, которые не только объединяют различные культурные традиции коммуникативного обучения, но и обсуждают проблематику работы с русскоязычными материалами и вопросы перевода [Ermolaev, Gleissner 2016].

В заключение важно помнить, что потенциал для развития теории коммуникации зависит от продуктивного аргументированного диалога различных традиций, при этом важными являются самые разные формы коммуникативной практики, включая научные работы, преподавание, перевод и другую творческую деятельность. Посредством различных практик и концепций, взятых из разных культурных традиций, область теории коммуникации «может быть обогащена или, возможно, даже фундаментально преобразована» [Craig 2007: 256].

© Клюканов И.Э., 2021

Литература

Аверинцев С. Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России // Риторика и истоки европейской культурной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 319–367.

Аннушкин В. История русской риторики. М.: Флинта, 2011. 416 с.

Аннушкин В. Филология – словесность – риторика – культура речи: к уточнению терминов и содержания данных наук // Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике: Сборник материалов XXI Международной научной конференции по риторике, 1–3 февраля 2017 г. М., 2017. С. 15–22.

Волошинов В. Марксизм и философия языка. Л.: «Прибой», 1929. 157 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1956.

Монин М. Культурология и/или Cultural studies // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2017, №1. С. 78–84.

Почепцов Г. История русской семиотики до и после 1917 года. М.: Издательство «Лабиринт», 1998. 336 с.

Феноменология сегодня: Взгляд из России // Logos 5(78), 2010. Режим доступа: https://platon.net/load/zhurnaly_po_filosofii/logos/logos_2010_5_78_fenomenologija_segodnja_vzgljad_iz_rossii/68-1-0-4669. Дата обращения: 21.03.2020.

Bowers K. Experiencing Information: An Early Nineteenth-Century Stroll Along Nevskii Prospekt // S. Franklin & K. Bowers (Eds.), Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600-1850. Cambridge, UK: Open Book Publishers., 2017. P.369–407.

Byford A. et al. (Eds.). Transnational Russian Studies. Liverpool, UK: Liverpool University Press. 2020.

Bykova M. On the Phenomenological Philosophy in Russia // *Russian Studies in Philosophy*, 2016, 54(1). P. 1–7.

Bykova M. Merab Mamardashvili and His Philosophical Calling // *Studies in East European Thought*, 2019, 71. P. 16–172.

Chernavin G. & Yampolskaya A. ‘Estrangement’ in Aesthetics and Beyond: Russian Formalism and Phenomenological Method // *Continental Philosophy Review*, 2019, 52(1). P. 91–113.

Cheskin A., Kachuyevski A. The Russian-speaking Populations in the Post-Soviet Space: Language, Politics and Identity // *Europe Asia Studies*, 2018, 71(1). P. 1–23.

Cobley P. Introduction // P. Cobley, P. (Ed.), *The Communication Theory Reader*. London and New York: Routledge, 1996. P. 1–36.

Cobley P. Rozhdestvensky and Communication Theory, 2017. <https://sas-space.sas.ac.uk/6650/1/Cobley%20Rozhdestvensky%20Communication%20Theory.pdf> Accessed March 21, 2020.

Craig R. Communication Theory as a Field // *Communication Theory*, 1999, 9(2). P. 119–161.

Emerson C. Mamardashvili, Merab Konstantinovich (1930–90) // *The Routledge Encyclopedia of Philosophy Online*. Taylor and Francis, 1998. <https://www.rep.routledge.com/articles/biographical/mamardashvili-merab-konstantinovich-1930-90/v-1>. doi:10.4324/9780415249126-E028-1 Accessed March 22, 2020.

Emerson C. On the Generation that Squandered its Philosophers (Losev, Bakhtin, and Classical Thought as Equipment for Living) // *Studies in East European Thought*, 2004, 56. P. 95–117.

Emerson C. Review of: Maxim Waldstein, *The Soviet Empire of Signs: A History of the Tartu School of Semiotics*. *Kritika*, 2008, 12(1). <https://go.gale.com/ps/anonymous?id=GALE%7CA250032738&sid=googleScholar&v=2.1&it=r&linkaccess=abs&issn=1531023X&p=AONE&sw=w> Accessed April 5, 2020.

Emerson C. Russian Critical Theory // E. Dobrenko & M. Balina (Eds.), *The Cambridge Companion to Twentieth-century Russian Literature*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 269–288.

Engeström Y. & Miettinen R. Introduction // Y. Engeström, et al., (Eds.), *Perspectives on Activity Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 1–16.

Erlich V. *Russian Formalism: History-doctrine*. The Hague: Mouton, 1969

Ermolaev N. & Gleissner P. The Digital Émigré: Russian Periodical Studies and DH in the Slavic Fields // *Digital Humanities 2016: Conference Abstracts*. Jagiellonian University & Pedagogical University, Kraków, 2016. P. 786–787.

Foss S. & Griffin C. Beyond Persuasion: A Proposal for an Invitational Rhetoric // *Communication Monographs*, 1995, 62(1); P. 2–18.

Franklin S. & Bowers K. (Eds.), *Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600–1850*. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2017.

Freiberger-Sheikholeslami E. Forgotten Pioneers of Soviet Semiotics // *M. Herzfeld et. al.*, (Eds.), *Semiotics 1980*. New York, London: Plenum, 1982. P. 155–163.

Gerovitch S. ‘Russian Scandals’: Soviet Readings of American Cybernetics in the Early Years of the Cold War // *The Russian Review*, 2001, 60(4). P. 545–568.

Halas E. The Past in the Present. Lessons on Semiotics of History from George H. Mead and Boris A. Uspensky // *Symbolic Interaction*, 2013, 36(1). P. 60–77.

Hazen M. Thoughts on the Development of the Communication Discipline in the United States and Russia // *Russian Journal of Communication*, 2008, 1(4). P. 455–475.

Holland D. & Lachicotte W. Vygotsky, Mead, and the New Sociocultural Studies of Identity // *H. Daniels, M. et al.*, (Eds.), *The Cambridge Companion to Vygotsky*. Cambridge University Press, 2007. P. 101–135.

Ioffe, D. et al., (Eds.). *A/Z: Essays in Honor of Alexander Zholkovsky*. Brighton, US: Academic Studies Press, 2018.

Jirak J. & Kopplova B. Communication as an Academic Field: Eastern Europe and Russia // *W. Donsbach* (Ed.), *The International Encyclopedia of Communication*. Oxford: Blackwell, 2008. P. 609–614.

Kirillova N. et al. Public Speaking Skills in Educational Space: Russian Traditions and Americanized Approach // *Amazonia Investiga*, 2019, 8(21). P. 617–632.

Kull K. et al. A Hundred Introductions to Semiotics, for a Million Students: Survey of Semiotics Textbooks and Primers in the World // *Sign Systems Studies*, 2015, 43(2/3). P. 281–346.

Kurilla I., Zhuravleva V. (Eds.). *Russian/Soviet Studies in the United States, Amerikanistika in Russia*. Lanham, MD: Lexington Books., 2016.

Lanigan R. *Roman Jakobson’s Semiotic Theory of Communication*, 1991. <https://eric.ed.gov/?id=ED355570> Accessed March 7, 2020.

Laruelle M. The Discipline of Culturology: A New ‘Ready-made Thought’ for Russia // *Diogenes*, 2004, 204. P. 21–36.

Lektorsky V. The Activity Approach in Soviet Philosophy and Contemporary Cognitive Studies // *V. Lektorsky & M. Bykova* (Eds.), *Philosophical Thought in Russia in the Second Half of the Twentieth Century: A Contemporary View from Russia and Abroad*. New York, NY: Bloomsbury Academic, 2019. P. 209–224.

Lotman Yu. Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1990.

Lovell St. How Russia Learned to Talk: A History of Public Speaking in the Stenographic Age, 1860-1930. Oxford, UK: Oxford University Press, 2020.

Lunde I. Text and Theory: Reflections on the History of Rhetoric in Pre-Petrine Russia // P. Harsting & S. Ekman (Eds.) Ten Nordic Studies in the History of Rhetoric, vol.1. Copenhagen: NNRH, 2002. P. 11–26.

Lyanda-Geller O. Losev, Aleksei // *Filosofia: An Encyclopedia of Russian Thought*. February 2019, 2019. <http://filosofia.dickinson.edu/encyclopedia/losev-aleksei/> Accessed April 23, 2020.

Marin N. Rhetoric in Eastern Europe // W. Donsbach (Ed.), *The International Encyclopedia of Communication*, 2008. <https://doi.org/10.1002/9781405186407.wbiecr045> Accessed January 4, 2020.

Mazzali-Lurati S. Boris Uspenskij and the Semiotics of Communication: An Essay and an Interview // *Semiotica*, 2014, 199(1/4). P. 109–124.

Merrell F. Lotman's Semiosphere, Peirce's Signs, and Cultural Processes // *Russian Journal of Communication*, 2008, 1(4). P. 372–400.

Mindell D. et al. From Communications Engineering to Communications Science: Cybernetics and Information Theory in the United States, France, and the Soviet Union // M. Walker (Ed.), *Science and Ideology: A Comparative History*. London and New York: Routledge, 2003. P. 66–96.

Mizin K. & Korostenski J. 'Western' Cultural Linguistics and 'Post-Soviet' Linguoculturology: Causes of Parallel Development // *Лінгвістичні Студії*, 2019. 37. P. 7–13.

Murugova, E & Myasishev G. International Communication of the Ancient Russian State (Pragmalinguistic Aspect) // SHS Web Conf., 2019, 69. P. 1-5. https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2019/10/shsconf_cildiah2019_00074.pdf Accessed March 22, 2020.

Panasenko, N. Cognitive Linguistics and Phytonimic Lexicon // W. Xu & J. Taylor (Eds.), *The Routledge Handbook of Cognitive Linguistics*. London and New York: Routledge, 2021. P. 585–598.

Pesmen, D. Russia and soul: An exploration. Ithaca: Cornell University Press, 2000.

Peters B. Betrothal and Betrayal: The Soviet Translation of Norbert Weiner's Early Cybernetics // *International Journal of Communication*, 2008, 2. <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/212> Accessed February 23, 2020.

Peters B. Normalizing Soviet Cybernetics // *Information & Culture*, 2012, 47(2). P. 145–175.

Peters J. Speaking into the Air: A History of the Idea of Communication. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1999.

Peters J. Afterword: Doctors of Philosophy // J. Hannan (Ed.), Philosophical Profiles in the Theory of Communication. New York, NY: Peter Lang, 2012. P. 499–510.

Polski M., Gorman L. Yuri Rozhdstvensky vs. Marshall McLuhan: A Triumph vs. a Vortex // Explorations in Media Ecology, 2012, 10(3-4). P. 263–278.

Popkova E., Ostrovskaya V. (Eds.). Perspectives on the Use of New Information and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy // Cham, Switzerland: Springer, 2019.

Remaud O. On Vernacular Cosmopolitanisms, Multiple Modernities, and the Task of Comparative Thought // M. Freeden & A. Vincent (Eds.), Comparative Political Thought: Theorizing Practices. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge, 2013. P. 141–157.

Rozin V. Georgy Shchedrovitsky's Concept of Activity and Thought-activity // *Lekstorsky V. & Bykova M.* (Eds.), Philosophical Thought in Russia in the Second Half of the Twentieth Century: A Contemporary View from Russia and Abroad. New York, NY: Bloomsbury Academic., 2019. P. 245–258.

Scanlan J. Phenomenology in Russia: The Contribution of Gustav Shpet // *Man and World*, 1993, 26. P. 467–475.

Schaeken J. Voices on Birchbark. Everyday Communication in Medieval Russia. Leiden; Boston: Brill, 2018.

Schmid W. Narratology: An Introduction. Berlin/New York: Walter de Gruyter, 2010.

Shalin D. Communication, Democracy, and Intelligentsia // *Russian Journal of Communication*, 2018, 10(2-3). P. 110–146.

Spock J. et al. (Eds.). The Tapestry of Russian Christianity: Studies in History and Culture. Columbus, OH: The Ohio State University Press, 2016.

Stafecka M. Understanding as Being: Heidegger and Mamardashvili // *A. Tymieniecka* (Ed.). Phenomenology and Existentialism in the Twentieth Century. Analecta Husserliana, 2009, 103. Dordrecht: Springer

Tavassolie T., Winsler A. Vygotsky's Sociocultural Theory // *M. Bornstein* (Ed.), The SAGE Encyclopedia of Lifespan Human Development. 2018. <http://dx.doi.org/10.4135/9781506307633.n858> Accessed January 17, 2020.

Tulchinskii G. Social Semiotics: Communicative and Socio-cultural Practices. The Russian-speaking Contribution to the Development of Social Semiotics in 1970–2000s // *Russian Journal of Communication*, 2021. 10.1080/19409419.2021.1972829 Accessed January 12, 2020.

Ufimtseva N. Russian Psycholinguistics: Contribution to the Theory of Intercultural Communication // *Intercultural Communication Studies*, 2014, 13. P. 1–14.

Vladiv-Glover S. Poststructuralism in Georgia // *Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities*, 2010, 15(3). P. 27–39.

Vlasenko S. Minimal Unit of Legal Translation vs. Minimal Unit of Thought // L. Cheng, K. Kui Sin & A. Wagner (Eds.), *The Ashgate Handbook of Legal Translation*. Routledge: London and New York, 2014. P. 89–120.

Voronova O. et al. Russophone Diasporic Journalism: Production and Producers in the Changing Communicative Landscape // K. Smets et al. (Eds.), *The SAGE Handbook of Media and Migration*. London: Sage Publications, 2019. P. 258–271.

Waisbord S. Communication Studies Without Frontiers? Translation and Cosmopolitanism Across Academic Cultures // *International Journal of Communication*, 2016, 10. P. 868–886.

Waisbord S. Communication. A Post-discipline. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity, 2019.

Waisbord S., Mellado C. De-westernizing Communication Studies: A Reassessment // *Communication Theory*, 2014, 24. P. 361–372.

Waldstein M. The Soviet Empire of Signs: A History of the Tartu School of Semiotics. Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Müller, 2008.

Wang G. Culture, Paradigm, and Communication Theory: A Matter of Boundary or Commensurability // *Communication Theory*, 2014, 24(4). P. 373–393.

Wiedemann Th., Meyen M. Internationalization through Americanization: The Expansion of the International Communication Association's Leadership to the World // *International Journal of Communication*, 2016, 10. <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/4504> Accessed April 21, 2020.

Williams D. & M. Young. Rhetoric in Northern and Central Asia // W. Donsbach (Ed.). *The International Encyclopedia of Communication*. Oxford: Blackwell, 2008. <https://doi.org/10.1002/9781405186407.wbiecr064> Accessed April 21, 2020.

Zappen J. US and Russian Traditions in Rhetoric, Education and Culture // *Journal of Curriculum Studies*, 2012, 44(6). P. 745–760.

Zemliansky P., Amant K. (Eds.). *Rethinking Post-Communist Rhetoric. Perspectives on Rhetoric, Writing, and Professional Communication in Post-Soviet Spaces*. Lanham, MD: Lexington Books, 2016.

Zorin A. Ideology, Semiotics, and Clifford Geertz: Some Russian Reflections // *History and Theory*, 2002, 40(1). P. 57–73.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 25.09.2021

Дата принятия к печати: 25.12.2021

Сведения об авторе:

Клюканов Игорь Ангелевич – доктор филологических наук, профессор кафедры коммуникативных исследований Восточно-Вашингтонского университета, Чини, США

Контактная информация:

Cheney, WA, USA, 99004

ORCID: 0000-0003-2240-0980

e-mail: igorklyukanov@yahoo.com

Для цитирования:

Клюканов И.Э. Отечественные традиции теории коммуникации // Вопросы психолингвистики №4(50) 2021, С. 12–37. doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-12-37

UDC 81'11

LBC 87.4

DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-12-37

Research article

RUSSIAN TRADITIONS OF COMMUNICATIVE THEORY

Igor E. Klyukanov

Eastern Washington University, Cheney, USA

Annotation

The article examines the main Russian traditions of theoretical understanding of communication. It is noted that the domestic traditions of theorizing of communication are of scientific interest, since in Russia various aspects of communication have been the subject of study for a long time, including research in related subject areas and, above all, in the humanities. The special significance of comparative studies which draw parallels between Russian traditions and other cultural traditions is also noted. It is concluded that such studies will provide for better understanding of the genesis and development of various theories, as well as to develop more precise definitions of the fundamental concepts in the field of communication theory.

Keywords: communication, information, culture, traditions, context, comparative research

References

- Annushkin, V. (2011) *Istoriya russkoi ritoriki* [A History of Russian Rhetoric]. Moscow, Flinta Publ. 416 P. (in Russian)
- Annushkin, V. (2017) Filologiya – slovesnost' – ritorika – kul'tura rechi: k utochneniyu terminov I sodержaniya dannykh nauk [Philology – Literature – Rhetoric – Speech Culture: Toward Clarifying the Terms and Content of These Sciences]. In: *Rhetoric and Speech Culture in Modern Scientific Pedagogical Process and Socio- Communicative Practice: Proceedings of the 21st International Scientific Conference on Rhetoric, 1-3 February 2017*. Moscow, pp. 15–22. (in Russian)
- Averitsev, S. (1996) Khristianskii aristotelizm kak vnutrennaya forma zapadnoi traditsii i problem sovremennoi Rossii [Christian Aristotelianism as an Inner Form of the Western Tradition and Problems of Modern Russia]. In: *Ritorika i istoki evropeiskoi kul'turnoi traditsii* [Rhetoric and the Origins of the European Cultural Tradition]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoi kul'tury”, pp. 319–367. (in Russian)
- Bowers, K. (2017) Experiencing Information: An Early Nineteenth-Century Stroll Along Nevskii Prospekt. In: S. Franklin & K. Bowers (Eds.), *Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600-1850*. Cambridge, UK: Open Book Publishers, pp. 369–407.
- Byford, A., et al. (Eds.). (2020) *Transnational Russian Studies*. Liverpool, UK, Liverpool University Press.
- Bykova, M. (2016) On the Phenomenological Philosophy in Russia. *Russian Studies in Philosophy*, 54(1), 1–7. (in Russian)
- Bykova, M. (2019) Merab Mamardashvili and His Philosophical Calling. *Studies in East European Thought*. 71, 169–172. (in Russian)
- Chernavin, G. & Yampolskaya, A. (2019) 'Estrangement' in Aesthetics and Beyond: Russian Formalism and Phenomenological Method. *Continental Philosophy Review*. 52(1), 91–113. (in Russian)
- Cheskin, A. & Kachuyevski, A. (2018) The Russian-speaking Populations in the Post-Soviet Space: Language, Politics and Identity. *Europe Asia Studies*. 71(1), 1–23. (in Russian)
- Cobley, P. (1996) Introduction. In: Cobley, P. (Ed.) *The Communication Theory Reader*. London and New York: Routledge, pp. 1–36.
- Cobley, P. (2017) *Rozhdestvensky and Communication Theory*. Available from: <https://sas-space.sas.ac.uk/6650/1/Cobley%20Rozhdestvensky%20Communication%20Theory.pdf> [Accessed 21st March 2020].
- Craig, R. (1999) Communication Theory as a Field. *Communication Theory*. 9(2), 119–161.

Dal', V. (1956) *Tolkovyi Slovar' Zhivogo Velikorusskogo Yazyka: V 4 Tomakh* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes]. Moscow, "Russkii Yazyk". (in Russian)

Emerson, C. (1998) Mamardashvili, Merab Konstantinovich (1930–90). In: *The Routledge Encyclopedia of Philosophy Online*. Taylor and Francis. Available from: <https://www.rep.routledge.com/articles/biographical/mamardashvili-merab-konstantinovich-1930-90/v-1>. doi:10.4324/9780415249126-E028-1 [Accessed 22nd March 2020].

Emerson, C. (2004) On the Generation that Squandered its Philosophers (Losev, Bakhtin, and Classical Thought as Equipment for Living). *Studies in East European Thought*. 56, 95–117.

Emerson, C. (2008) Review of: Maxim Waldstein, *The Soviet Empire of Signs: A History of the Tartu School of Semiotics*. *Kritika*. 12(1). Available from: <https://go.gale.com/ps/anonymous?id=GALE%7CA250032738&sid=googleScholar&v=2.1&it=r&linkaccess=abs&issn=1531023X&p=AONE&sw=w> [Accessed 5th April 2020].

Emerson, C. (2011) Russian Critical Theory. In: E. Dobrenko & M. Balina (Eds.) *The Cambridge Companion to Twentieth-century Russian Literature*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 269–288.

Engeström, Y. & Miettinen, R. (1999) Introduction. In: Y. Engeström, et al., (Eds.) *Perspectives on Activity Theory*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 1–16.

Erlich, V. (1969) *Russian Formalism: History-doctrine*. The Hague, Mouton.

Ermolaev, N. & Gleissner, P. (2016) The Digital Émigré: Russian Periodical Studies and DH in the Slavic Fields. In: *Digital Humanities 2016: Conference Abstracts*. Jagiellonian University & Pedagogical University. Kraków, pp. 786–787.

Fenomenologiya segodnya: Vzglyad iz Rossii [Phenomenology Today: A View from Russia (2010)]. *Logos* 5(78). Available from: https://platona.net/load/zhurnaly_po_filosofii/logos/logos_2010_5_78_fenomenologija_segodnja_vzgljad_iz_rossii/68-1-0-4669. [Accessed 21st March 2020]. (in Russian)

Foss, S., Griffin, C. (1995) Beyond Persuasion: A Proposal for an Invitational Rhetoric. *Communication Monographs*. 62(1), 2–18.

Franklin, S. & Bowers, K. (Eds.) (2017), *Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600-1850*. Cambridge, UK, Open Book Publishers.

Freiberger-Sheikholeslami, E. (1982) Forgotten Pioneers of Soviet Semiotics. In: M. Herzfeld et al., (Eds.), *Semiotics 1980*. New York, London, Plenum, 155–163.

Gerovitch, S. (2001) 'Russian Scandals': Soviet Readings of American Cybernetics in the Early Years of the Cold War. *The Russian Review*. 60(4), 545–568.

Halas, E. (2013) The Past in the Present. Lessons on Semiotics of History from George H. Mead, B.A. Uspensky. *Symbolic Interaction*. 36(1), 60–77.

Hazen, M. (2008) Thoughts on the Development of the Communication Discipline in the United States and Russia. *Russian Journal of Communication*. 1(4), 455–475.

Holland, D. & Lachicotte, W. (2007) Vygotsky, Mead, and the New Sociocultural Studies of Identity. In: H. Daniels, M. et al., (Eds.), *The Cambridge Companion to Vygotsky*. Cambridge University Press, pp. 101–135.

Ioffe, D. et al., (Eds.) (2018). *A/Z: Essays in Honor of Alexander Zholkovsky*. Brighton, US, Academic Studies Press.

Jirak, J. & Kopplova, B. (2008) Communication as an Academic Field: Eastern Europe and Russia. W. Donsbach (Ed.). *The International Encyclopedia of Communication*. Oxford, Blackwell, P. 609–614.

Kirillova, N., et al. (2019) Public Speaking Skills in Educational Space: Russian Traditions and Americanized Approach. *Amazonia Investiga*. 8(21), 617–632.

Kull, K., et al. (2015) A Hundred Introductions to Semiotics, for a Million Students: Survey of Semiotics Textbooks and Primers in the World. *Sign Systems Studies*. 43(2/3), pp. 281–346.

Kurilla, I., Zhuravleva, V. (Eds.). (2016) Russian/Soviet Studies in the United States. In: *Amerikanistika in Russia*. Lanham, MD, Lexington Books.

Lanigan, R. (1991) Roman Jakobson's Semiotic Theory of Communication. Available from: <https://eric.ed.gov/?id=ED355570> [Accessed 7th March 2020].

Laruelle, M. (2004) The Discipline of Culturology: A New 'Ready-made Thought' for Russia. *Diogenes*. 204, 21–36.

Lektorsky, V. (2019) The Activity Approach in Soviet Philosophy and Contemporary Cognitive Studies. In: V. Lektorsky & M. Bykova (Eds.), *Philosophical Thought in Russia in the Second Half of the Twentieth Century: A Contemporary View from Russia and Abroad*. New York, NY, Bloomsbury Academic, pp. 209–224.

Lotman, Yu. (1990) *Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture*. Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press.

Lovell, St. (2020) *How Russia Learned to Talk: A History of Public Speaking in the Stenographic Age, 1860-1930*. Oxford, UK, Oxford University Press.

Lunde, I. (2002) Text and Theory: Reflections on the History of Rhetoric in Pre-Petrine Russia. In: P. Harsting & S. Ekman (Eds.) *Ten Nordic Studies in the History of Rhetoric, vol. I*. Copenhagen, NNRH. pp. 11–26.

Lyanda-Geller, O. Losev, Aleksei. In: *Filosofia: An Encyclopedia of Russian Thought. February 2019*. Available from: <http://filosofia.dickinson.edu/encyclopedia/losev-aleksei/> [Accessed 23d April 2020].

Marin, N. (2008) Rhetoric in Eastern Europe. In: W. Donsbach (Ed.) *The International Encyclopedia of Communication*. Available from: <https://doi.org/10.1002/9781405186407.wbiecr045> [Accessed 4th January 2020].

Mazzali-Lurati, S. (2014) Boris Uspenskij and the Semiotics of Communication: An Essay and an Interview. *Semiotica*. 199(1/4), 109–124.

Merrell, F. (2008) Lotman's Semiosphere, Peirce's Signs, and Cultural Processes. *Russian Journal of Communication*. 1(4), 372–400.

Mindell, D., et al. (2003) From Communications Engineering to Communications Science: Cybernetics and Information Theory in the United States, France, and the Soviet Union. In: M. Walker (Ed.) *Science and Ideology: A Comparative History*. London and New York, Routledge, pp. 66–96.

Mizin, K., Korostenski, J. (2019) 'Western' Cultural Linguistics and 'Post-Soviet' Linguoculturology: Causes of Parallel Development. *Linguistic studies*. 37, 7–13.

Monin, M. (2017) Kul'turologiya i/li Cultural studies [Culturology and / or Cultural studies]. *Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy*. 1, 78–84. (in Russian)

Murugova, E., Myasishev, G. (2019) International Communication of the Ancient Russian State (Pragmalinguistic Aspect). *SHS Web Conf*. 69, 1-5. Available from: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2019/10/shsconf_cildiah2019_00074.pdf [Accessed 22nd March 2020].

Panasenko, N. (2021) Cognitive Linguistics and Phytonimic Lexicon. In: W. Xu & J. Taylor (Eds.) *The Routledge Handbook of Cognitive Linguistics*. London and New York, Routledge, pp. 585–598.

Pesmen, D. (2000) *Russia and soul: An exploration*. Ithaca, Cornell University Press.

Peters, B. (2008) Betrothal and Betrayal: The Soviet Translation of Norbert Weiner's Early Cybernetics. *International Journal of Communication*. 2. Available from: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/212> [Accessed 23^d February 2020].

Peters, B. (2012) Normalizing Soviet Cybernetics. *Information & Culture*. 47(2), 145–175.

Peters, J. (1999) *Speaking into the Air: A History of the Idea of Communication*. Chicago, IL, The University of Chicago Press.

Peters, J. (2012) Afterword: Doctors of Philosophy. In: J. Hannan (Ed.) *Philosophical Profiles in the Theory of Communication*. New York, NY, Peter Lang, pp. 499–510.

Pocheptsov, G. (1998) *Istoriya russkoi semiotiki do i posle 1917 goda* [History of Russian semiotics before and after 1917]. Moscow Publishing house "Labyrinth". 336 p. (in Russian)

Polski, M. & Gorman, L. (2012) Yuri Rozhdestvensky vs. Marshall McLuhan: A Triumph vs. a Vortex. *Explorations in Media Ecology*. 10(3-4), 263–278.

Popkova, E., Ostrovskaya, V. (Eds.). (2019) *Perspectives on the Use of New Information and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy*. Cham, Switzerland, Springer.

Remaud, O. (2013) On Vernacular Cosmopolitanisms, Multiple Modernities, and the Task of Comparative Thought. In: M. Freeden & A. Vincent (Eds.) *Comparative Political Thought: Theorizing Practices*. Abingdon, Oxon; New York, NY, Routledge, pp. 141–157.

Rozin, V. (2019) Georgy Shchedrovitsky's Concept of Activity and Thought-activity. In: Lekstorsky V. & Bykova M. (Eds.) *Philosophical Thought in Russia in the Second Half of the Twentieth Century: A Contemporary View from Russia and Abroad*. New York, NY, Bloomsbury Academic, pp. 245–258.

Scanlan, J. (1993) Phenomenology in Russia: The Contribution of Gustav Shpet. *Man and World*. 26, 467–475.

Schaeken, J. (2018) *Voices on Birchbark. Everyday Communication in Medieval Russia*. Leiden; Boston, Brill.

Schmid, W. (2010) *Narratology: An Introduction*. Berlin/New York, Walter de Gruyter.

Shalin, D. (2018) Communication, Democracy, and Intelligentsia. *Russian Journal of Communication*. 10(2–3), 110–146.

Spock J. et al. (Eds.). *The Tapestry of Russian Christianity: Studies in History and Culture*. Columbus, OH: The Ohio State University Press, 2016.

Stafecka, M. (2009) Understanding as Being: Heidegger and Mamardashvili. In: A. Tymieniecka (Ed.) *Phenomenology and Existentialism in the Twentieth Century*. Analecta Husserliana.103. Dordrecht, Springer.

Tavassolie, T., Winsler, A. (2018) Vygotsky's Sociocultural Theory. In: M. Bornstein (Ed.) *The SAGE Encyclopedia of Lifespan Human Development*. Available from: <http://dx.doi.org/10.4135/9781506307633.n858> [Accessed 17th January 2020].

Tulchinskii, G. (2021) Social Semiotics: Communicative and Socio-cultural Practices. The Russian-speaking Contribution to the Development of Social Semiotics in 1970–2000s. *Russian Journal of Communication*. Available from: 10.1080/19409419.2021.1972829 [Accessed 12th January 2020].

Ufimtseva, N. (2014) Russian Psycholinguistics: Contribution to the Theory of Intercultural Communication. *Intercultural Communication Studies*. 13, 1–14.

Vladiv-Glover, S. (2010) Poststructuralism in Georgia. *Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities*. 15(3), 27–39.

Vlasenko, S. (2014) Minimal Unit of Legal Translation vs. Minimal Unit of Thought. L. Cheng, K. Kui Sin & A. Wagner (Eds.) *The Ashgate Handbook of Legal Translation*. Routledge, London and New York, pp. 89–120.

Voloshinov, V. (1929) *Marksizm i filosofiya yazyka* [Marxism and Philosophy of Language]. Leningrad, “Priboy” Publ. 157 p. (in Russian)

Voronova, O. et al. (2019) Russophone Diasporic Journalism: Production and Producers in the Changing Communicative Landscape. In: K. Smets et al. (Eds.) *The SAGE Handbook of Media and Migration*. London, Sage Publications, pp. 258–271.

Waisbord, S. (2016) Communication Studies Without Frontiers? Translation and Cosmopolitanism Across Academic Cultures. *International Journal of Communication*, 10, 868–886.

Waisbord, S. (2019) *Communication. A Post-discipline*. Cambridge, UK; Malden, MA, Polity.

Waisbord, S., Mellado, C. (2014) De-westernizing Communication Studies: A Reassessment. *Communication Theory*. 24, 361–372.

Waldstein, M. (2008) *The Soviet Empire of Signs: A History of the Tartu School of Semiotics*. Saarbrücken, VDM Verlag Dr. Müller.

Wang, G. (2014) Culture, Paradigm, and Communication Theory: A Matter of Boundary or Commensurability. *Communication Theory*. 24(4), 373–393.

Wiedemann, Th. & Meyen, M. (2016) Internationalization through Americanization: The Expansion of the International Communication Association’s Leadership to the World. *International Journal of Communication*. 10. Available from: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/4504> [Accessed 21st April 2020].

Williams, D., Young, M. (2008) Rhetoric in Northern and Central Asia. W. Donsbach (Ed.) *The International Encyclopedia of Communication*. Oxford, Blackwell. Available from: <https://doi.org/10.1002/9781405186407.wbiecr064> [Accessed 21st April 2020].

Zappen, J. (2012) US and Russian Traditions in Rhetoric, Education and Culture. *Journal of Curriculum Studies*. 44(6), 745–760.

Zemliansky, P., Amant, K. (Eds.). (2016) *Rethinking Post-Communist Rhetoric. Perspectives on Rhetoric, Writing, and Professional Communication in Post-Soviet Spaces*. Lanham, MD, Lexington Books.

Zorin, A. (2002) Ideology, Semiotics, and Clifford Geertz: Some Russian Reflections. *History and Theory*. 40(1), 57–73.

Article history:

Received: 25.09.2021

Accepted: 25.12.2021

Bionotes:

Igor E. Klyukanov – Professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

Contact information:

Cheney, WA, USA, 99004

ORCID: 0000-0003-2240-0980

e-mail: igorklyukanov@yahoo.com

For citation:

Klyukanov I. E. (2021) Russian traditions in the theory of communication. *Journal of Psycholinguistics*. 4 (50), pp. 12–37. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-12-37 (in Russian)

УДК 81'(23+27)

Научная статья

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-38-55

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ АГРЕССИИ КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ФОРМЫ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ В ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Бубнова Ирина Александровна

Государственное автономное образовательное учреждение города Москвы
«Московский городской педагогический университет»,
Москва, Россия

Аннотация

Целью статьи является обоснование применения психолингвистического подхода к исследованию *речевой агрессии* в публичной дипломатии XXI века – явления, пока остающегося практически вне фокуса внимания в лингвистике. Приводятся аргументы в пользу того, что изучение данного феномена в настоящее время является одной из наиболее актуальных научных задач. Основываясь на методологических принципах общепсихологической теории деятельности, автор определяет *речевую агрессию* как специфический подтип общения, нацеленный на рассогласование социальной деятельности между людьми, связанными определенным образом в психологическом отношении. Доказывается, что смысл речевой агрессии как совершенно нового явления в дипломатическом дискурсе, проявляющегося во внешних характеристиках речевых произведений, определяется скрытыми ведущими мотивами деятельности говорящих, которые обусловлены новой универсальной идеологией, отражающей общую ситуацию в мире и тенденции его развития. Анализируется потенциал психолингвистических методик, которые не просто позволяют фиксировать внутреннее содержание агрессивных текстов, их координаты в семантическом пространстве, но и оценивать глубину их воздействия на сознание адресата, прежде всего, сознание обычных людей, а также устанавливать специфику интерпретаций намерений авторов и задаваемой текстами программы деятельности разными группами реципиентов. Обсуждается возможность применения комплексных методов исследования речевой агрессии в публичном дипломатическом дискурсе, включающих как чисто психолингвистические методики, так и методики, используемые в других областях лингвистики. Демонстрируется, что

психолингвистический подход в исследовании речевой агрессии в дипломатии позволяет решать целый ряд задач, связанных с раскрытием механизмов управления массовым сознанием в глобальном масштабе.

Ключевые слова: психолингвистический подход, речевая агрессия, дипломатический дискурс XXI века, мотивы, смысл агрессии, новая идеология, методы исследования

Введение

Определяющей чертой XXI века – века цифровых технологий и виртуализации окружающей реальности – является совершенно новая система правил языка и культуры, повлекшая за собой и смену традиционных моделей коммуникации, родившихся в результате полностью изменившихся условий существования человечества. Именно этот последний фактор, если помнить известный тезис Гегеля “Reden sind Handlungen unter Menschen” [Hegel 1840: 55], определил (в самом широком смысле этого слова) сегодняшние правила коллективной деятельности, которые отражают не какие-то частные перемены, затронувшие ту или иную отдельную сферу, а кардинально иной тип взаимодействия людей как членов принципиально другого вида общества, т.к. сам процесс общения, специфика его организации, не может рассматриваться «вне всякой связи с характером общественных отношений, в отрыве от качественного социального содержания форм общения» [Буева 1968: 113–114].

Трансформация общественных отношений в глобальном масштабе отразилась не только на характере общения в массовой коммуникации, межличностном и групповом взаимодействии, но затронула и самые консервативные типы дискурсов, подчинявшиеся складывавшимся веками непреложным нормам, нарушение которых считалось невозможным. Прежде всего это касается дипломатического дискурса, отличавшегося с момента возникновения традиций, а впоследствии – законов, регулирующих контакты между государствами и их официальными представителями, выдержанностью и скрупулезностью в формулировках, особым языком, понятным лишь профессионалам, внешне непредвзятым, лишенным эмоций, поведением [Бубнова, Терентий 2012]. Однако на современном этапе эти принципы все чаще игнорируются, а высказывания дипломатических служащих самого высокого ранга в публичном пространстве даже в ходе официальных мероприятий отличаются некорректностью, категоричностью, эксплицитными обвинениями в адрес оппонентов.

Наблюдаемые процессы, совершенно нетипичные для классической

дипломатии, прежде всего высокий уровень агрессии, ставший характерной чертой данного типа дискурса, с точки зрения психолингвистики кажутся весьма значимыми и достойными самого тщательного анализа в силу целого ряда причин. Во-первых, изменение общей риторики, нормализация лексики угроз как внешнего возможного способа достижения поставленной цели, если рассматривать это явление с позиций теории деятельности, свидетельствует о смене ведущих мотивов публичной дипломатической коммуникации, и, следовательно, о идущей в настоящий момент перестройке всей системы международных отношений, поэтому исследование агрессии в таком ракурсе представляется одним из ключевых вопросов, решение которого имеет как теоретическую, так и практическую значимость. Не менее важным фактором является то, что агрессивная лексика – это лексика, характерная для правого популизма, доминирующего сегодня в современном политическом поле в самых разных странах Европы и Северной Америки [Водак 2018], следовательно, ее постоянное появление в дискурсе публичной дипломатии отражает некие убеждения, новую универсальную идеологию, определяющую общую ситуацию в мире и тенденции его развития. Выявление, анализ и понимание ее содержания, изучение имплицитных основ речевой агрессии, их языковых характеристик, сравнение стратегий и тактик агрессивного речевого поведения в публичном дипломатическом дискурсе и других типах дискурсивных практик, на наш взгляд, также является весьма актуальной задачей, решение которой позволяет вскрыть многие недоступные внешнему наблюдению механизмы управления массовым сознанием в глобальном масштабе.

Все вышесказанное позволяет предполагать, что изучение закономерностей проявления феномена агрессии как характерного для новейшей истории компонента дипломатической коммуникации оказывается крайне перспективным направлением лингвистических исследований, и, прежде всего, это касается отечественной психолингвистики, концептуальная система которой, как подчеркивает А.А. Леонтьев, принципиально открыта, что «создает возможность расширять и углублять ее проблематику, не производя коренной “ломки” уже сделанного» [Леонтьев 2007: 19]. Таким образом, **основная цель** нашей работы заключается в обосновании применения принципов теории речевой деятельности и постулатов общей теории деятельности для анализа агрессивного речевого поведения представителей дипломатического корпуса.

Обзор литературы

Следует отметить, что традиционно агрессия изучается в рамках философии, социологии и психологии, причем подходы к ней в этих научных сферах в значительной степени пересекаются, взаимодополняя друг друга.

С позиций социально-философского знания те или иные проявления

агрессивного поведения связываются с доминирующими в обществе социокультурными ценностями, которые, вступая в непримиримые противоречия с индивидуальной системой ценностных ориентаций, часто являются причиной разрушения последних. Именно этим обстоятельством, как полагают исследователи, обусловлена утрата отдельным человеком чувства стабильности и смысла [Дюркгейм 1994], осознание личностью невозможности реализации своих целей социально приемлемыми способами [Мертон 2006; Сорокин, Мертон 2004], что и порождает деструктивное и агрессивное поведение. Данная линия исследования, фокусирующаяся на связи различных поведенческих отклонений с проблемами, поразившими современное общество, углублением духовного кризиса, появлением нового антропологического типа «человека-потребителя» [Маркузе 2009], остается доминирующей и в настоящее время [Афанасьев 1995; Стризов 1999 и др.], дополняясь многочисленными работами, направленными на изучение специфических форм агрессии и насилия, в частности экстремизма, который непосредственно связывается с современными формами социальной жизни и современной культурой [Киреев 2005; Кугай 2000 и др.].

В зарубежной психологии – психоанализе, психокультурном фрейдизме, бихевиоризме, экзистенциальной психологии и т.д. – объектом внимания с самого начала стал широкий спектр вопросов, касающихся разных сторон данного поведенческого феномена: целей агрессии, ее связей с эмоциональным состоянием личности [Bandura 1973; Carver, Ganellen, Froming, & Chambers 1983], роли когнитивных процессов и научения в продуцировании агрессии [Berkowitz 1990; Bandura 1975; Miller, Dinitz, & Conrad 1982; Liebert, & Sprafkin 1988; Carlson, Marcus-Newhall, & Miller 1990; Taylor, O’Neal, Langley, & Butcher 1991], биологических механизмов, лежащих в основе деструктивной деятельности [Freud 1920; Лоренц 2017; Кречмер 2015], социальных источников, способствующих развитию склонности к насилию [Bandura 1973; Bach, et al 1974] и т.д.

В отличие от западной, в советской психологии человеческая агрессия как особая проблема не выделялась. Причина этого кроется, с одной стороны, в идеологии, доминировавшей в СССР, а с другой – в специфике подхода к личности, развиваемом в отечественной науке в XX веке, с позиции которого содержание психики отдельного представителя человеческого сообщества рассматривалось как интеграция истории развития психического у всего рода, повторяющейся в личной истории индивида, включающей в себя в качестве неотъемлемой части процесс социализации [Ананьев 1977]. Иными словами, вопросы формирования и развития личности осмыслялись

с точки зрения неразрывного единства биологических и культурных процессов [Выготский 2004; Леонтьев 1965; Рубинштейн 1997 и др.], тесно взаимосвязанных с историей формирования и развития всего человечества, его культурным наследием и тенденциями развития вселенной [Ананьев 1977].

Как подчеркивает А.Н. Леонтьев, последний фактор, т.е. «проблема развития человека в связи с развитием культуры общества» [Леонтьев 1965: 410], привлекает особое внимание в связи с кажущимся несуществующим единством населения нашей планеты, обусловленным в реальности не биологическими различиями, а уровнем развития духовных сил и способностей, непосредственно связанным с усвоением всего накопленного культурного богатства, или, напротив, с расслоением культуры, отчуждением ее от человека. Именно это обстоятельство в итоге определяет «разрыв, с одной стороны, между величайшими способностями, развитыми человечеством, а с другой – той бедностью и односторонностью развития, которая, хотя и в разной степени, составляет удел конкретных людей» [Леонтьев 1965: 418]. Иначе говоря, по мнению автора, предопределяют и детерминируют процессы развития отдельного индивида и всего общества различные социальные структуры, социум, несущий ответственность за специально организованный процесс воспитания и образования.

Такой акцент на роли социальных факторов, определяющих бытие человека, его отношение к миру, порождающее в определенных условиях внутренние противоречия, борьбу мотивов, влекущую за собой особенности характера личности, полностью соответствовал основным положениям культурно-исторической теории Л.С. Выготского [Выготский 2004] и доминировал в отечественной психологии в XX веке. Эти же идеи в значительной степени определяют и современный подход к анализу специфических черт индивидуальной жизнедеятельности в работах российских психологов, рассматривающих девиантное, в том числе агрессивное, поведение как результат накопления внутреннего эмоционального напряжения, связанного, прежде всего, с современными социальными условиями жизни [Клейберг 2008; Лысак 1999 и др.].

В начале нового столетия феномен агрессии попал и в фокус интереса коммуникативной лингвистики, где стал использоваться термин *речевая агрессия*, фиксирующий лингвистический характер изучаемого явления и подчеркивающий его сущность, которая заключается в предпочтении говорящими определенных стратегий и тактик, отвечающих поставленным целям и обуславливающих дальнейший отбор языковых средств. Сама агрессия в данном направлении определяется как особый тип «речевого

поведения, в основе которого лежит преднамеренная деформация адресантом коммуникативного пространства адресата» [Воронцова 2006: 84], «целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние у объекта речевого воздействия» [Седов 2003: 113], либо «все типы негативного или критического отношения говорящего к адресату, выраженные при помощи языковых средств» [Апресян 2003: 32].

Таким образом, проведенный аналитический обзор позволяет утверждать, что агрессия уже давно оказалась в сфере интересов гуманитарной науки. При этом важно подчеркнуть, что, несмотря на высокий интерес к феномену агрессии в разных сферах гуманитарного знания, с позиций психолингвистики он практически не изучался, хотя именно методология, лежащая в основе отечественной теории речевой деятельности, позволяет интерпретировать агрессию как одну из форм социопсихолингвистически значимой формы речевого общения и исследовать ее в рамках психолингвистической парадигмы, используя в этом процессе данные, полученные в других областях науки.

В этом отношении наиболее значимыми для психолингвистического подхода к феномену агрессии в публичном дипломатическом дискурсе выводами, сделанными в ходе ее изучения в рамках философии, социологии, психологии, оказываются:

– психологическое определение агрессии как действия с целью нарушения физической или психической целостности другого человека, нанесения ему материального ущерба, препятствия осуществлению его намерений [Хекхаузен 2003], попытки оскорбить или причинить вред реципиенту [Бэрн, Ричардсон 2001];

– выделенные в психологии цели такого типа поведения людей, «которые могут быть для них более важными, чем желание нанести ущерб своим жертвам: **желание влиять на ситуацию, осуществлять власть над другой личностью или сформировать благоприятную (предпочитаемую) идентичность.** <...> Агрессоры могут стремиться добиться своего или **утвердить свою власть с тем, чтобы повысить чувство собственной ценности**» [Берковиц 2001: 29] [выделено нами – И.Б.];

– объяснение жестокости и деструктивности, предложенное Э. Фроммом, истоки которых, по его мнению, кроются не в разрушительных инстинктах, унаследованных Homo sapiens от животных, а именно в социокультурных факторах, детерминирующих поведение человека [Фромм 1994];

– доказанное в отечественной психологии положение о зависимости эволюционирования и, соответственно, форм поведения человека от тенденций

развития всего человечества, от уровня зрелости духовных сил и способностей представителей каждой нации и этноса, от процесса отчуждения культуры от индивида, а также положение об определяющей роли характера общественных отношений, обуславливающих социальное содержание форм общения.

Концепция и методы исследования

С позиции общепсихологической теории деятельности общение представляет собой процесс установления и поддержания целенаправленного контакта между людьми (прямого либо опосредованного), позволяющего изменять протекание совместной деятельности за счет согласования/рассогласования либо осуществлять целенаправленное воздействие на группу людей/личность или их/ее непосредственное поведение в процессе социально-ориентированной деятельности [Леонтьев: 63].

Полностью разделяя данную точку зрения, подчеркнем, что одним из наиболее эффективных намеренных способов разрушения контакта и, одновременно, воздействия на собеседника, является именно агрессия, которая, следовательно, может определяться как специфический подтип общения, нацеленный на рассогласование социальной деятельности между людьми, связанными определенным образом в психологическом отношении.

Агрессия в психолингвистической парадигме, как представляется, должна определяться и изучаться именно как *речевая агрессия*, так как данный термин абсолютно отвечает общим методологическим принципам этой сферы научного знания: он отражает не только изначальный фокус психолингвистических исследований на речевой деятельности, но и саму структуру деятельности говорящего, ее связь со структурой сознания (деятельность – мотив, действие – цель, операция – задачи и условия), что предопределяет и одновременно ограничивает выбор языковых средств на каждом этапе коммуникации не только общим мотивом адресанта, его промежуточными целями, тактическими задачами и условиями протекания общения, но и системой правил, принятых в определенном социуме или в мировом сообществе.

Выше уже упоминалось, что речевая агрессия в публичном дипломатическом дискурсе XXI века является совершенно новым феноменом, специфика которого, по нашему мнению, проявляется и раскрывается непосредственно во внешних характеристиках речевых произведений, а его смысл определяется скрытыми ведущими мотивами деятельности дипломатических служащих.

Если говорить о внешних проявлениях, т.е. о характерных чертах современной дипломатической речи, то необходимо выделить следующее.

Традиционная дипломатическая речь всегда отличалась признаками,

свойственными классической риторике, сформулированными еще Аристотелем [Аристотель 2000]. Иначе говоря, любая речь дипломата предполагала тщательное планирование всей коммуникативной ситуации, выбор речевых стратегий, соответствующих общей цели, отбор подходящих для данной аудитории методов убеждения и приёмов удержания ее внимания, прогнозирование реакции адресата на каждом этапе общения, а также, что важно в контексте нашего исследования, неуклонное следование принципам эффективного ведения диалога, основанным на теории аргументации [Головина 2019: 206].

Сознательный отказ современного дипломата от стратегии вежливости в совокупности с практически полным отсутствием аргументации ведет к полному искажению классических методов убеждения. Сегодня эти методы неразрывно связаны с речевой агрессией, в результате чего: а) это определяется уже не нравственностью говорящего, а его агрессией, служащей инструментом понижения авторитета оппонента и повышения собственного, что помогает укрепить позицию адресанта; б) логос выражен лишь внешне, а глубинной его основой являются манипулятивные стратегии и тактики, позволяющие приводить аргументы, которые безупречны на первый взгляд, однако разрушаются в ходе анализа; в) пафос проявляется, прежде всего, в эмоциональном заражении и внушении определенных идей.

Что касается внутренних причин появления речевой агрессии, мотивов, обуславливающих такое поведение дипломата, то их раскрытие требует более подробного рассмотрения базовых составляющих данного действия.

Традиционно в речевом действии, содержащем агрессию, выделяют несколько компонентов: интенцию, цель, средства её достижения и результат, представленный в виде самого речевого произведения [Голев 2002].

Однако очевидно, что в дипломатическом дискурсе речевая агрессия как специфическое речевое действие, несмотря на наличие всех вышеперечисленных компонентов, качественно отличается по ряду характеристик, а именно:

- 1) всегда имеет косвенный характер и направлена не на оппонента, а на государство в целом;
- 2) выражается, в отличие от дипломатии традиционной, чаще всего эсплицитно;
- 3) относясь по своему типу к инструментальным, ориентирована, прежде всего, на создание определенного эффекта, причем этот эффект должен распространиться на возможно более широкую аудиторию.

Иначе говоря, речевое произведение является лишь одной из составляющих агрессии, но не ее запланированным результатом, который в данном случае

может быть комплексным и включать в себя стремление повлиять на ситуацию, одновременно демонстрируя свою власть, формирование определенной идентичности и конструирование нужного видения реальности, прежде всего, в сознании массовой аудитории.

С другой стороны, именно языковая организация высказывания, опирающаяся на знание психологических механизмов воздействия, обеспечивает усвоение и запоминание транслируемых взглядов, следовательно, специфика данной структуры не может игнорироваться, причем ее изучение требует использования целого ряда психолингвистических методик, прежде всего тех, которые непосредственно связаны с оценкой степени эффективности целенаправленного речевого воздействия – той цели, которой подчинен, как мы попытались это доказать, современный публичный дипломатический дискурс.

Мы полагаем, что в ходе таких исследований востребованными могут оказаться уже получившие признание и доказавшие свою продуктивность (причем не только в психолингвистике) методики, позволяющие: 1) оценить воздействующий потенциал текста; 2) выявить его содержание. В первом случае речь идет о свободном ассоциативном эксперименте, основное значение которого заключается в возможности как количественной, так и качественной оценки текста в силу его направленности на раскрытие смысловых отношений, определяющих выделяемые в ходе исследования понятия. Не менее действенной может оказаться и методика семантического дифференциала, в результате чего возможно получить точные координаты данных текстов в семантическом пространстве. Что касается анализа содержания, то здесь результативной должна быть методика выделения ключевых слов, позволяющая эксплицитно показать сдвиг в смысловом поле реципиентов, т.е. переход от знания к убеждению, произошедший в результате целенаправленного воздействия на сознание массового адресата.

Фундаментальной в анализируемом аспекте представляется и проблема селективности восприятия – проблема восприятия одних и тех же текстов разными группами реципиентов, т.е. группами, объединяемыми по признаку степени развития языковой личности, где вполне применимы методики, разработанные в семиосоциопсихологии /социопсихолингвистике, позволяющие выявлять специфику интерпретации намерения автора текста и саму программу задаваемой им деятельности коллективным адресатом [Дридзе 1984, 1996].

В целом очевидно, что исследование речевой агрессии в публичном дипломатическом дискурсе требует комплексного подхода, однако необходимость изучения этого феномена в психолингвистической парадигме,

на наш взгляд, сомнений не вызывает.

Дискуссия

Психолингвистический подход к анализу феномена речевой агрессии в публичной дипломатической коммуникации, как мы попытались доказать, является одним из наиболее коррелирующих с задачами, реализуемыми в данной научной области. Тем не менее, в современной науке такие исследования не могут быть ограничены только рамками одного направления, даже, казалось бы, полностью удовлетворяющего поставленным целям. Интегративность, доминирующая сегодня в науке о языке, требует объединения исследовательских методик, что позволяет решать самые сложные задачи, связанные с описанием и анализом новых явлений, непосредственно касающихся практической деятельности. Это замечание полностью относится и к речевой агрессии, в изучении которой, как нам представляется, весьма актуальными являются методы, используемые в иных лингвистических направлениях.

Речь идет, прежде всего, о дискурсивно-историческом подходе, где «дискурс определяют как серию “контекстно-зависимых семиотических практик”, а также как “социально конституированный и социально конституирующий”, “связанный с макро-темой” и “плюро-перспективный”, то есть связанный с аргументацией» [Водак 2018: 113] процесс. Особый интерес, с точки зрения нашей работы представляет алгоритм предлагаемого в дискурсивно-историческом подходе анализа, который, по нашему мнению, вполне применим к речевой агрессии в дипломатии и касается ее тематического аспекта, выделения дискурс-тем, анализа жанров, а также фиксации топосов – стратегий аргументации, тех стимулов, которые, с одной стороны, указывают как и где искать аргументы, с другой – предписывают и гарантируют переход от аргумента к выводу.

Не вызывает сомнений то, что существуют и множество иных современных лингвистических направлений, чьи методы не только могут быть использованы в изучении феномена речевой агрессии в публичной дипломатии, но и показать свою высокую эффективность, однако их выделение и апробация на практике – это дело дальнейшей работы, выходящей за рамки поставленных в данной статье целей.

Заключение

Кратко суммируя все вышесказанное, еще раз подчеркнем следующее.

С позиции общепсихологической теории деятельности общение является одним из ее видов, выступая либо как самостоятельная, либо как компонент иной, некоммуникативной деятельности. Понимание общения как деятельности предполагает: 1) его целенаправленность, определяемую мотивами; 2) наличие

результата, в той или иной степени совпадающего с запланированным; 3) социальный контроль, обусловленный определенными социальными нормами.

Не менее важно, что, в отличие от коммуникации, общение как **обмен идеями и мнениями** является необходимым компонентом **акта взаимодействия**, организованного в соответствии с правилами, закрепленными в социуме, в том числе и в международном масштабе [выделено нами – И.Б.].

В настоящее время мы являемся свидетелями радикальных перемен в сфере общения, непосредственно затронувших такую консервативную область, как дипломатия, по крайней мере ее публичную составляющую. Данная тенденция проявляется в том, что публичная дипломатия начинает сводиться к набору агрессивных высказываний, рассчитанных не на профессионалов, а на массовую аудиторию, а умение дипломата работать на публику часто оказывается более важным, чем сами дипломатические контакты.

Анализ характерных для XXI века форм публичного дипломатического дискурса, и, прежде всего, анализ феномена речевой агрессии, представляет значительный интерес как в теоретическом, так и в практическом плане, причем исследования в рамках психолингвистики/ социопсихолингвистики в данной ситуации могут сыграть значительную роль не только в изучении поверхностной структуры речевых произведений дипломатических служащих, но и в раскрытии их внутренней основы, в частности, в выявлении мотивов и целей деятельности, в объяснении скрытого содержания речей, которое обусловлено изменениями на глобальном уровне, непосредственно определяющими и мировую политику, базовые отношения между государствами.

© Бубнова И.А., 2021

Литература

Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. АН СССР, Ин-т психолог. М.: Наука, 1977. 272 с.

Апресян В.Ю. ИмPLICITная агрессия в языке. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: Флинта-Наука, 2003. С. 32–35.

Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. 384 с.

Афанасьев В.С., Гилинский Я.И. Девиантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества. СПб.: Ин-т социологии РАН. 1995. С. 7–25.

Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-

ЕВРОЗНАК, 2001. 512 с.

Бубнова И.А., Терентий Л.М. Дипломатический дискурс в психолингвистическом аспекте. Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1. С. 68–75.

Буева Л.П. Социальная среда и сознание личности. М.: МГУ, 1968. 271 с.

Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб: Питер, 2001. 352 с.

Водак Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2018. 404 с.

Воронцова Т.А. Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 83–86.

Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2004. 1136 с.

Голев Н.Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов. Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты. Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. С. 110–123.

Головина Н.М. Парламентские «непарламентские выражения»: речевая агрессия как риторическая стратегия в парламентском дискурсе. Вопросы психолингвистики 3 (41). 2019. С. 200–215. DOI 10.30982/2077-5911-2019-41-3-200-215

Дридзе Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность. Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 145–152.

Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984. 232 с.

Дюркгейм Э. Самоубийство: Социальный этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.

Киреев Г.Н. Социальное насилие. М.: Прометей, 2005. 316 с.

Клейберг Ю.А. Типология деструктивного поведения. Вестник Краснодарского университета МВД России. 2008. С. 130–135.

Кречмер Э. Строение тела и характер. М.: Академический проект, 2015. 602 с.

Кугай А.И. Насилие в контексте современной культуры. СПб.: Изд-во РНБ, 2000. 176 с.

Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2007. 365 с.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во «Мысль», 1965. 574 с.

Лоренц К. Агрессия, или так называемое зло. Пер. с нем. М.: АСТ, 2017. 347 с.

Лысак И.В. Человек – разрушитель: деструктивная деятельность человека

как социокультурный феномен. Таганрог: ТРТУ, 1999. 55 с.

Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ, 2009. 336 с.

Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е. Н. Егоровой, и др.; науч. ред. З. В. Коганова. М.: АСТ, Хранитель, 2006. 880 с.

Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Наука, 1997. 354 с.

Седов К.Ф. Агрессия как вид речевого воздействия. Прямая и непрямая коммуникация. Саратов: «Колледж», 2003. С. 112–120.

Сорокин П. А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. 2004; 6: 112–119.

Стризов А.Л. Политика и общество: социально-философские аспекты взаимодействия. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1999. 340 с.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. 635 с.

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. 859 с.

Bach G.R., & Goldberg H. Creative aggression. New York: Doubleday, 1974.

Bandura A. Aggression: A social learning analysis. Englewood Cliffs, N.J.: Prentis Hall, 1973.

Bandura A., Underwood B., & Fromson M.E. Disinhibition of aggression through diffusion of responsibility and dehumanization of victims. *Journal of Research in Personality*, 1975. № 9 (4). P. 252–269.

Berkowitz L. On the formation and regulation of anger and aggression: A cognitive-neoassociationistic analysis. *American Psychologist*, 1990. № 45. P. 494–503.

Carlson M., Marcus-Newhall A., & Miller N. Effects of situational aggression cues: a quantitative review. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1990. №58 (4). P. 622–633.

Carver C.S., Ganelle R.J., Froming W.J., & Chambers W. Modeling: An analysis of terms of category accessibility. *Journal of Experimental Social Psychology*, 1983. № 19. P. 403–421.

Freud S. A general Introduction to Psychoanalysis. New York, Boni and Liveright Publishers, 1920.

Hegel G.W.F. Werker. Berlin, 1840. Bd. IX.

Liebert R.M., & Sprafkin J. The early window: Effects of television on children and youth, 3rd ed. New York: Pergamon, 1988.

Miller S.J., Dinitz S., & Conrad J.P. Careers of the violent. Lexington, Mass.: Lexington Books, 1982.

Taylor S.L., O'Neal E.C., Langley T., & Butcher A.H. Anger arousal,

deindividuation, and aggression. *Aggressive Behavior*. 1991. № 17. P. 183–206.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 08.09.2021

Дата принятия к печати: 12.12.2021

Сведения об авторе:

Бубнова Ирина Александровна – заведующий кафедрой зарубежной филологии ГАОУ ВО МГПУ, доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор

Контактная информация:

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, дом 4

ORCID: 0000-0002-1024-600X

email: aribubnova@gmail.com

Для цитирования:

Бубнова И.А. Психолингвистический подход к исследованию агрессии как специфической формы речевого общения в публичной дипломатии // Вопросы психолингвистики № 4(50) 2021, С.38–55. doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-38-55

UDC 81'(23+27)

Research article

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-38-55

**PSYCHOLINGUISTIC APPROACH TO THE STUDY OF AGGRESSION
AS A SPECIFIC FORM OF SPEECH COMMUNICATION IN PUBLIC
DIPLOMACY**

Irina A. Bubnova

Moscow City University

Moscow, Russia

Abstract

The purpose of the article is to substantiate the application of the psycholinguistic approach in the research of *speech aggression* in public diplomacy of the XXI century – a phenomenon that remains practically out of focus in linguistics. The study of this phenomenon is defined to be currently one of the most urgent tasks. Based on the methodological principles of the general psychological theory of activity, the author

defines speech aggression as a specific subtype of communication aimed at misaligning social activity between people connected in a certain way psychologically. It is proved that the meaning of speech aggression as a completely new phenomenon in diplomatic discourse, which is manifested in the external characteristics of speech, is determined by the hidden leading motives of the speakers' activities based on a new universal ideology that reflects the general situation in the world and the trends of its development. The potential of psycholinguistic methods is analyzed that allows the following: 1) to identify the internal content of aggressive texts, and their coordinates in the semantic space; 2) to assess the depth of the impact on the consciousness of the addressee, first of all, the consciousness of ordinary people, the specifics of interpretations of the authors' intentions and the program of activity set by the texts by different groups of recipients. The possibility of applying complex methods to study speech aggression in public diplomatic discourse, including both purely psycholinguistic and the methods used in other areas of linguistics, is discussed. It is demonstrated that the psycholinguistic approach in the study of speech aggression in diplomacy allows solving several problems related to the disclosure of mechanisms for controlling mass consciousness on a global scale.

Keywords: psycholinguistic approach, speech aggression, diplomatic discourse of the XXI century, motives, meaning of aggression, new ideology, research methods

References

- Afanasyev, V.S. (1995) *Deviantnoe povedenie i social'nyj kontrol' v usloviyah krizisa rossijskogo obshchestva* [Deviant behavior and social control in the crisis of Russian society]. Saint Petersburg, Institut sotsiologii RAN Publ., 7–25 (In Russian).
- Ananiev, B.G. (1977) *O problemah sovremennogo chelovekoznaniya* [On the problems of modern human knowledge]. Moscow, Nauka Publ., 272 p. (In Russian).
- Apresyan, V.Y. (2003) *Implicitnaya agressiya v yazyke* [Implicit aggression in language]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. Moscow, Flint-Nauka Publ., pp. 32–35 (In Russian).
- Aristotle (2000) *Ritorika. Poetika* [Rhetoric. Poetics]. Moscow, Labyrinth Publ. 384 p. (In Russian).
- Bach, G.R., & Goldberg, H. (1974) *Creative aggression*. New York: Doubleday.
- Bandura, A. (1973) *Aggression: A social learning analysis*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentis Hall.
- Bandura, A., Underwood, B., & Fromson, M.E. (1975) Disinhibition of aggression through diffusion of responsibility and dehumanization of victims. *Journal of Research in Personality*, 9 (4), 252–269.
- Baron, R., Richardson, D. (2001) *Agressiya* [Aggression]. Saint Petersburg, Piter Publ. 352 p. (In Russian).

Berkowitz, L. (2001) *Agressiya: prichiny, posledstviya i kontrol'* [Aggression: causes, consequences, and control]. Saint Petersburg, Prime- EVROZNAK Publ. 512 p. (In Russian).

Berkowitz, L. (1990) On the formation and regulation of anger and aggression: A cognitive-neoassociationistic analysis. *American Psychologist*, 45, 494–503.

Bubnova, I.A., Terentiy, L.M. (2012) Diplomaticeskij diskurs v psiholingvisticheskom aspekte [Diplomatic discourse in the psycholinguistic aspect]. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. (1), 68–75 (In Russian).

Bueva, L.P. (1968) *Social'naya sreda i soznanie lichnosti* [Social environment and consciousness of personality]. Moscow, MGU Publ. 271 p. (In Russian).

Carlson, M., Marcus-Newhall, A., & Miller, N. (1990) Effects of situational aggression cues: a quantitative review. *Journal of Personality and Social Psychology*, 58 (4), 622–633.

Carver, C.S., Ganellen, R.J., Froming, W.J., & Chambers, W. (1983) Modeling: An analysis of terms of category accessibility. *Journal of Experimental Social Psychology*, 19, 403–421.

Dridze, T.M. (1996) Social'naya kommunikaciya kak tekstovaya deyatel'nost' [Social communication as a text activity]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. (3), 145–152. (In Russian).

Dridze, T.M. (1984) *Tekstovaya deyatel'nost' v strukture social'noj kommunikacii* [Textual activity in the structure of social communication]. Moscow, Nauka Publ. 232 p. (In Russian).

Durkheim, E. (1994) *Samoubijstvo: Social'nyj etjud* [Suicide: Social etude]. Moscow, Mysl Publ. 399 p. (In Russian).

Freud, S. (1920) *A general Introduction to Psychoanalysis*. New York, Boni and Liveright Publishers.

Fromm, E. (1994) *Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. Moscow, Respublika Publ. 635 p. (In Russian).

Golev, N.D. (2002) Pravovoe regulirovanie rechevyh konfliktov i yurilingvisticheskaya ekspertiza konfliktogennyh tekstov [Legal regulation of speech conflicts and legalistic examination of conflictogenic texts] *Pravovaya reforma v Rossijskoj Federacii: obshcheteoreticheskie i istoricheskie aspekty*. Barnaul, Izdatel'stvo AGU. 110–123 (In Russian).

Golovina, N.M. (2019) Parlamentskie “neparlamentskie vyrazheniya”: rechevaya agressiya kak ritoricheskaya strategiya v parlamentskom diskurse. [Parliamentary “non-parliamentary expressions”: speech aggression as a rhetorical strategy in parliamentary discourse]. *Journal of Psycholinguistics*, 3 (41), 200–215 (In Russian).

Heckhausen, H. (2003) *Motivaciya i deyatel'nost'* [Motivation and activity]. Saint Petersburg, Piter Publ.; Moscow, Smysl Publ. 859 p. (In Russian).

Hegel, G.W.F. (1840) *Werker*. Berlin. Bd. IX.

Kireev, G.N. (2005) *Social'noe nasilie* [Social violence]. Moscow, Prometey Publ. 316 p. (In Russian).

Kleiberg, Yu.A. (2008) Tipologiya destruktivnogo povedeniya. [Typology of destructive behavior]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, 130–135 (In Russian).

Kretschmer, E. (2015) *Stroenie tela i harakter* [Structure of the body and character]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ. 602 p. (In Russ.).

Kugai, A.I. (2000) *Nasilie v kontekste sovremennoj kul'tury* [Violence in the context of modern culture]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo RNB. 176 p. (In Russian).

Leontiev, A.A. (2007) *Psihologiya obshcheniya* [Psychology of communication]. Moscow, Smysl Publ.; Izdatelsky Tsentр «Academy». 365 p. (In Russian).

Leontiev, A.N. (1965) *Problemy razvitiya psihiki* [Problems of development of the psyche]. Moscow, Mysl Publ. 574 p. (In Russian).

Liebert, R.M., & Sprafkin J. (1988) *The early window: Effects of television on children and youth*, 3rd ed. New York, Pergamon.

Lorenz, K. (2017) *Agressiya, ili tak nazyvaemoe zlo* [Aggression, or the so-called evil]. Moscow, AST Publ. 347 p. (In Russian).

Lysak, I.V. (1999) *Chelovek – razrushitel': destruktivnaya deyatel'nost' cheloveka kak sociokul'turnyj fenomen* [Man is a destroyer: destructive human activity as a socio-cultural phenomenon]. Taganrog, Izdatel'stvo TRTU. 55 p. (In Russian).

Marcuse, G. (2009) *Odnomernyj chelovek* [One-dimensional man]. Moscow, AST Publ. 336 p. (In Russian).

Merton, R.K. (2006) *Social'naya teoriya i social'naya struktura* [Social theory and social structure. Translated from English by E.N. Egorova, et al.; ed. by Z.V. Kogan. Moscow, AST, Guardian Publ. (In Russian).

Miller, S.J., Dinitz, S., & Conrad, J.P. (1982) *Careers of the violent*. Lexington, Mass., Lexington Books.

Rubinstein, S.L. (1997) *Principy i puti razvitiya psihologii* [Principles and ways of development of psychology]. Moscow, Nauka Publ. 354 p. (In Russian).

Sedov, K. F. (2000) *Agressiya kak vid rechevogo vozdejstviya. Pryamaya i nepryamaya kommunikaciya* [Aggression as a type of speech impact. Direct and indirect communication]. Saratov, Kolledzh Publ, pp. 112–120 (In Russian).

Sorokin, P.A., Merton, R.K. (2004) Social'noe vremya: opyt metodologicheskogo i funkcional'nogo analiza [Social time: experience of methodological and functional analysis]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 6, 112–119 (In Russian).

Strizoe, A.L. (1999) *Politika i obshchestvo: social'no-filosofskie aspekty vzaimodejstviya* [Politics and society: socio-philosophical aspects of interaction]. Volgograd, Volgograd State University Publishing House. 340 p. (In Russian).

Taylor, S.L., O'Neal, E.C., Langley, T., & Butcher, A.H. (1991) Anger arousal, deindividuation, and aggression. *Aggressive Behavior*, 17, 183–206.

Vodak, R. (2018) *Politika straha. Chto znachit diskurs pravyyh populistov?* [Politics of fear. What does the discourse of right-wing populists mean?] Kharkov, Gumanitary Tsent Publ. 404 p. (In Russian).

Vorontsova, T.A. (2006) Rechevaya agressiya v kommunikativno-diskursivnoj paradigme [Speech aggression in the communicative-discursive paradigm]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 1, 83–86. (In Russian).

Vygotsky, L.S. (2004) *Istoriya razvitiya vysshih psichicheskikh funkcij* [History of the development of higher mental functions]. Moscow, Smysl Publ.; Eksmo Publ. 1136 p. (In Russian).

© **Bubnova I.A., 2021**

Article history:

Received: 08.09.2021

Accepted: 12.12.2021

Bionotes:

Irina A. Bubnova – Professor, Doctor of Philology (Dr. habil.), Ph. D. in Psychology, Head of Foreign Philology Chair, Moscow City University, Moscow

Contact information:

2-nd Sel'skohozyajstvennyj proezd, 4, Moscow, Russian Federation, 129226

ORCID: 0000-0002-1024-600X

email: aribubnova@gmail.com

For citation:

Bubnova I.A. (2021) Psycholinguistic approach to the study of aggression as a specific form of speech communication in public diplomacy. *Journal of Psycholinguistics*. 4(50), pp.38–55. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-38-55 (in Russian)

УДК 159.922:81`23

Научная статья

ББК 88.8

DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-56-77

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНЦЕПТОВ «УГРОЗА» И «ОПАСНОСТЬ»
В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ**

Тылец Валерий Геннадьевич

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия

Краснянская Татьяна Максимовна

Московский гуманитарный университет, Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена изучению когнитивных особенностей концептов «опасность» и «угроза» средствами психолингвистики. Объектом исследования выступили концепты «опасность» и «угроза» в языковом сознании русских и французских студентов, его предметом – психолингвистические различия концептов «опасность» и «угроза», обусловленные особенностями моделирования окружающего мира российской и французской молодежью. Цель исследования – сопоставление концептов «опасность» и «угроза» в русском и французском языковом сознании. Исследовательскими методами выступили свободный (ненаправленный) ассоциативный эксперимент и когнитивная интерпретация. По результатам исследования установлено, что концепты «опасность» и «угроза» обладают многими чертами сходства на внутриязыковом и на межъязыковом уровне изучения. Свидетельством смысловой близости концептов выступает общность применяемых к ним когнитивных классификаторов – источник опасности/угрозы, признак опасности/угрозы, объект опасности/угрозы, текущее состояние субъекта опасности/угрозы, последствия опасности/угрозы. Различия между концептами также проявляются на внутриязыковом и на межъязыковом уровне. Наибольшие различия между русско- и франкоязычной выборками прослеживаются в построении концепта «угроза», чем «опасность». Внутри языковых групп различия между концептами «опасность» и «угроза» более очевидны во франкоязычной выборке. Представленные результаты могут быть полезны для развития психолингвистики и психологии безопасности, при создании двуязычных и ассоциативных словарей, тезаурусов, онтологий.

Ключевые слова: концепт, языковое сознание, угроза, опасность, ассоциация

Введение

В современном мире, наполненном неопределенностью и вариативностью, возрастает значимость адекватных ответов человека на вызовы его безопасности. Содействие этой практике делает приоритетным изучение психологических предпосылок ее построения, в том числе, через выявление психолингвистических особенностей универсальных для этой сферы концептов, например, «опасность» и «угроза». Перспективность этого исследовательского направления основывается на представленности обозначенных концептов в языковом сознании различных категорий субъектов в качестве семантических форм их когнитивной связи с неблагоприятными, зачастую, враждебными средами, условиями и ситуациями. Выступая знаковым обозначением достаточно близких друг другу реальностей, данные концепты своим интенсивным использованием сигнализируют о все чаще проявляющемся неблагополучии жизненного пространства, а также с большей или меньшей очевидностью фиксируют своей интерпретацией субъектные ориентиры наиболее предпочтительного реагирования на него. Ситуацию усложняет то, что на сегодняшний день отсутствует их убедительная трактовка, в частности, в словарных отечественных и зарубежных источниках, на материале которых понятия раскрываются, зачастую, через однокоренные слова или через друг друга. Например, опасность в «Толковом словаре Ожегова» определяется следующим образом: «1. см. опасный. 2. Возможность, угроза чего-н. очень плохого, какого-н. несчастья» [Толковый... [http](#)]. Во французском словаре «LAROUSSE – Webdictionnaire 2022» опасность в дословном переводе раскрывается как то, «что представляет угрозу, риск для кого-то или чего-то еще» [LAROUSSE... [http](#)]. Очевидно, что и в первом, и во втором случае предлагаемые подходы к определению не позволяют провести адекватную дифференциацию сущности опасности и угрозы, с большей или меньшей очевидностью просматривающуюся на интуитивном уровне. В этой связи интерес вызывает смысловое отождествление и дифференциация рассматриваемых концептов, объем и направления пересечения их ассоциативного содержания, поле детерминации, а также прочие особенности, выявляемые средствами психолингвистического анализа.

«Опасность», как и близкие к нему по смыслу концепты, ранее уже попадали в поле исследовательских интересов психологов и лингвистов [Борисова 2019; Краснянская, Тылец 2016; Пирмагомедова 2011; Синельникова 2010; Тылец, Краснянская, Иохвидов 2020]. Наши собственные исследования в этой сфере позволили, в частности, провести ассоциативную реконструкцию в языковом сознании студентов концепта «опасность» в сравнении с конструктом

«безопасность» [Тылец, Краснянская 2020]. Кроме того, значительный массив ассоциативных реакций на данный концепт и на концепт «угроза» выложен на сайте <https://sinonim.org>, давая возможность для формирования первичных представлений об их реализованности в языковом сознании соотечественников. Вместе с тем, в условиях отсутствия внятных определений соответствующих феноменов проблематика не представляется исчерпанной. Ее развитием видится проведение сопоставительного анализа концепта «опасность» со смежными концептами, например, «угроза» с учетом различий субъектов языкового сознания, основанных, в том числе, на их национальном статусе.

Проблема, инициировавшая исследование, формулируется вопросом о том, каково влияние национального языкового сознания на особенности использования субъектами концептов «опасность» и «угроза»?

Целью данного исследования выступило сопоставление концептов «опасность» и «угроза» в русском и французском языковом сознании.

Объектом исследования являются концепты «опасность» и «угроза» в языковом сознании русских и французских студентов.

Предметом исследования послужили психолингвистические различия концептов «опасность» и «угроза», обусловленные особенностями моделирования окружающего мира российской и французской молодежью.

Организация исследования основывалась на *гипотезе*, в соответствии с которой концепты «опасность» и «угроза» обладают содержательным и структурным своеобразием на внутри- и межъязыковом уровне.

Проверка выдвинутой гипотезы предполагала решение следующих задач: 1) выявление структурно-содержательных особенностей ассоциативного поля, когнитивных признаков и классификаторов концептов «опасность» и «угроза» в языковом сознании русских и французских студентов; 2) сравнение когнитивных признаков и их классификаторов рассматриваемых концептов внутри русско- и франкоязычных групп; 3) сравнение когнитивных признаков и их классификаторов рассматриваемых концептов между русско- и франкоязычными группами.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось с использованием коммуникационных возможностей сети Интернет. Участие в нем на добровольной основе было предложено русско- и франкоязычным студентам в возрасте 18-21 год. Из массива откликнувшихся респондентов в состав выборки каждой языковой группы методом случайных чисел было включено по 100 участников. В число франкоязычных респондентов вошли жители Франции и Швейцарии,

русскоязычных – жители России. Последующий анализ показал достаточную сбалансированность полученного русско- и франкоязычного состава респондентов по половой принадлежности (девушки и юноши, соответственно, 52:48 и 55:45) и однородность по возрасту (средний возраст, соответственно, 19,45 и 20,10).

Исследовательскими методами в данной работе выступили свободный (ненаправленный) ассоциативный эксперимент и когнитивная интерпретация.

Выбор свободного ассоциативного эксперимента в качестве исследовательского метода основывался на востребованности для решения поставленных задач заложенной в нем способности обращаться посредством выявляемых ассоциаций к глубинным, бессознательным или мало осознаваемым слоям психики человека и, благодаря этому, устанавливать «неосознаваемые вербальные и невербальные связи слова-стимула с другими словами, а также опосредованно выявлять актуальные для индивида когнитивные признаки представленных словом-стимулом реалий» [Рогозина 2003: 241]. Применение данного метода при наличии национальной подборки ассоциаций на слова-стимулы «опасность» и «угроза» на обозначенном выше сайте призвано было актуализировать ее в новых отечественных и зарубежных реалиях эпидемиологических и природных катастроф 2019–2021 гг., способных повлиять на смысловую интерпретацию рассматриваемых стимулов, а также конкретизировать ее с учетом конкретных социо-возрастных особенностей респондентов. Возможность подобной динамики была продемонстрирована ранее, в частности, на материале изучения категории «свобода» [Бубнова, Казаченко 2018].

Проведение ассоциативного эксперимента включало предъявление респондентам в сети Интернет двух слов-стимулов (для русскоязычной выборки – «опасность» и «угроза», для франкоязычной выборки, соответственно, – «danger» и «menace») и последовательную письменную фиксацию ими ответных ассоциаций в установленный временной интервал.

Респондентам была предложена следующая инструкция: «Просим Вас принять участие в исследовании, направленном на выявление смыслового содержания двух понятий. В случае согласия пришлите нам выполненное задание.

Задание: сначала прочитайте первое указанное ниже слово и в течение 5 минут запишите все, что «придет на ум» (это может быть слово или словосочетание), затем то же самое сделайте со вторым словом. Итак, первое слово – “опасность”, второе слово – ”угроза”.

Благодарим за участие в исследовании!».

Для франкоязычных респондентов предлагалась идентичная инструкция на французском языке.

Полученные по итогам опроса респондентов массивы реакций на слова-стимулы «опасность» и «угроза» были подвергнуты предварительному анализу, позволившему обозначить когнитивные признаки соответствующих концептов. В качестве когнитивных признаков концепта рассматривались минимальные структурные элементы реакций, отражающие его отдельные признаки.

Далее проводилось ранжирование когнитивных признаков рассматриваемых концептов по индексу яркости (используя терминологию И.А. Стернина) с последующим изучением структуры образуемых ими полей – ядра, ближней, дальней и крайней периферии. Индекс яркости концептов вычислялся как отношение количества полученных реакций на соответствующие слова-стимулы к общему количеству задействованных респондентов. Установление структуры полей концептов предполагало подразделение средствами ранжирования всех когнитивных признаков на группы, принадлежащие ядру поля (при частоте выше 10%), зоне его ближней (при частоте 4–10%), дальней (при частоте менее 4% до 2%) и крайней (при частоте менее 2%) периферии [Стернин, Рудаков 2011].

Следующим шагом явилось объединение отдельных когнитивных признаков в более крупные группы признаков, обозначаемые когнитивными классификаторами, для определения их актуальности в структуре концепта [Попова, Стернин 2007]. Название классификаторам присваивалось по функциональной роли феноменов, соответствующих выявленным по концептам когнитивным признакам. Полученные когнитивные классификаторы подвергались содержательному и количественному анализу.

Для обработки количественных данных использовались первичные методы математической обработки (вычисление процентных долей, средней по выборке, ранжирование), а также непараметрический метод – угловое преобразование Фишера – критерий φ^* .

Результаты исследования

Выполнение первого задания русскоязычной выборкой позволило получить 1165 (здесь и далее, средняя по выборке – 11,65) вербальных реакций на стимул «опасность» и 678 (6,78) вербальных реакций на стимул «угроза». Отказов не было. Первичный анализ эмпирического материала привел к выделению 52 когнитивных признаков первого и 36 когнитивных признаков второго из рассматриваемых концептов.

Полученный на материале русскоязычной выборки перечень когнитивных признаков концепта «опасность» с указанием количества реакций и индекса яркости представлен в таблице №1.

Таблица №1

**Когнитивные признаки концепта «опасность»
(русскоязычная выборка, n=100)**

Когнитивный признак	Количество реакций	Индекс яркости, %	Когнитивный признак	Количество реакций	Индекс яркости, %
смерть	95	8,15	зло	2	0,17
страх	94	8,07	скорость	2	0,17
тревога	91	7,81	неоднозначный	2	0,17
жизнь	90	7,73	война	2	0,17
болезнь	87	7,47	огонь	2	0,17
агрессия	86	7,38	зависимость	1	0,09
риск	79	6,78	стихия	1	0,09
травма	75	6,44	глубина	1	0,09
неизвестный	68	5,84	защита	1	0,09
незащищенный	61	5,24	адреналин	1	0,09
угроза	55	4,72	холод	1	0,09
катастрофа	51	4,38	драка	1	0,09
оружие	43	3,69	падение	1	0,09
насилие	42	3,61	инстинкт	1	0,09
стресс	32	2,75	полет	1	0,09
переживание	26	2,24	нож	1	0,09
хищник	20	1,72	операция	1	0,09
темнота	12	1,03	море	1	0,09
злость	8	0,69	потеря	1	0,09
одиночество	5	0,43	плавание	1	0,09
подозрительный	3	0,26	беззаконие	1	0,09
паника	3	0,26	сессия (в вузе)	1	0,09
наказание	2	0,17	время	1	0,09
нарушение	2	0,17	бег	1	0,09
кровь	2	0,17	вой сирены	1	0,09
высота	2	0,17	яд	1	0,09

Первичный анализ показывает, что по русскоязычной выборке большая часть когнитивных признаков концепта «опасность» (88,49%) образована фактами, ассоциирующимися с соответствующим объектами и явлениями, и лишь меньшая (11,51%) – с категориями оценочной природы («неизвестный», «незащищенный», «подозрительный», «неоднозначный»).

Распределение когнитивных признаков концепта «угроза» по материалам русскоязычной выборки представлено в таблице №2.

Таблица №2

**Когнитивные признаки концепта «угроза»
(русскоязычная выборка, n=100)**

Когнитивный признак	Количество реакций	Индекс яркости, %	Когнитивный признак	Количество реакций	Индекс яркости, %
жизнь	89	13,13	нападение	2	0,29
агрессия	83	12,24	наказание	2	0,29
опасность	70	10,32	нож	2	0,29
смерть	62	9,14	мужчина	2	0,29
страх	51	7,52	безысходность	2	0,29
здоровье	45	6,64	защита	1	0,15
маньяк	44	6,49	расправа	1	0,15
неадекватный	39	5,75	температура	1	0,15
риск	35	5,16	полиция	1	0,15
ненависть	33	4,87	противостояние	1	0,15
огонь	29	4,28	предупреждение	1	0,15
война	22	3,24	скорость	1	0,15
стихия	19	2,80	конфликт	1	0,15
хищник	12	1,77	отчисление	1	0,15
человек	10	1,47	атака	1	0,15
преступление	6	0,88	штраф	1	0,15
неизвестный	3	0,44	нахальный	1	0,15
оружие	3	0,44	шантаж	1	0,15

Согласно полученным материалам, большая часть репрезентаций концепта «угроза» представлена объектами и явлениями, меньшая – качественными категориями («неадекватный», «неизвестный», «нахальный»).

Первичный визуальный анализ выявляет ряд пересечений репрезентации концептов «опасность» и «угроза» в русскоязычном сознании – например, «жизнь», «агрессия», «смерть», «страх», «риск», «неизвестный», «скорость», «оружие», «огонь», «война». Это подтверждает трудности их дифференциации в обыденном сознании данной категории носителей концептов. Однако, каждый из рассматриваемых концептов обладает и уникальными репрезентациями, лежащими в основе их смыслового разделения: для концепта «опасность» такими признаками являются, в частности, «незащищенный», «насилие»,

«подозрительный», «болезнь», «стресс», «травма», «катастрофа», «нарушение», «одиночество», «неоднозначный» и др.; для концепта «угроза» – «страх», «здоровье», «маньяк», «неадекватный», «ненависть», «стихия» и др. Отметим, что концепт «опасность» в данном случае раскрывается через когнитивный признак «угроза», а концепт «угроза» – когнитивный признак «опасность».

Выполнение первого задания франкоязычной выборкой позволило получить 239 вербальных реакций на стимул «опасность» и 221 вербальную реакцию на стимул «угроза». Отказов не было. Первичный анализ эмпирического материала привел к выделению 18 когнитивных признаков первого и 12 когнитивных признаков второго концепта.

Полученный на материале франкоязычной выборки перечень когнитивных признаков концепта «опасность» и количественные характеристики его распределения продемонстрированы в таблице №3.

Таблица №3

**Когнитивные признаки концепта «опасность»
(франкоязычная выборка, n=100)***

Когнитивный признак	Количество реакций	Индекс яркости, %	Когнитивный признак	Количество реакций	Индекс яркости, %
смерть	65	27,20	животное	5	2,09
ранение	35	14,64	быстрое вождение	2	0,84
болезнь	28	11,72	оружие	2	0,84
агрессия	21	8,79	транспорт	2	0,84
убийство	19	7,95	дорога	2	0,84
запрещенное	19	7,95	приключение	1	0,42
психопат	15	6,28	зло	1	0,42
теракт	11	4,60	вулкан	1	0,42
покушение	9	3,77	заграница	1	0,42

Примечание: когнитивные признаки представлены в авторском переводе с французского языка

Первичный анализ показывает, что по франкоязычной выборке большая часть когнитивных признаков концепта «опасность» представлена фактами и явлениями, соотносящимися с рассматриваемым феноменом, и лишь единично (7,95%) – оценочной категорией («запрещенное»).

Распределение когнитивных признаков концепта «угроза» по материалам франкоязычной выборки показано в таблице №4.

Таблица №4

**Когнитивные признаки концепта «угроза»
(франкоязычная выборка, n=100)***

Когнитивный признак	Количество реакций	Индекс яркости, %	Когнитивный признак	Количество реакций	Индекс яркости, %
жизнь	55	24,89	стихия	5	2,26
здоровье	52	23,53	психопат	3	1,36
смерть	41	18,55	нападение	2	0,90
болезнь	29	13,12	ранение	1	0,45
убийство	21	9,50	наказание	1	0,45
теракт	10	4,52	падение	1	0,45

Примечание: когнитивные признаки представлены в авторском переводе с французского языка

Первичный визуальный анализ распределения когнитивных признаков концептов «опасность» и «угроза» по франкоязычной выборке позволяет отметить очевидное падение, по сравнению с русскоязычной выборкой, их количества и, соответственно, разнообразия. В качестве пересекающихся для них репрезентаций проявились «смерть», «ранение», «болезнь», «убийство», «психопат», «теракт». Концепт «опасность» характеризуется такими уникальными репрезентациями, дающими возможность дифференциации, как «агрессия», «запрещенное», «покушение», «животное», «быстрое вождение», «оружие», «транспорт», «дорога», «приключение», «зло», «вулкан», «заграница»; концепт «угроза» – «жизнь», «здоровье», «стихия», «нападение», «наказание», «падение». При этом, в отличие от русскоязычной выборки, в данной выборке определение концептов через друг друга не прослеживается, что исключает тавтологичность их понимания.

Отметим также, что среди когнитивных признаков рассматриваемых концептов в русскоязычной выборке достаточную распространенность получили концепты, отражающие качественную сторону соответствующего явления, например, «неизвестный», «незащищенный», «подозрительный», «неоднозначный», «неадекватный», «нахальный». В франкоязычной выборке качественная оценка представлена одним концептом – «запрещенное».

Дискуссия

Реконструкция структуры ассоциативных полей концептов «опасность» и «угроза», полученных на русско- и франкоязычных выборках, предполагала выделение содержания их ядра, ближней, дальней и крайней периферии (табл. №5).

Таблица №5

**Полевая организация концептов «опасность» и «угроза»
на материале русско- и франкоязычной выборки**

Русскоязычная выборка			Франкоязычная выборка	
Уровень*	Когнитивный признак	Индекс яркости, %	Когнитивный признак	Индекс яркости, %
Концепт «опасность»				
Ядро	-	0	смерть, ранение, болезнь	53,56
Ближняя периферия	смерть, страх, тревога, жизнь, болезнь, агрессия, риск, травма, неизвестный, незащищенный, угроза, катастрофа	80,0	агрессия, убийство, запрещенное, психопат, теракт	35,56
Дальняя периферия	оружие, насилие, стресс, переживание	12,27	покушение, животное	5,86
Крайняя периферия	одиночество, злость, темнота, подозрительный, паника, наказание, нарушение, кровь, высота, зло, скорость, неоднозначный, война, огонь, зависимость, стихия, глубина, защита, адреналин, холод, драка, падение, инстинкт, полет, нож, операция, море, потеря, плавание, беззаконие, сессия (в вузе), время, бег, вой сирены, яд	7,73	быстрое вождение, оружие, транспорт, дорога, приключение, зло, вулкан, граница	5,02
Концепт «угроза»				
Ядро	жизнь, агрессия, опасность	35,69	жизнь, здоровье, смерть, болезнь	80,09
Ближняя периферия	смерть, страх, здоровье, маньяк, неадекватный, риск, ненависть, огонь	49,85	убийство, теракт	14,03
Дальняя периферия	война, стихия	6,05	стихия	2,26

К р а й н я я периферия	хищник, человек, преступление, неизвестный, оружие, нападение, наказание, нож, мужчина, без- ыхходность, защита, расправа, температура, полиция, противостоя- ние, предупреждение, скорость, конфликт, от- числение, атака, штраф, нахальный, шантаж	8,41	психопат, нападение, ранение, наказание, падение	3,62
----------------------------	---	------	---	------

Примечание: центр – частота выше 10%, зона ближней периферии – 4–10%, зона дальней периферии – частота менее 4% до 2%; зона крайней периферии – частота менее 2%

Как было установлено, структура концепта «опасность» по русскоязычной выборке не имеет ядра. Его когнитивные признаки концентрируются, в своем большинстве, в зоне ближней периферии. Размытость ядерного содержания концепта свидетельствует об отсутствии у респондентов рассматриваемой выборки жесткой фиксации ее смыслового наполнения. Причиной этому может быть многочисленность жизненных обстоятельств, актуализирующих соответствующий феномен среди данной группы респондентов, что косвенно подтверждает достаточная насыщенность ближней периферии концепта «опасность», объединившей 80,0% когнитивных признаков. Как следствие – трудность точного определения соответствующего понятия, но достаточная обширность ассоциативного ряда.

Во франкоязычной выборке ядро концепта «опасность» имеет наибольший вес и представлено когнитивными признаками «смерть», «ранение» и «болезнь», обнаруживая наиболее значимые для респондентов смысловые связи с «опасностью» (53,56%). Одновременно, по выборке снижается объем ближней периферии.

По результатам использования критерия Фишера, различия между индексом яркости ближней периферии концепта «опасность» по русско- и франкоязычной выборкам обладают статистической достоверностью ($\varphi_{эмп}^* = 6,611$, $p \leq 0,01$). В сочетании с присутствием в ассоциативном поле концепта франкоязычной выборки ядра, можно предполагать, что «опасность» трактуется в ней более определенно, чем в русскоязычной выборке.

Ядерное содержание концепта «угроза» по русскоязычной выборке представлено когнитивными признаками – «жизнь», «агрессия», «опасность»

(35,69%), но наибольший удельный вес имеет его ближняя периферия (49,85%). Сопоставление часто по критерию Фишера показывает их различие на уровне статистически значимой тенденции ($\varphi^*_{\text{эмп.}}=2,036, 0,05 \leq p \leq 0,01$). Доминирование индекса яркости ближней периферии над ядерным содержанием концепта может указывать на некоторую смысловую «размытость» концепта по выборке русскоязычных респондентов.

По франкоязычной выборке наибольший удельный вес имеет ядро рассматриваемого концепта, представленное когнитивными признаками «жизнь», «здоровье», «смерть», «болезнь» (80,09%), что позволяет предполагать их достаточно высокую связь с концептом «опасность».

Исходя из результатов сравнения распределения индексов яркостей ядра концепта «угроза» по двум выборкам с использованием φ^* -критерия, различия в его понимании между русско- и франкоязычной выборками обладают статистической достоверностью ($\varphi^*_{\text{эмп.}}=6,619, p \leq 0,01$). Таким образом, франкоязычная выборка обладает, по сравнению с русскоязычной выборкой, более устойчивым пониманием рассматриваемого концепта.

Сопоставление двух концептов внутри языковых выборок позволяет сделать вывод, что вне зависимости от языковой принадлежности респондентов концепт «угроза» обладает более оформленным ядром, чем концепт «опасность».

Дальнейший анализ когнитивных признаков рассматриваемых концептов показывает неоднородность их содержательного наполнения, вместе с тем, между ними существуют сходство, допускающее интеграцию составляющих когнитивных признаков в когнитивные классификаторы.

Основываясь на функциональном аспекте содержания когнитивных признаков, полученных на материале в русско- и франкоязычной выборках, считаем, что концепты «опасность» и «угроза» могут характеризоваться следующими пятью когнитивными классификаторами: источник опасности/угрозы, признак опасности/угрозы, объект опасности/угрозы, текущее состояние субъекта опасности/угрозы, последствия опасности/угрозы. Выделение этих классификаторов представляется наиболее оптимальным для последующего сопоставления когнитивной структуры рассматриваемых концептов.

Когнитивные признаки, представленные в структуре концепта «опасность» в русскоязычной выборке, объединяются между собой в обозначенные когнитивные классификаторы следующим образом:

Последствия опасности – 294: *смерть 95, болезнь 87, травма 75, стресс 32, наказание 2, зависимость 1, падение 1, потеря 1.*

Текущее состояние субъекта опасности – 282: *страх 94, тревога 91,*

незащищенный 61, переживание 26, паника 3, кровь 2, защита 1, адреналин 1, инстинкт 1, бег 1, вой сирены 1.

Источник опасности – 264: *риск 79, угроза 55, катастрофа 51, оружие 43, хищник 20, нарушение 2, война 2, огонь 2, стихия 1, драка 1, полет 1, нож 1, операция 1, море 1, плавание 1, беззаконие 1, сессия (в вузе) 1, яд 1.*

Признаки опасности – 234: *агрессия 86, неизвестный 68, насилие 42, темнота 12, злость 8, одиночество 5, подозрительный 3, зло 2, скорость 2, высота 2, неоднозначный 2, глубина 1, холод 1.*

Объект опасности – 91: *жизнь 90, время 1.*

Представленные в структуре концепта «угроза» когнитивные признаки на материале русскоязычной выборки интегрируются друг с другом в когнитивные классификаторы следующим образом:

Источник угрозы – 192: *маньяк 44, риск 35, огонь 29, война 22, стихия 19, хищник 12, человек 10, преступление 6, оружие 3, нападение 2, нож 2, мужчина 2, полиция 1, предупреждение 1, скорость 1, конфликт 1, атака 1, шантаж 1.*

Признаки угрозы – 159: *агрессия 83, неадекватный 39, ненависть 33, неизвестный 3, нахальный 1.*

Последствия угрозы – 137: *опасность 70, смерть 62, наказание 2, расправа 1, отчисление 1, штраф 1.*

Объект угрозы – 134: *жизнь 89, здоровье 45.*

Текущее состояние субъекта угрозы – 56: *страх 51, безысходность 2, защита 1, температура 1, противостояние 1.*

Когнитивные признаки, представленные в структуре концепта «опасность» на материале франкоязычной выборки, объединяются между собой в когнитивные классификаторы следующим образом:

Последствия опасности – 147: *смерть 65, ранение 35, болезнь 28, убийство 19.*

Источник опасности – 50: *психопат 15, теракт 11, покушение 9, животное 5, быстрое вождение 2, оружие 2, транспорт 2, дорога 2, вулкан 1, за границей 1.*

Признак опасности – 41: *агрессия 21, запрещенное 19, зло 1.*

Текущее состояние опасности – 1: *приключение 1.*

По итогам интеграции когнитивных признаков концепта «угроза» на материале франкоязычной выборки получено следующее их распределение в когнитивные классификаторы:

Объект угрозы – 107: *жизнь 55, здоровье 52.*

Последствия угрозы – 94: *смерть 41, болезнь 29, убийство 21, ранение 1, наказание 1, падение 1.*

Источник угрозы – 20: теракт 10, стихия 5, психопат 3, нападение 2.

Результаты процентного распределения когнитивных классификаторов концептов «опасность» и «угроза» по русско- и франкоязычным выборкам и сопоставления их объема вычислительными средствами метода углового преобразования Фишера (критерий ϕ^*) представлены в таблицах №6 и №7.

Таблица №6

Сопоставление когнитивных классификаторов концептов «опасность» и «угроза» по двум языковым выборкам (n, %)

Когнитивные классификаторы	Русскоязычная выборка		Франкоязычная выборка		ϕ^* эмп / значимость различий
	n	%	n	%	
Концепт «опасность»					
Объект	91	7,81	0	0	
Источник	264	22,66	50	20,92	0,606, p>0,05
Признак	234	20,09	41	17,15	1,056, p>0,05
Текущее состояние	282	24,21	1	0,49	12,702, p<0,01
Последствия	294	25,24	147	61,51	10,576, p<0,01
Всего:	1165	100,0	239	100,0	
Концепт «угроза»					
Объект	134	19,76	107	48,42	7,966, p<0,01
Источник	192	28,32	20	9,05	6,623, p<0,01
Признак	159	23,45	0	0	
Текущее состояние	56	8,26	0	0	
Последствия	137	20,21	94	42,53	6,3, p<0,01
Всего:	678	100,0	221	100,0	

Согласно полученным результатам, по франкоязычной выборке концепт «опасность» не раскрывается по объектам соответствующего феномена. В меньшей степени, чем по русскоязычной выборке, ее представители склонны определять его через указание текущего состояния и ожидаемых последствий. Языковые выборки сближает раскрытие концепта «опасность» через указание источников и признаков опасности.

По концепту «угроза» между двумя языковыми выборками обозначились существенные различия. Русскоязычная выборка отличается от франкоязычной выборки преобладанием обращения к источнику угрозы, ее признаков

и текущего состояния (по убыванию частоты); для франкоязычной выборки – к ее объекту и последствиям.

В целом, между двумя языковыми выборками наибольшие различия обозначились по концепту «угроза», чем «опасность», что позволяет говорить о большем национально обусловленном своеобразии первого, чем второго.

Таблица №7

**Сопоставление когнитивных классификаторов концептов
«опасность» и «угроза» по двум языковым выборкам (n, %)**

Когнитивные классификаторы	Концепт «опасность»		Концепт «угроза»		$\Phi^*_{\text{эмп}}$ / значимость различий
	n	%	n	%	
Русскоязычная выборка					
Объект	91	7,81	134	19,76	2,504, p<0,01
Источник	264	22,66	192	28,32	5,047, p<0,01
Признак	234	20,09	159	23,45	0,58, p>0,05
Текущее состояние	282	24,21	56	8,26	3,147, p<0,01
Последствия	294	25,24	137	20,21	0,849, p>0,05
Всего:	1165	100,0	678	100,0	
Франкоязычная выборка					
Объект	0	0	107	48,42	
Источник	50	20,92	20	9,05	2,384, p<0,01
Признак	41	17,15	0	0	
Текущее состояние	1	0,49	0	0	
Последствия	147	61,51	94	42,53	2,708, p<0,01
Всего:	239	100,0	221	100,0	

Согласно полученным результатам, по русскоязычной выборке обнаруживается сходство пониманию концептов «опасность» и «угроза» по частотности обозначения их признаков и ожидаемых последствий реализации. Различия состоят в том, что концепт «опасность» чаще, чем концепт «угроза», раскрывается через характеристику испытываемого субъектом текущего состояния, а концепт «угроза» – чаще, чем концепт «опасность», – через указание своего объекта и источника.

Сравнение концептов по франкоязычной выборке показывает их различие по всем когнитивным классификаторам: концепт «опасность» чаще, по сравнению со вторым, раскрывается через указание своего источника, последствий наступления и текущего состояния субъекта; концепт «угроза» – через указание своего объекта.

Обобщая результаты исследования, отметим следующие проявившиеся на внутри- и межязыковом уровне особенности полевой организации концептов «опасность» и «угроза»:

- в русскоязычной выборке признаки, тяготеющие к ядру концепта «угроза», попадают в ближнюю периферию концепта «опасность»;

- ближняя периферия концептов «опасность» и «угроза» в русскоязычной выборке содержит общие признаки – «смерть», «страх», «риск»;

- в русскоязычной выборке прослеживается тенденция к определению концепта «опасность» через близкие по смыслу концепты «риск» и «угроза», а концепта «угроза» – через «опасность» и «риск»;

- ядра концептов «опасность» и «угроза» франкоязычной выборки включает общие признаки «смерть» и «болезнь», а ближняя периферия – признаки «убийство» и «теракт»;

- концепт «опасность» в русско- и франкоязычной выборках содержит общий признак в ближней периферии – «агрессия», в дальней периферии – «зло»;

- концепт «угроза» в русско- и франкоязычной выборках содержит общие признаки в ядре – «жизнь», в дальней периферии – «стихия», в крайней периферии – «нападение» и «наказание»;

- в русскоязычной выборке определение концептов «опасность» и «угроза» через качественные признаки прослеживается сильнее («неизвестный», «незащищенный», «подозрительный», «неоднозначный», «неадекватный», «нахальный»), чем в франкоязычной выборке («запрещенное»);

- концепт «опасность» по русско- и франкоязычной выборке различаются по когнитивным классификаторам текущее состояние и последствия, различия не выявлены по источнику и признаку;

- концепт «угроза» по русско- и франкоязычной выборке различаются по когнитивным классификаторам объекта, источника и последствия;

- по русскоязычной выборке концепты «опасность» и «угроза» различаются по когнитивным классификаторам объект, источник, текущее состояние; по когнитивным классификаторам признак и последствия различия не выявлены;

- по франкоязычной выборке концепты «опасность» и «угроза» различаются по когнитивным классификаторам источник и последствия.

Резюме

Проведенное исследование показало, что концепты «опасность» и «угроза» обладают многими чертами сходства как на внутри-, так и на межязыковом уровне изучения. Так, очевидным свидетельством

смысловой близости концептов выступает общность применяемых к ним когнитивных классификаторов – источник опасности/угрозы, признак опасности/угрозы, объект опасности/угрозы, текущее состояние субъекта опасности/угрозы, последствия опасности/угрозы. Вместе с тем, различия между ними также проявляются как на внутри-, так и на межъязыковом уровне. Результаты эмпирического исследования показали, что наибольшие различия между русско- и франкоязычными выборками прослеживаются в построении концепта «угроза», чем «опасность». Внутри языковых групп различия между концептами «опасность» и «угроза» более очевидны во франкоязычной выборке.

Результаты исследования могут быть полезны для развития психолингвистики и психологии безопасности, для создания двуязычных и ассоциативных словарей, тезаурусов, онтологий.

Исследование может быть продолжено с использованием других исследовательских методов. В частности, может быть интересно сравнение концептов по свойственным феноменам опасности и угрозы параметрам времени (длительности), качества (значимости) и количества (интенсивности) присутствия в жизни различных категорий респондентов.

© Тылец В.Г., Краснянская Т.М., 2021

Литература

Борисова М.К. Анализ терминов компьютерной безопасности во французском языке // Университетские чтения – 2019. Материалы научно-методических чтений ПГУ. Пятигорск: Изд-во Пятигорского гос. ун-та, 2019. С. 98–102.

Бубнова И.А., Казаченко О.В. Динамика смыслового содержания значения слова свобода // Психолінгвістика. 2018. № 23(2). С. 11–24.

Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Время опасности и безопасности в субъектном опыте студентов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5. № 3. С. 231–236. DOI: 10.18500/2304-9790-2016-5-3-231-236

Пирмагомедова Э.А. Развитие у подростков представлений о безопасности жизнедеятельности: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Сочи, 2011. 25 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие когнитивной интерпретации // Когнитивная лингвистика. М.: «Восток-Запад», 2007. С. 198–210.

Рогозина И.В. Медиа картина мира: когнитивно-семиотический аспект: дисс. д-ра филолог. наук. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2003. 286 с.

Синельникова О.П. Развитие представлений о безопасности жизнедеятельности у старших школьников: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Пятигорск, 2010. 21 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение и его описание. Теоретические проблемы. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 192 с.

Тылец В.Г., Краснянская Т.М. Психолингвистическое исследование концептов «опасность» и «безопасность» в языковом сознании студентов // Вопросы психолингвистики. 2020. № 1 (43). С. 84–97. DOI: 10.30982/2077-5911-2020-43-1-84-97

Тылец В.Г., Краснянская Т.М., Иохвидов В.В. Смысловое ядро безопасности субъектов в условиях информационного давления // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 3. С. 3112–3120. DOI: 10.15372/PEMW20200321

Словари

Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=18487>. Дата обращения: 31.10.2021.

LAROUSSE – Webdictionnaire 2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.webdictionnaire.fr/dictionnaires/francais/menace/50414?q=Menace#50305>. Дата обращения: 31.10.2021.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 03.09.2021

Дата принятия к печати: 26.12.2021

Сведения об авторах:

Тылец Валерий Геннадьевич – доктор психологических наук, профессор кафедры фонетики и грамматики французского языка Московского государственного лингвистического университета, ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет

Контактная информация:

119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1.

ORCID: 0000-0002-5387-6570

e-mail: tyletsvalery@yandex.ru

Краснянская Татьяна Максимовна – доктор психологических наук, профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии

Московского гуманитарного университета; АНО ВО «Московский гуманитарный университет»

Контактная информация:

111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5

ORCID: 0000-0002-4572-6003

e-mail: ktm8@yandex.ru

Для цитирования:

Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Психолингвистические особенности функционирования концептов «угроза» и «опасность» в русском и французском языковом сознании // Вопросы психолингвистики №4(50) 2021, С. 56–77. doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-56-77

UDC 159.922:81`23

Research article

LBC 88.8

DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-56-77

**PSYCHOLINGUISTIC FEATURES OF THE FUNCTIONING OF THE
CONCEPTS “THREAT” AND “DANGER” IN THE FRENCH AND
RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS**

Valery G. Tylets

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Tatyana M. Krasnianskaya

Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia

Annotation

The article presents a psycholinguistic study of cognitive features of the concepts “danger” and “threat”. The concepts in question being a part of the linguistic consciousness of Russian and French students help in tracing psycholinguistic differences that are defined by the peculiarities of the world picture of Russian and French youth. The aim of the research was the comparison the concepts “danger” and “threat” in the Russian and French language consciousness. The research methods were free (non-directed) associative experiment and cognitive interpretation. The results have revealed that the concepts “danger” and “threat” show many similarities at the intra-linguistic and inter-linguistic level of study. The evidence of the semantic

proximity of the concepts is the commonality of the cognitive classifiers applied to them – the source of danger /threat, the sign of danger / threat, the object of danger / threat, the current state of the subject of danger / threat, the consequences of danger /threat. The differences between concepts also manifest them at the intra-linguistic and inter-linguistic level. The greatest differences between the Russian- and French-speaking samples can be traced in the structure of the concept “threat” rather than “danger”. Within language groups, the differences between the concepts “danger” and “threat” are more obvious in the French segment. The presented results can be useful for the development of psycholinguistics and security psychology, when creating bilingual and associative dictionaries, thesauruses, ontologies.

Keywords: concept, language consciousness, threat, danger, association

References

Borisova, M. K. (2019) Analiz terminov komp'yuternoj bezopasnosti vo francuzskom yazyke [Analysis of computer security terms in French]. In: *Universitetskie chteniya – 2019. Materialy nauchno-metodicheskikh chtenij PGU* [University Readings – 2019. Materials of Scientific and Methodological Readings of PSU]. Pyatigorsk, Izdatel'stvo Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 98–102. (In Russian).

Bubnova, I. A., Kazachenko, O. V. (2018) Dinamika smyslovogo sodержaniya znacheniya slova svoboda [Dynamics of the semantic content of the meaning of the word freedom]. *Psycholinguistics*. 23(2). 11–24. (In Russian).

Krasnyanskaya, T. M., Tylec, V. G. (2016) Vremya opasnosti i bezopasnosti v sub"ektnom opyte studentov [Time of danger and safety in the subject experience of student]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya*. (3), 231–236. DOI: 10.18500/2304-9790-2016-5-3-231-236 (In Russian).

Pirmagomedova, E. A. (2011) *Razvitie u podrostkov predstavlenij o bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti: avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk* [Development of ideas about life safety in adolescents: Abstract of the dissertation for the degree of candidate of psychological sciences]. Sochi. (In Russian).

Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007) Ponjatie kognitivnoj interpretacii [The concept of cognitive interpretation]. In: *Kognitivnaja lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, “Vostok-Zapad” Publ., pp. 198–210. (In Russian).

Rogozina, I. V. (2003) *Media kartina mira: kognitivno-semioticheskij aspekt: diss. ... doct. philol. nauk* [Media picture of the world: cognitive-semiotic aspect. Abstract of the dissertation for the degree of doctor of philology]. Barnaul, Izdatel'stvo Altajskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. (In Russian).

Sinel'nikova, O. P. (2010) *Razvitie predstavlenij o bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti u starshih shkol'nikov: avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk* [The development of ideas about safety of life at older students: Abstract of the dissertation for the degree of candidate of psychological sciences]. Pyatigorsk (In Russian).

Sternin, I. A., Rudakova, A. V. (2011) *Psiholingvisticheskoe znachenie i ego opisaniye. Teoreticheskie problemy* [Psycholinguistic meaning and its description. Theoretical problems]. Saarbrücken, LAP Lambert Academic Publishing. (In Russian).

Tylec, V. G., Krasnjanskaja, T. M. (2020) Psiholingvisticheskoe issledovanie konceptov “opasnost’” i “bezopasnost’” v jazykovom soznanii studentov [Psycholinguistic research of the concepts “danger” and “safety” in the language consciousness of students]. *Journal of Psycholinguistics*. 1 (43), 84–97. DOI: 10.30982/2077-5911-2020-43-1-84-97 (In Russian).

Tylec, V. G., Krasnjanskaja, T. M., Iohvidov, V. V. (2020) Smyslovoe yadro bezopasnosti sub’ektov v usloviyakh informatsionnogo davleniya [The semantic core of the security of subjects in the conditions of information pressure]. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire*. (3), 3112–3120. DOI: 10.15372/PEMW20200321 (In Russian).

Dictionaries

Tolkovyj slovar' Ozhegova [Ozhegov's Explanatory Dictionary] URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=18487> (data obrashheniya: 31.10.2021). (In Russian).

LAROUSSE – Webdictionnaire 2022. Available from: <https://www.webdictionnaire.fr/dictionnaires/francais/menace/50414?q=Menace#50305> [Accessed 31st October 2021].

© Tylets V.G., Krasnianskaya T.M., 2021

Article history:

Received: 03.09.2021

Accepted: 26.12.2021

Bionotes:

Valery G. Tylets – Doctor of Psychology, Professor at the Department of Phonetics and Grammar of the French Language, Moscow State Linguistic university

Contact information:

38, Ostozhenka str., 119034, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-5387-6570

e-mail: tyletsvalery@yandex.ru

Tatyana M. Krasnianskaya – Doctor of Psychology, Professor, Department of General, Social Psychology and History of Psychology, Moscow university for the humanities

Contact information:

5, Yunosti str., 111395, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-4572-6003

e-mail: ktm8@yandex.ru

For citation:

Tylets V.G., Krasnianskaya T.M. (2021) Psycholinguistic features of the functioning of the concepts “threat” and “danger” in the French and Russian language consciousness. *Journal of Psycholinguistics*. 4(50), pp. 56–77. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-56-77 (in Russian)

УДК 81'366.52

Научная статья

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-78-95

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
КОММУНИКАТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
СУБЪЕКТА ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

Мкртычян Светлана Викторовна

Тверской государственной университет, Тверь, Россия

Янсон Татьяна Александровна

Тверской государственной университет, Тверь, Россия

Аннотация

В настоящей статье представлен фрагмент интегративного изучения коммуникативного стиля экскурсовода в туристическом дискурсе с применением психолингвистических методов. В основу концепции исследования и методики его проведения были положены идеи руководителя Тверской психолингвистической школы заслуженного деятеля науки профессора Александры Александровны Залевской. Экспериментальный материал интерпретируется через призму типологии коммуникативных стилей, классифицирующим основанием которой является психологический тип личности, функция речи, интенция и доминирующая позиция экскурсовода.

Свободный ассоциативный эксперимент показал, что в сознании экскурсантов сообщение неразрывно связано с личностью говорящего и его коммуникативным стилем. Для адресатов-мужчин личность оказалась важнее сообщения. Экспериментальный материал позволил уточнить существенные характеристики экскурсовода как субъекта коммуникации, влияющего на эффективность коммуникативного взаимодействия. В числе универсальных качеств были названы компетентность, коммуникабельность, умение находить общий язык. Приоритетность качеств оказалась зависимой от гендерного параметра: для мужчин более существенны те качества экскурсовода, которые характеризуют его внешний вид, пол, возраст. Испытуемые-женщины в числе самых важных назвали качества, связанные со способом и манерой подачи информации (красноречивость, доходчивость, хорошая дикция). Данные экспериментов позволили выявить такие характеристики экскурсовода, которые оказалось возможным соотнести с тем или иным коммуникативным стилем. Все категории испытуемых назвали большее количество качеств, связанных с имперсональным стилем. Вторым по приоритетности в ответах мужчин является доминирующий стиль, а в ответах женщин – паритетный.

Полагаем, что изучение коммуникативного процесса в широком смысле может быть существенно обогащено применением психолингвистических методов, которые способны интегрироваться с достижениями как в области социолингвистики, так и прагматики и дискурс-анализа.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, интегративный подход, субъект коммуникации, туристический дискурс, коммуникативный стиль

Введение

Изучение коммуникации как сложного многоаспектного явления может осуществляться с привлечением различных лингвистических теорий, методов и подходов. Одним из возможных путей, позволяющих в некоторой степени элиминировать недостатки каждой отдельной теории, является интегративный подход. В центре внимания настоящего исследования находится взаимодействие экскурсовод – турист. Экскурсовод занимает доминирующую позицию с точки зрения коммуникативных вкладов, а коммуникативный стиль экскурсовода рассматривается как качественная характеристика его коммуникативной деятельности, непосредственно влияющая на эффективность общения в устном туристическом дискурсе. В рамках предлагаемой публикации описывается фрагмент исследования, связанный с применением психолингвистических методов для уточнения существенных характеристик экскурсовода как субъекта туристического дискурса. Для прояснения логики интерпретации результатов экспериментов следует кратко охарактеризовать типологию коммуникативных стилей экскурсовода, через призму которой обсуждаются полученные в ходе экспериментов данные.

Типология коммуникативных стилей построена на нескольких классифицирующих основаниях. Основанием первого порядка выступает психологический тип личности экскурсовода: меланхолик (имперсональный коммуникативный стиль), холерик (доминирующий коммуникативный стиль), сангвиник (паритетный коммуникативный стиль), флегматик (конформистский коммуникативный стиль). Критериями второго порядка типологии коммуникативных стилей, которые соотносятся с психологическими темпераментами, являются функции речи по В.В. Виноградову: общение/сообщение/воздействие [Виноградов 1963: 5–6] и доминирующие позиции экскурсовода по Б.В. Емельянову: информатор, комментатор, собеседник, советчик, эмоциональный лидер [Емельянов 2007: 204]. Соотношение коммуникативных стилей, темпераментов, функций речи и доминирующих позиций экскурсовода по отношению к экскурсанту представлено в табл. 1

Таблица № 1

Основания типологии коммуникативных стилей экскурсовода

Коммуникативный стиль экскурсовода	Функции речи (по В.В. Виноградову)	Доминирующие роли экскурсовода (по Б.В. Емельянову)
Имперсональный (меланхолик)	Сообщение	Информатор
Доминирующий (холерик) «Я-стиль»	Воздействие	Эмоциональный лидер
Паритетный (сангвиник) «мы-стиль»	Общение	Собеседник
Конформистский (флегматик) «вы-стиль»	Сообщение + общение	Комментатор-советчик

Краткая характеристика коммуникативных стилей может быть сведена к следующему: имперсональный стиль направлен на индифферентное информирование при минимальном межличностном участии; доминирующий – на самоутверждение, это авторитарный и подавляющий стиль; паритетный – на сотрудничество, эффективное взаимодействие и конструктивный диалог; конформистский – на приспособление, уход от разногласий путём уступок.

С целью определения типичных коммуникативных стилей была проведена серия экспериментов, в результате удалось выявить такие характеристики экскурсовода, которые оказалось возможным соотнести с тем или иным коммуникативным стилем. В дальнейшем было проведено дискурсивное исследование речевых стратегий как маркеров коммуникативных стилей на материале контактной экскурсии как коммуникативного события.

Материалы и методы

В рамках настоящей публикации описываются экспериментальные исследования как один их этапов изучения коммуникативных стилей экскурсионного дискурса. Нами были проведены свободный ассоциативный эксперимент и опрос. В основу методики проведения и интерпретации их результатов положены идеи А.А. Залевской [Залевская 2011; 2014].

Участниками экспериментального исследования стали 105 человек в возрасте от 16 до 24 лет (57 мужчин и 48 женщин). Они являются студентами 2-го курса факультета ИЯ и МК Тверского государственного университета и курсантами 1-го и 2-го курса военной академии ВКО им Г.К. Жукова. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что реакции испытуемых будут

отражать представления относительно качеств и характеристик экскурсовода, соотносимых с коммуникативными стилями.

На первом этапе испытуемые получили задание зафиксировать свои ассоциаты на слово-стимул ЭКСКУРСОВОД (формулировка задания: «Напишите первое слово (или несколько слов), которое у Вас ассоциируется со словом ЭКСКУРСОВОД»).

На втором этапе был проведён опрос. Испытуемым было предложено назвать предпочтительные с их точки зрения качества экскурсовода (формулировка задания: «Назовите несколько качеств эффективного (хорошего) экскурсовода»).

Результаты и обсуждение

Полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента реакции были распределены на 3 группы (с опорой на трёхкомпонентную модель коммуникации В. Шрамма): те, которые связаны с адресантом (экскурсоводом), адресатом (туристами), сообщением (объектом речи). При этом выделены ещё 2 группы: ассоциаты, соотносимые с определённым параметром коммуникативного события (адресат, адресант, сообщение), и ассоциаты, связанные с коммуникативным событием в целом. В табл. 2 представлены результаты свободного ассоциативного эксперимента (курсивом выделены ассоциаты, связанные с коммуникативными стилями).

Таблица № 2

Ассоциаты на слово-стимул ЭКСКУРСОВОД

<p>Адресант (экскурсовод) 53 ответа (27%)</p>	<p>Знания (3) / знание / знание истории, местности / человек, который имеет хорошие знания / человек, знающий всё о своём направлении (история людей, местности) / знает хорошо историю и географию страны (8); проводник (2) / гид (4) / направляющий (7); человек, проводящий экскурсии (2) / человек, ведущий экскурсии/кто проводит экскурсии / ведёт экскурсии (5); информатор (3); образованный и умный человек / образованность (2); владение языками / языки (2); приятный, отзывчивый человек; человек, умеющий правильно донести информацию, но главное интересно; человек, который может рассказать и ответить на вопросы о каком-либо объекте, месте; рассказывает истории о городе; сообщает информацию; человек с громкоговорителем, под речь которого легко засыпаешь; интересный рассказ; знающий человек; разъяснение; с человеком (женщиной), которая интересно рассказывает; человек, который рассказывает об исторических местах того или иного города; человек, который рассказывает группе людей в течение экскурсии историческую информацию о достопримечательностях; компетентный человек; умный человек; образованность; рассказчик; красивая девушка; с Пашей Техником; человек с большой памятью; историк; женщина; униформа;</p>
---	--

	человек, который вводит в курс дела людей; человек, который показывает достопримечательности туристам; человек водит туристов по различным местам и показывает достопримечательности; человек, который знакомит нас с историей и искусством
Адресат (туристы) 5 ответов (2,6%)	Отпуск (2); отдых, туристы, иностранцы
Сообщение (объекты речи) 56 ответов (28,6%)	Музей (13) / музеи (7) (20); достопримечательности (5) / достопримечательность (2) (7); автобус (3); много людей / толпа людей (2); микрофон (2); картины (2); памятник (2); старина; реликвии; зонтик; лес; зоопарк; большой город; иностранный город; город; Санкт-Петербург; Лондон; горы; галерея; страна; новые места; интересные места в разных странах; культура; бейджик; путеводитель
Коммуникативное событие (КС) 82 ответа (41,8%)	Экскурсия (13) / экскурсии (4) / длинные экскурсии (18); путешествия (6) / путешествие (10) (16); поездка (3); пешие прогулки / прогулка (2); Информация (7) / новая информация / интересная информация / факты / новые факты / новые знания / что-то новое (13); история (7) / истории (8); интерес (3); туризм (2); скука / обычно не очень интересно (2); обучение; экскурс; интерес; спокойствие; радость; приключения; увлечённость; открытия; эмоции; события; явления; опасность; шум, поход; путь

По результатам эксперимента, самой многочисленной группой оказалась группа ассоциатов, связанная с коммуникативным событием (41,8%). Следует отметить, что количество ответов, связанных с сообщением, оказалось больше, чем количество ответов, связанных с экскурсоводом. Иными словами, на первом месте по степени значимости не субъект коммуникации и не само сообщение, а коммуникативное событие в целом, то впечатление, которое оно оставляет.

Наибольший интерес для нас представляет группа ассоциатов, характеризующих экскурсовода. Большинство из них связано с имперсональным стилем (сообщает информацию, знающий человек, рассказывает истории о городе, знает хорошо историю и географию страны, человек, который может рассказать и ответить на вопросы о каком-либо объекте, месте и т.д.). При этом важны гендерные различия. В ответах мужчин большее количество ассоциатов связано с экскурсоводом (43%), что в 1,6 раза больше по сравнению с общим количеством (27%). Данный результат свидетельствует о значимости для мужчин личности экскурсовода, его качеств (приятный, отзывчивый человек, умный, образованный, компетентный и т.д.) и внешности (красивая девушка). Почти в два раза меньше процент ассоциатов, связанных

с сообщением (26%). Самыми многочисленными оказались ассоциаты музей (6) и достопримечательности (4).

В ответах женщин большее количество ассоциатов относится к группе абстрактных понятий (31%) и связано с сообщением (30%), что не совпадает с общим результатом. Можно сделать вывод о том, что у женщин слово-стимул «экскурсовод» в большей степени ассоциируется с определёнными ожиданиями и эмоциями от экскурсии (история, информация, приключения, события, увлечённость, спокойствие, радость и т.д.), а также с местом и объектами экскурсии (музей, город, страна, новые места, памятник, картины и т.д.).

В табл. 3 представлены общие результаты свободного ассоциативного эксперимента в абсолютных и относительных показателях.

Таблица № 3

**Общие результаты свободного ассоциативного эксперимента
(в абсолютных и относительных показателях)**

	Общее	Мужчины	Женщины
Адресант (экскурсовод)	53 (27%)	33 (43%)	20 (17%)
Адресат (туристы)	5 (2,6%)	2 (3%)	3 (3%)
Сообщение (объекты речи)	56 (28,6%)	20 (26%)	36 (30%)
Коммуникативное событие (КС)	41 (20,9%)	18 (23%)	23 (19%)
Абстрактные понятия	41 (20,9%)	4 (5%)	37 (31%)

Таким образом, по общим результатам свободного ассоциативного эксперимента, для испытуемых самым важным оказываются объекты речи (28,6%). Почти такой же процент (27%) имеет группа ассоциатов, связанных с экскурсоводом. Большинство из этих ассоциатов можно соотнести с имперсональным коммуникативным стилем. При этом результаты ответов мужчин и женщин не совпадают с общими. У мужчин большее количество ответов относится к группе ассоциатов, связанных с экскурсоводом (43%), что в 1,6 раза больше по сравнению с общим количеством (27%) и в два с половиной раза меньше, чем у женщин (17%). Следует отметить, что все определения, которые женщины давали экскурсоводу, связаны с передачей информации (человек, который рассказывает об исторических местах того или иного города; человек, который рассказывает группе людей в течение экскурсии историческую

информацию о достопримечательностях; человек, который знакомит нас с историей и искусством и др.). Мужчины же определяли роль экскурсовода не только в сообщении информации, но и в показе достопримечательностей (человек, который показывает достопримечательности туристам; человек водит туристов по различным местам и показывает достопримечательности). Женщины отдают предпочтение группе абстрактных понятий (31%), что в полтора раза больше по сравнению с общим результатом (20,9%) и в шесть раз больше, чем у мужчин (5%). Абстрактные понятия в подавляющем большинстве описывают эмоциональное состояние (интерес, спокойствие, радость, приключения, увлечённость, открытия, эмоции, опасность, шум), что, вероятно, можно объяснить большей женской эмоциональностью.

В ходе опроса, в котором участвовали те же 105 человек, что и на первом этапе, были выявлены предпочтительные качества экскурсовода. Наиболее частотные качества экскурсовода, названные испытуемыми, следующие: знание (компетентность) (20), коммуникабельность (17), красноречивость (16), хорошая, чёткая дикция и громкая речь (14), заинтересованность (14), умение рассказывать интересно (13), общительность (12), умный / умная (10), доброжелательность (10), умение привлекать внимание (10), харизма (9), эрудированность (7), внимательность / внимание (7), юмор (6), открытость (5) / искренность (6), эмоциональность (6), интересный (4) / нескучный / не быть занудным (6). Единичные ответы учитывались, но оказались менее существенными для выявления типичных качеств, которые потенциально могут быть соотнесены с коммуникативными стилями.

Полученные данные разделены на две группы: качества, которые связаны косвенно / прямо с межличностным общением. Для распределения качеств по группам привлекалась экспертная группа магистрантов (11 человек), обучающихся на направлении «Перевод и переводоведение». При этом мы, столкнувшись в существенной трудностью в распределении ответов, поставили перед собою цель выявить общие тренды выборов. Результаты представлены в табл. 4 (жирным курсивом выделено общее количество выборов универсальных качеств).

Таблица № 4

Результаты опроса

Связанные косвенно с межличностным общением	Знание (компетентность) / владение всеми необходимыми знаниями / отличные знания / хорошее знание излагаемого материала / хорошее знание материала / достаточно хорошо знать материал, который он доносит до слушателей /
---	--

	<p>знание материала / знать материал / знать свой материал / имеющий знания в своей области / знание описанного / осведомлённость / информированный / информация / много знающий / много знать о местах экскурсий / знаниями в своей профессии / просвещённость в сфере своей деятельности / знать много рассказов / компетентный (20); умный (9) / умная (10); эрудированность (4) / общая эрудированность / обладать эрудицией / эрудированный (7); внешние качества (6): красивый (2), презентабельный, аккуратный, опрятный, опрятная внешность; начитанность (2) / начитанный (3) (5); молодостью (старых экскурсоводов не интересно слушать) / молодой (3) (4);</p> <p>Образованность (2) / образованный (3); интеллигентность (2) / интеллигентный (3); интеллектуальность / интеллектуальным (2); разносторонне развитый человек / развитый (2); широкий кругозор (2); опытность / опыт в работе (2); знание ин.яз.; самосохранение; память; честный; любопытство; любознательность; концентрация; надёжный; креативность</p>
<p>Связанные прямо с межличностным общением</p>	<p>Коммуникабельный (3) / коммуникабельность (12) / коммуникация / он должен легко находить со всеми общий язык (17); красноречивость (6) / красноречие (6) / красноречивый (4) (16); дикция / развитая дикция / хорошая дикция (2) / обладающий чёткой дикцией / чётко поставленный голос и связка слов / громкая, чёткая речь / голос / громко говорить / хорошая речь / хорошо поставленная речь / развитая речь / чётко поставленная дикция / громким голосом (14); заинтересованность (5) / энтузиазм (3) / заинтересованность в своей работе (2) / интерес к экскурсии / заинтересованный в экскурсии / заинтересованность в объекте экскурсии / любовь к своему делу (14); интересная подача / интересно рассказывает / умение рассказывать интересно (3) / уметь рассказывать / уметь интересно рассказывать информацию / доступно объяснить информацию / умение правильно подавать информацию / умение преподавать материал / умение интересно подать материал / коммуникативность / коммуникативными (13); общительный (7) / общительность (5) (12); доброжелательность (9) / доброта (10); умение заинтересовать (2) / должен уметь заинтересовать человека / должен заинтересовать людей / способность заинтересовать / уметь заинтересовать / умение заинтересовать слушателя / способность уметь привлекать внимание / умение привлечь внимание публики / уметь удерживать внимание (10); харизма (6) / харизматичность / харизматичный / расположение к себе (9); внимательность (4) / внимательный (2) / внимание (7) ; чувство юмора (3) / юмор (2) / хорошее чувство</p>

	<p>юмора (6); открытость (5) / искренность (6); эмоциональность (3) / эмоциональный (3) (6); интересный (4) / нескучный / не быть занудным (6); терпение (2) / терпеливость (2) / терпеливый (5); энергичный (2) / энергичность (2) / активный (5); вежливый / вежливость (4) (5); общение с туристами (5): диалог с туристами, умение общаться с аудиторией, собеседничество, разговорчивый, говорливость; внешние качества (4): выразительность, привлекательность, завораживающий, обаятельный; обладать ораторским качеством / хороший оратор / ораторские умения / навыки риторики (4); весёлый (4); умение импровизировать и находить выход из ситуации / не теряться в трудных условиях / находчивый / знает выход из любой ситуации (4); уверенность (2) / уверенность в себе (3); дружелюбный / дружелюбны / дружелюбие (3); уравновешенность / спокойствие (2); приятный голос; раскрепощённость; лаконичность; простота; лидерскими качествами; социальность; артистичность; приветливость; отзывчивость; любовь к людям; стрессоустойчивость</p>
--	--

В ответах большинства испытуемых качества, прямо связанные с общением, оказались наиболее важными (73%), несмотря на то, что самым предпочтительным качеством экскурсовода, названным испытуемыми, является знание (т.е. профессиональная компетентность) (20), которое косвенно связано с межличностным общением. Среди качеств, прямо связанных с межличностным общением, наиболее частотными являются коммуникабельность (17), красноречивость (16), хорошая, чёткая дикция и громкая речь (14), заинтересованность (14), умение рассказывать интересно (13), общительность (12), доброжелательность (10), умение привлекать внимание (10), харизма (9), внимательность / внимание (7), юмор (6), открытость (6), эмоциональность (6), интересный (4) / нескучный / не быть занудным (6). По результатам эксперимента можно сделать вывод о том, что для испытуемых личность экскурсовода крайне важна, большую роль играет способ передачи знаний, доброжелательное отношение к экскурсантам, умение найти с ними общий язык и заинтересовать.

Обращает на себя внимание фактор гендерных отличий. У мужчин процент ответов, прямо связанных с межличностным общением больше (65%), чем ответов, косвенно связанных с межличностным общением (35%), что совпадает с общим результатом. Наиболее частотными качествами, прямо связанными с межличностным общением, являются красноречивость (11), хорошая, чёткая дикция и громкая речь (8), общительность (7). К качествам, которые называют

только мужчины относятся умный (10), качества, характеризующие внешность экскурсовода (9): красивый (2), презентабельный, аккуратный, опрятный, выразительность, привлекательность, завораживающий, обаятельный, молодой (4), весёлый (4), образованный (3), интеллигентный (3), лидерские качества, интригующий. Это свидетельствует о том, что для мужчин более важными оказываются качества экскурсовода, характеризующие его внешний вид, пол, возраст, наличие знаний. Это соотносится и с результатами свободного ассоциативного эксперимента, в котором также более типичными для мужчин оказались ответы, связанные с личностью и внешностью экскурсовода, а не с его профессиональными качествами – способом и манерой передачи информации.

У женщин большее количество отмеченных качеств прямо связано с межличностным общением (80%), из них наиболее частотными являются ассоциации коммуникабельность (13), заинтересованность (11), умение рассказывать интересно (11), доброжелательность (8), умение привлекать внимание (8), хорошая, чёткая дикция и громкая речь (6), открытость (6). Только женщины назвали открытость (5) / искренность (6), уравновешенность (5) и спокойствие (4). Для женщин более важным является интересная подача материала, спокойная обстановка во время экскурсии, а также создание доброжелательных и доверительных отношений.

В табл. 5 представлены общие результаты опроса (см. инструкцию выше) в абсолютных и относительных показателях.

Таблица № 5

**Общие результаты опроса
(в абсолютных и относительных показателях)**

	Общие	Мужчины	Женщины
Связанные косвенно с межличностным общением	75 (27%)	47 (35%)	28 (20%)
Связанные прямо с межличностным общением	202 (73%)	88 (65%)	114 (80%)

Как следует из представленного материала, процент названных испытуемыми качеств, прямо связанных с межличностным общением, почти в 3 раза больше, чем процент качеств, имеющих косвенное отношение к коммуникации (73% и 27% соответственно). Отдельно количество ответов мужчин и женщин подтверждают общие результаты. Однако, у мужчин количество ответов, называющих качества, которые косвенно связаны

с межличностным общением, больше (35%), чем у женщин (20%), что ещё раз подтверждает важную роль личности экскурсовода для мужчин и значимость самого процесса коммуникации для женщин.

Далее была предпринята попытка классифицировать качества, прямо связанные с межличностным общением. Основанием классификации стал параметр, который является объектом нашего изучения, – коммуникативный стиль (основания типологии коммуникативных стилей представлены в табл. №1). Предварительно выделены универсальные качества. К таким качествам относятся вежливый / вежливость (4) (5); умение импровизировать и находить выход из ситуации / не теряться в трудных условиях / находчивый / знает выход из любой ситуации (4), выразительность, привлекательность, завораживающий, обаятельный, приятный голос, раскрепощённость. Остальные качества можно соотнести с коммуникативными стилями экскурсовода. С целью более объективного распределения ответов по коммуникативным стилям в ходе исследования использовалась экспертная оценка. В качестве экспертов привлечены 11 магистрантов Тверского госуниверситета по направлению подготовки «Перевод в сфере профессиональной деятельности». Магистранты опирались на краткую характеристику коммуникативных стилей, представленную выше. В табл. 6 представлено количество универсальных качеств и качеств, которые можно соотнести со стилями в относительных и абсолютных показателях.

Таблица № 6

Универсальные качества и качества, которые можно соотнести со стилями (в абсолютных и относительных показателях)

	Общие	Мужчины	Женщины
Связанные прямо с межличностным общением (универсальные)	15 (7%)	10 (11%)	5 (4%)
Связанные прямо с межличностным общением и относящиеся к коммуникативным стилям	187 (93%)	78 (89%)	109 (96%)

Результаты показывают, что испытуемые отдают предпочтение имперсональному стилю (см. табл. №1) (41,71%), что подтверждает данные свободного ассоциативного эксперимента. Качества, которые отметили

испытуемые: красноречивость (16 ответов), хорошая, чёткая дикция и громкая речь (14 ответов), интерес к экскурсии (14 ответов), интересная подача (13 ответов), умение и способность заинтересовать (10 ответов), интересный (6 ответов), хороший оратор / навыки риторики (4 ответа), лаконичность. На втором месте оказался паритетный (см. табл. №1) стиль (27,27%), однако, стоит отметить, что количество ответов в полтора раза меньше. Испытуемые указали такие качества, как коммуникабельность (17 ответов), общительность (12 ответов), открытость/искренность (6 ответов), диалог с туристами, умение общаться с аудиторией, собеседничество, *разговорчивый, говорливость*, простота, социальность. Это свидетельствует о том, что экскурсовод должен не только передавать информацию, но стараться делать это интерактивно, т.е. быть собеседником по отношению к экскурсантам, использовать вопросно-ответную форму изложения и проявлять доброжелательное отношение к туристам. У экскурсоводов с паритетным коммуникативным стилем экскурсия обычно выстраивается в форме диалога. Следовательно, основной целью экскурсантов является получение новых знаний и положительных эмоций, а экскурсовода они видят в роли интересного рассказчика и собеседника, который сможет эти знания передать и создать благоприятную атмосферу во время экскурсии.

Большее количество качеств экскурсовода, отмеченных мужчинами, соответствует имперсональному стилю (42,31%), что совпадает с общим результатом. Испытуемые указали такие качества, как красноречивость (11 ответов), хорошая, чёткая дикция и громкая речь (8 ответов), интересный (4 ответа), интерес к экскурсии (3 ответа), интересная подача (2 ответа), умение и способность заинтересовать (2 ответа), хороший оратор (2 ответа), лаконичность. На втором месте по количеству ответов – доминирующий (см. табл. №1) стиль (26,92%). Названы следующие качества: харизматичный (4 ответа); весёлый (4 ответа); эмоциональный (4 ответа); энергичный (3 ответа); хорошее чувство юмора (3 ответа); уверенность; лидерские качества; интригующий.

В ответах женщин большее количество названных качеств экскурсовода также связано с имперсональным стилем (41,28%), что соответствует общему результату. Испытуемые отметили следующие качества: интересная подача (11 ответов), интерес к экскурсии (11 ответов), умение и способность заинтересовать (8 ответов), хорошая, чёткая дикция и громкая речь (6 ответов), красноречивость (5 ответов), ораторские умения (2 ответа), интересный (2 ответа). В полтора раза меньшее количество качеств соответствует паритетному стилю (29,36%): коммуникабельность (13 ответов), открытость/искренность

(6 ответов), общительность (5 ответов), простота. В табл. 7 представлено количество качеств экскурсовода, распределённых по стилям в абсолютных и относительных показателях.

Таблица № 7

**Количество качеств экскурсовода, распределённых по стилям
(в абсолютных и относительных показателях)**

	Общие	Мужчины	Женщины
Имперсональный	78 (41,71%)	33 (42,31%)	45 (41,28%)
Доминирующий	36 (19,25%)	21 (26,92%)	15 (13,76%)
Паритетный	51 (27,27%)	19 (24,36%)	32 (29,36%)
Конформистский	22 (11,77%)	5 (6,41%)	17 (15,6%)

В ответах как мужчин, так и женщин большее количество отмеченных качеств, связано с имперсональным стилем (мужчины – 42,31%, женщины – 41,28%). Вторым по приоритетности в ответах мужчин является доминирующий стиль (26,92%), а в ответах женщин – паритетный стиль (29,36%). Возможно, это связано с такой гендерной особенностью мужского общения, как иерархичность (см. Д. Таннен). Мужчины отметили такие качества, как харизматичный (4 ответа), весёлый (4 ответа), энергичный (3 ответа), имеющий хорошее чувство юмора (3 ответа), уверенный, обладающий лидерскими качествами. Для женщин более важными являются коммуникабельность (13 ответов), открытость/искренность (6 ответов), общительность (5 ответов), простота. Следует отметить, что в ответах женщин количество качеств, соответствующих конформистскому (см. табл. №1) стилю в полтора раза больше (15,6%), чем в ответах мужчин (6,41%). Женщины придают большее значение внимательности (5 ответов), терпению (4 ответа) и приветливости экскурсовода, то есть его умению не только передавать информацию, но и создавать комфортную обстановку во время экскурсии, заботиться о благополучии экскурсантов, проявлять к ним заботу и внимание. По-видимому, этим объясняется тот факт, что на доминирующий стиль, который может стать потенциально конфликтогенным, в ответах женщин приходится всего 13,76%.

Заключение

Резюмируя частные выводы по результатам ассоциативного эксперимента и опроса, мы можем констатировать, что ассоциаты на стимул ЭКСКУРСОВОД позволили выявить типичные качества субъекта дискурса (компетентность, коммуникабельность, умение находить общий язык). Приоритетность качеств оказалась зависимой от гендерного параметра: для мужчин более важны качества экскурсовода, характеризующие его внешний вид, пол, возраст; а способ и манера передачи информации (красноречивость, доходчивость, хорошая дикция) важнее для женщин.

Все категории испытуемых назвали наибольшее количество качеств, связанных с имперсональным стилем. Вторым по приоритетности в ответах мужчин является доминирующий стиль, а в ответах женщин – паритетный. Для дальнейшего уточнения стилистических предпочтений требуется проведение дискурс-анализа.

Таким образом, в представленном фрагменте исследования мы развиваем один из тезисов А.А. Залевской о целесообразности и продуктивного применения интегративного подхода к изучению материала. Полагаем, что изучение коммуникативного процесса в широком смысле может быть существенно обогащено применением психолингвистических методов, которые способны расширить границы дискурсивных исследований, демонстрируя их интегрирование не только с достижениями в области социолингвистики и прагматики, но и психолингвистики.

© Мкртычян С.В., Янсон Т.А., 2021

Литература

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: АН СССР, 1963. 253с.

Емельянов Б.В. Экскурсоведение. М.: Изд-во «Советский спорт», 2007. 216 с.

Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с.

Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. London: Published by IASHE. 2014. 180 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 25.08.2021

Дата принятия к печати: 12.12.2021

Сведения об авторах:

Мкртычян Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета

Контактная информация

170000 г. Тверь, ул. Желябова, 33, Тверской государственный университет

ORCID 0000-0002-3742-3993

e-mail: Mkrtychyan.SV@tversu.ru, mkrtytchian@mail.ru

Янсон Татьяна Александровна – аспирант кафедры теории языка, перевода и французской филологии факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета

Контактная информация

170000 г. Тверь, ул. Желябова, 33, Тверской государственный университет

ORCID 0000-0002-0481-0751

e-mail: tanjuschik@bk.ru

Для цитирования:

Мкртычян С.В., Янсон Т.А. Психолингвистическое исследование коммуникативных характеристик субъекта туристического дискурса // Вопросы психолингвистики №4(50) 2021, С. 78–95. doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-78-95

UDC 81'366.52

Research article

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-78-95

**PSYCHOLINGUISTIC STUDY
OF THE TOURISM DISCOURSE SUBJECT'S
COMMUNICATIVE CHARACTERISTICS**

Svetlana V. Mkrtytchian

Tver State University, Tver, Russia

Tatiana A. Yanson

Tver State University, Tver, Russia

Abstract

The article presents an integrated study fragment of the tour guide's communicative style in the tourism discourse that has employed psycholinguistic methods. The research concept and methodology are based on the ideas of Alexandra A. Zalevskaya, Head of Tver School of Psycholinguistics, Honoured Scientist and Professor. We interpret the experimental data through the lens of the typology of communicative styles, which relies on the psychological personality type, speech function, intention, and tour guide's dominant position.

The free association experiment has shown that the message contained in the tourists' consciousness is inseparably connected with the speaker's personality and their communicative style. For male addressees, the personality has appeared to be more crucial than the message itself. The experimental data have allowed us to specify the essential characteristics of the tour guide as a subject of communication influencing the communication effectiveness. Some universal qualities include *competence, strong social skills* and *ability to find common ground*. The quality priority ranking has turned out to be dependent on the gender parameter: men consider those tour guide's qualities vital which characterise their appearance, gender and age; the tour guide's personality and their appearance are of the essence for men. Female respondents have found those qualities important which are associated with the way and style of data presentation (*eloquence, clarity* and *good articulation*). The experimental data have enabled us to pinpoint the tour guide's characteristics which we have been able to identify with a certain communicative style. All categories of respondents have provided the most characteristics connected with the impersonal style, which is followed by the dominant style in men's responses and the parity style in women's responses respectively.

We believe that studying the communication process in a general sense can be substantially enriched by virtue of psycholinguistic methods, which can be integrated with the achievements in the field of sociolinguistics, as well as in pragmatics and discourse analysis.

Keywords: association experiment, integrated approach, subject of communication, tourism discourse, communicative style

References

Emel'yanov, B.V. (2007) Ekskursovedenie [Excursology]. Moscow. Soviet sport publ. 216 p. (in Russian).

Vinogradov, V.V. (1963) Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika [Stylistics. The theory of poetic speech. Poetics]. Moscow. AS USSR publ. 253 p. (in Russian).

Zalenskaya, A.A. (2011) Znachenie slova cherez prizmu eksperimenta [The meaning of a word through the prism of an experiment]. Tver. Tver State University publ. 240 p. (in Russian).

Zalenskaya, A.A. (2014) Znachenie slova cherez prizmu eksperimenta [Interfacial theory of word meaning: a psycholinguistic approach]. London. Published by IASHE. 180 p. (in Russian).

© Mkrtychian S.V., Yanson N.A., 2021

Article history:

Received: 25.08.2021

Accepted: 12.12.2021

Bionotes:

Svetlana V. Mkrtychyan – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Theory of Language, Translation and French Philology, Tver State University

Contact information:

170100, Russia, Tver, 33, Zhelyabova st.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3742-3993>

e-mail: Mkrtychyan.SV@tversu.ru, mkrtychian@mail.ru

Tatiana A. Yanson – PhD student, Department of Theory of Language, Translation and French Philology, Tver State University

Contact information:

170100, Russia, Tver, 33, Zhelyabova st.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0481-0751>

e-mail: tanjuschik@bk.ru

For citation:

Mkrtytchian S.V., Yanson T.A. (2021) Psycholinguistic Study Of The Tourism Discourse Subject's Communicative Characteristics. *Journal of Psycholinguistics*. 4(50), pp. 78–95. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-78-95 (in Russian)

УДК 81'23–81'25 Научная статья
ББК 81
DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-96-115

ПЕРЕВОД АНГЛИЙСКИХ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В УСЛОВИЯХ УЧЕБНОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

Чугунова Светлана Александровна
профессор кафедры теории английского языка и
переводоведения БГУ им. акад. И.Г. Петровского,
Брянск, Россия

Аннотация

С опорой на психолингвистическую теорию слова как достояния индивида, предложенную и разрабатывавшуюся на протяжении нескольких десятилетий А.А. Залевской [1977; 1990; 1992; 1999; 2005; 2007; 2011; 2014], исследовался процесс перевода русскими билингвами в условиях учебного двуязычия английских окказионализмов, образованных с применением нестандартных для английского языка словообразовательных моделей. Теоретическая часть статьи представляет собой исследование понятия окказионализма в соотношении с близким понятием неологизма с позиций логико-структурного и психолингвистического подходов, а также обсуждение современных словообразовательных тенденций в английском и русском языках, касающихся языковых новаций с акцентом на нестандартных словообразовательных моделях. Экспериментальная часть статьи включает обоснование психолингвистического подхода к изучению процесса перевода и непосредственного обращения к индивиду в психолингвистическом эксперименте в качестве основного эмпирического метода исследования. Эксперимент проводился на материале английских окказионализмов, образованных с применением нестандартных для английского языка словообразовательных моделей. Цель эксперимента заключалась в проверке гипотезы, что при переводе окказионализмов русские билингвы в условиях учебного двуязычия предпочитают описательный перевод и устойчивые лексические образования и избегают применения нестандартных для русского языка словообразовательных моделей. Испытуемые переводили окказионализмы в контексте предложений. В результате, выдвинутая гипотеза нашла подтверждение только в отношении некоторых лексем, что может быть обусловлено условиями эксперимента, которые, таким образом, нуждаются в доработке.

Ключевые слова: окказионализм, неологизм, ментальный лексикон, ощущение новизны, нестандартное словообразование, язык перевода

Введение

Объектом настоящего исследования являются английские окказионализмы как достояние индивида, образованные с применением нестандартных для английского языка словообразовательных моделей, *предметом* – особенности перевода английских окказионализмов русскими билингвами в условиях учебного двуязычия. *Цель* исследования заключалась в проверке гипотезы, согласно которой при переводе английских окказионализмов, образованных с применением нестандартных для английского языка словообразовательных моделей, русские билингвы в условиях учебного двуязычия предпочитают описательный перевод и устойчивые лексические образования и избегают применения нестандартных для русского языка словообразовательных моделей. Поставленная цель предполагала последовательное решение следующих *задач*: 1) соотнести понятие окказионализма с близким понятием неологизма; 2) сопоставить логико-рациональный и психолингвистический подходы к лексической новации в языке; 3) рассмотреть значение «человеческого фактора» в неологии и осветить понятие «ощущение новизны» как относящееся к сфере речевой, психической деятельности индивида; 4) оценить степень неологизации современного английского и русского языков; 5) выявить основные нестандартные (окказиональные) словообразовательные модели в английском языке; 6) обосновать целесообразность изучения перевода как процесса принятия решений индивидом, осуществляющим этот процесс, т.е. с психолингвистических позиций; 7) провести эксперимент с использованием метода перевода с целью верификации сформулированной гипотезы исследования; 8) интерпретировать полученные от индивидов ответы и сделать выводы в пользу сформулированной гипотезы или признать её неподтверждённой. В качестве основных *методов* исследования применялись общенаучные методы синтеза, анализа и сравнения, а также узконаучные методы психолингвистического эксперимента, межъязыкового перевода и лингвистического описания экспериментального материала.

Методологической базой проведённого научного изыскания является психолингвистическая теория слова как достояния индивида и «живого знания» А.А. Залевской [1977; 1990; 1992; 1999; 2005; 2007; 2011; 2014]. Так, слово рассматривается как «достояние пользующегося языком человека, как продукт своеобразной переработки индивидом многообразного (вербального и невербального) опыта познания и общения, как средство доступа к образу мира личности, как познавательная единица с двойственной онтологией, обращённая одной своей ипостасью к индивиду, а другой – к социуму/культуре [Залевская 2014: 54].

Новое слово: окказионализм versus неологизм?

Известно, что в языке проявляется творческий характер человеческого мышления [Chomsky 2006: 6–11, 87], и человек склонен к языковому творчеству, отчего в языке постоянно появляются новые слова и выражения при самых разных обстоятельствах: либо продуцирующий устную или письменную речь индивид не может полноценно выразить мысль готовыми языковыми средствами, либо желает продемонстрировать свои исключительные способности, либо стремится рассмешить, либо достичь особого стилистического эффекта. Одни «сиюминутные» изобретения тут же забываются, а другие подхватываются и распространяются в социуме и таким образом задерживаются в языке, становятся частью его лексической системы [Weckenmann 2012]. Именно поэтому так называемые «окказионализмы» (*nonce-words/formations*; *occasionalisms*) заслуживают самого пристального внимания языковедов, причём как со стороны представителей структурного, системного подхода, так и со стороны представителей когнитивной парадигмы, включая психолингвистов.

Согласно [Poix 2018], со ссылкой на Оксфордский словарь, термин “*nonce-word*” был впервые предложен в XIX в. шотландским лексикографом Дж. Мюрреем (James Murray) в качестве слова для единичного использования в специфичной ситуации, тексте или в произведениях конкретного автора. Термин “*occasionalism*” был введён в научный оборот русскими лингвистами, а именно автором Е. Chanpira в 1966 г. (имеется в виду диссертация [Ханпира 1966]) – со ссылкой на [Dressler & Tumfart 2017: 155–156], причём только в контексте особенностей поэтического текста, хотя и до этого лингвисты в своих работах неоднократно отмечали разного рода лексические отклонения от нормативного языка. В статье [Poix 2018] предлагается использовать термин “*nonce formation*”, когда речь идёт о процессе создания нового слова, и термин “*occasionalism*”, когда речь идёт о результате этого процесса.

Из современных публикаций, проливающих свет на во многом всё ещё игнорируемое специалистами понятие окказионализма, следует отметить работу П. Хоэнхауса [Hohenhouse 1996], в которой представлена попытка дать исчерпывающий лингвистический анализ данного феномена – от обсуждения его места в существующих теориях словообразования и проблемы определения – до рассмотрения типологии и функций и, наконец, предложения собственной концепции окказионализма и окказиональности (*nonce-ness*), которая представляет собой континуум из признаков и может быть измерена. Важно, что новый взгляд, в отличие от общепринятых точек зрения, которые так или иначе, но сводят окказионализм к условию исключительной новизны, обслуживанию ситуации «здесь и сейчас» (*ad-hoc*), что, как верно

подмечено, практически невозможно надёжно верифицировать, подчёркивает континуальность понятия, его пластичность, т.е. степень окказиональности слова может быть большей или меньшей, в зависимости от большего или меньшего набора признаков, определяющих окказионализм, которые, однако, не всегда присутствуют в каждом конкретном случае [Weckenmann 2012].

Примечательно, что даже П. Хоэнхаус противоречит самому себе по поводу той же исключительности – основополагающего признака окказионализма: с одной стороны, он настаивает, что при повторном употреблении окказионализм перестаёт считаться таковым, а с другой – допускает факты воспроизведения, если эти факты не связаны между собой, что, надо признаться, также далеко не всегда можно проверить. В результате, автор концепции приходит к выводу о несостоятельности статистического подхода к определению окказионального слова и предлагает заменить его на трактовку в психологическом смысле: слово является окказиональным для индивида, если последний никогда прежде с ним не встречался. Однако и с этим условием не все склонны согласиться, поскольку ментальный лексикон (понятие, используемое П. Хоэнхаусом), представляет собой подвижное индивидуальное образование, и решение об исключительной новизне слова может не совпадать у говорящего и слушающего. И даже если решение совпадает, это не исключает иного ответа от других субъектов. Так, например, 23,5% опрошиваемой П. Хоэнхаусом аудитории, заявили, что слышали слово *beggable* раньше, тогда как остальная аудитория ни разу с ним не встречалась. Отсюда встаёт вопрос о статусе данного примера – он остаётся окказионализмом в этом случае или переходит в разряд неологизмов? Или он будет считаться неологизмом для 23,5% опрошиваемых и окказионализмом – для остальных [Hohenhouse 1996]?

Большинство лингвистов – представителей системного подхода в языкознании – различают окказионализмы и неологизмы по мере интегрированности лексической новации в язык и речь социума: неологизмы, несмотря на «диахроническую молодость», уже успели там закрепиться, и индивид, ощущая новизну, тем не менее извлекает придуманное кем-то другим слово из своей памяти, своего ментального лексикона, а окказионализмы – это действительно сиюминутные озарения, изобретения, открытия [Bauer 2004: 77–78; Crystal 2002: 132; Hohenhouse 2007: 17–18]. Как только окказионализм пережил ситуацию *ad-hoc* и начинает воспроизводиться в других ситуациях, он переходит в разряд неологизмов [Bauer 2004: 77–78; Schmid 2011: 75]. Однако, если с позиции логико-рационалистического подхода относительно нового слова всё, как правило, достаточно очевидно, и мы имеем дело с оппозицией «окказионализм – неологизм», то там, где в обсуждение включается индивид со своим ментальным лексиконом и своим индивидуальным ощущением

новизны, эта позиция оказывается уже не столь убедительной и неуязвимой. Более того, содержание понятия «новое слово» будет напрямую зависеть от «угла зрения», «системы координат», т.е. от той научной парадигмы, в рамках которой осуществляется изучение данного явления [Гришкина 2017: 19].

Новое слово и «ощущение новизны» с учётом «человеческого фактора»

Несомненно, центральным маркером для обоих понятий – окказионализма и неологизма является параметр новизны, который, однако, не поддаётся непосредственному наблюдению [Тогоева 2000: 41–47; Rodríguez Guetta 2016: 529–530], так как практически невозможно проверить исключительно субъективное «ощущение новизны» у каждого члена лингвокультурной общности, кроме как с использованием метода психолингвистического эксперимента в больших группах испытуемых [Тогоева 2000: 44]. Кроме того, нельзя не согласиться, что относящееся к сфере речевой, психической деятельности индивида «ощущение новизны» вносит путаницу и недосказанность при ограничении нового слова структурно-системным аспектом, но именно «субъективная новизна слова практически не исследуется» [Гришкина 2017: 55–56].

В этой связи особенно актуальным в свете отмечаемого А.А. Залевской перехода на новую общенаучную парадигму, новую глобальную метафору «живое знание» [Залевская 2014: 34, 38–39, 65], становится осознание необходимости изучения языковых новаций как достояния познающего индивида, который «не только мыслит», но «чувствует и эмоционально-оценочно переживает воспринимаемое и осмысливаемое» [Залевская 2014: 36].

Не умаляя вклада логико-рационалистического лингвистического подхода в описание и систематизацию феномена языковой неологизации, не можем не обратить внимание, что, продолжая «препарировать» новое слово без учёта «человеческого фактора» [Залевская 2014: 65] и речевой деятельности, наука не сумеет ответить на главный вопрос – о природе и причинах обновления человеческого языка, а «объяснение языковых изменений может быть только психологическое» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 224]. В связи с этим, несомненным объяснительным потенциалом в направлении развития неологии с психолингвистических позиций обладает интерфейсная концепция значения слова А.А. Залевской, сформулированная в результате «изучения особенностей естественного семиозиса» и непосредственно связанная с «трактовкой живого мультимодального гипертекста как внутреннего контекста процессов познания и общения» [Залевская 2014: 110].

Нестандартное словообразование в английском и русском языках

Поскольку использованные в качестве стимулов в эксперименте окказионализмы образованы с применением нестандартных моделей словообразования, следует подробнее остановиться на данном вопросе.

Сегодня, как известно, пальма первенства по процессам неологизации принадлежит английскому языку, в том числе по использованию нестандартного, или окказионального, словообразования [Малинин 2013]. В последнее время в англоязычной лингвистике появляются работы по систематизации новообразований, выходящих за рамки нормативной грамматики (*extra-grammatical*) и потому оказавшихся на периферии научных интересов (см., например, [Mattiello 2013]). К таковым следует отнести: усечения (*clippings*), аббревиацию и акронимы, контаминацию/блендинг/слияние, редупликацию, регрессивную деривацию (*back-formation*), инфиксацию и некоторые другие. Одной из причин, побуждающих специалистов обратить должное внимание на эти феномены, является их существенный рост в англоязычной среде, хотя это не означает, что подобные явления отсутствовали в речи прошлых поколений: *brekker* вместо *breakfast* (1889), *fathered* ← *father* (1608), *whiteboard* по аналогии с *blackboard* (1883), *trialogue* по аналогии с *dialogue* (1532) [Mattiello 2013; Mattiello 2017].

Приведём примеры упомянутых выше явлений (см. [Mattiello 2013]):

- усечения: *natch* ← *naturally*, *kid-vid* ← *kid video*, *spk* ← *speak*;
- аббревиация и акронимы: *LOL* ‘laughing out loud’, *Wysiwyg* ‘what I see is what I get’, *POTUS and FLOTUS* ‘the President and the First Lady of the United States’;
- контаминация: *netizen* ‘internet citizen’, *chunnel* ‘channel + tunnel’, *Kimye* ‘Kim Kardashian and Kanye West’;
- редупликация: *blah-blah*, *Waity Katie* (первое прозвище Кейт Миддлтон), *a knock-knock joke*;
- регрессивная деривация: *she ugs in the ugly* (*ug* ← *ugly*), *to create a cell that could ‘selflase’ from inside tissue* (*lase* ← *laser*).
- инфиксация: *kanga-bloody-roos*, *edumacation*.

Нередки также случаи нестандартного словообразования «смешанного типа», когда применяются два или более способов создания новой лексической единицы либо одновременно, либо с малым промежутком времени между ними. Особенно это свойственно английскому сленгу: *tater* ← *potato*; *skeeter* ← *mosquito*; *pianner* ← *piano*; *hunner* ← *hundred* (в этих примерах наблюдается использование словообразовательных моделей усечения и аффиксации); *GOPster* ← *Grand Old Party*; *SOLer* ← *short of luck*; *AWOLer* ← *absent without leave* (здесь имеют место акронимизация и аффиксации) [Малинин 2013].

В то же время не только английский язык, но и другие языки претерпевают нарушение характерных для них словообразовательных норм, прежде всего под напором глобализации и влиянием английского языка. Причём у одних языковедов всякого рода отклонения от нормы вызывают досаду, а иногда и полное отторжение, а у других, наоборот, подобные явления вызывают исследовательский интерес, поскольку они служат «показателями языкового развития» [Тогоева 2000: 60]. В качестве примера приведём случаи распространения контаминации в русском языке: *вспутчить* ← *путч* + *вспучить*; *волчеризация* ← *волчий* + *ваучеризация*; *демокрад* ← *демократ* + *крад(у)*; *прихватизация* ← *приватизация* + *хватать*; *трепортаж* ← *трёп* + *репортаж*; *футболъ* ← *футбол* + *боль* (см. [Хрущёва 2017]). По этой же модели образованы такие лексемы, как *брехлама*, *Спортугалия*, *ШИКолад*, *публичко*, *вампьютер*, *цивилизор*, *криминалиссимус*, *сдербанк*, *осетенеть*, *Скандализа Райс* (см. [Кадырова 2014]), хотя в современном русском языке можно встретить лексические новации, образованные и по другим моделям с применением нетипичных для него языковых средств, например, как в случае с аффиксацией: *пивинг*, *водкинг*, *бабинг*, *втюхинг*, *путиноид*, *коммуноид*, *горохоизация*, *нашинцы*, *мегаожидания*, *псевдородственник* и т.д. (см. [Радбиль, Рацибурская 2017]).

Методика экспериментального исследования

Предметом проведённого экспериментального исследования стали особенности перевода английских окказионализмов, образованных с применением нестандартных для английского языка словообразовательных моделей, русскими билингвами в условиях учебного двуязычия. Цель исследования заключалась в проверке гипотезы, согласно которой при переводе окказионализмов русские билингвы предпочитают описательный перевод и устойчивые лексические образования и избегают применения нестандартных для русского языка словообразовательных моделей.

Прежде чем перейти к описанию процедуры эксперимента и анализу полученных результатов, следует сказать несколько слов об относительно новом векторе исследовательского интереса в науке о переводе, который, как считается, был задан чешским учёным И. Леви [Lévy 1967]. Он одним из первых в западноевропейской науке перешёл от анализа текста перевода к анализу переводческих решений, т.е. к переводчику и когнитивным аспектам его профессиональной деятельности. Когнитивная парадигма в науке о переводе, существующая под именами “Translation Process Research” [Jakobsen 2017] и “Cognitive translatology” [Muñoz Martín 2010], представляет собой междисциплинарное направление, интегрирующее знание и методы

лингвистики, психоллингвистики, психологии, нейронауки, когнитивной науки, искусственного интеллекта и других [O'Brien 2015]. О его развитии свидетельствует целый поток изысканий, особенно в последнее время (см., например, [Carl, et al 2015; Ferreira & Schwieter 2015; Göpferich, et al 2009; Schwieter & Ferreira 2017; Shreve & Angelone 2010]), причём отечественная наука также не остаётся в стороне от нового тренда, о чём свидетельствует появление публикаций, нацеленных на исследование процессуальной стороны перевода через непосредственное обращение к индивиду (см., например, [Погосов 2011; Подольская 1998; Чугунова 2018; 2019; Яковлев 2015]). При этом подмечено, что, испытывая на себе продуктивное воздействие со стороны указанных научных отраслей, само переводоведение не оказывает на них какого-либо заметного влияния [O'Brien 2015: 12–13].

В эксперименте, проводившемся в рамках студенческой выпускной квалификационной работы [Салтанова 2020] на материале окказионализмов, образованных с применением нестандартных для английского языка словообразовательных моделей, приняли участие 13 испытуемых (далее – ии.) в возрасте до 22 лет; все ии. – студенты 4 курса факультета иностранных языков Брянского госуниверситета имени академика И.Г. Петровского, для которых английский язык являлся основной специальностью. Поскольку только 2 ии. представляли собой лица мужского пола, гендерный фактор при анализе полученных результатов не учитывался.

Экспериментальный материал включал 16 оригинальных текстовых отрывков, отобранных из различных интернет-источников (чатов, новостных сайтов, сериалов, социальных сетей). Отрывки состояли из одного или нескольких предложений. Основным критерием для отбора экспериментального материала послужило наличие в источниках окказионализмов, образованных с нарушением норм современного английского языка: *conspiracy*; *medieval*; *fabstinent*; *trustomatic*; *shadawn*; *reliction*; *crimace*; *insomaniac*; *viramins*; *buttle-battle*; *bunch-bench*; *hack-track*; *chromakeyest*; *leo-bloody-pard*; *endeathen*; *yololand*.

Указанные лексемы являются результатом применения следующих словообразовательных моделей: контаминации/блендинга (*conspiracy* ← *conspiracy* + *spy*; *medieval* ← *medieval* + *evil*; *fabstinent* ← *fabulous* + *abstinent*; *trustomatic* ← *trust* + *automatic*; *shadawn* ← *shadow* + *dawn*; *reliction* ← *religion* + *fiction*; *crimace* ← *crime* + *grimace*; *insomaniac* ← *insomnia* + *maniac*; *viramins* ← *virus* + *vitamins*), редупликации (*buttle-battle* ← *buttle* + *battle*; *bunch-bench* ← *bunch* + *bench*; *hack-track* ← *hack* + *track*), регрессивной деривации (*buttle-battle* ← *butler*), аффиксации (*chromakeyest* ← *chromakey* (N) + *-est*), в том числе с помощью редких для английского языка аффиксов – инфикса

(*leo-bloody-pard* ← *leopard*) и циркумфикса (*endeathen* ← *death*), акронима (*yololand* ← *you only live once*). В ряде случаев наблюдается словообразование «смешанного типа»: регрессивной деривации и редупликации – *bettle-battle*, акронима и словосложения – *yololand*, аффиксации и аналогии – *endeathen*: данный окказионализм образован по аналогии с глаголом *enliven*.

Статус отобранных для эксперимента окказионализмов подтверждается отсутствием соответствующих словарных статей в англоязычных словарях, таких как “Webster Dictionary”, “Oxford Dictionary”, “Cambridge Dictionary”, “MacMillan Dictionary”, “Longman Dictionary” и других, хотя их словарный состав постоянно пополняется, а также тем, что экспериментальный материал был заимствован из различных интернет-ресурсов (чатов, новостных сайтов, форумов, сериалов), что, на наш взгляд, отчасти соответствует условию ситуаций *ad-hoc*. В любом случае, и в этом трудно не согласиться с авторами публикаций [Hohenhouse 1996; Weckenmann 2012], факт воспроизводства практически невозможно надёжно верифицировать.

Согласно инструкции, ии. должны были прочитать отрывки и письменно перевести выделенные полужирным курсивом слова. То, что эти слова являются окказионализмами, в анкете не уточнялось. При этом не допускалось общаться между собой и пользоваться какой-либо подсказкой, включая интернет. Сразу оговоримся, что в ряде случаев ии. переводили целые отрывки, что оказалось целесообразным для более полной передачи значения/смысла английского окказионализма на языке перевода. Ниже приводится анкета для ии. с инструкцией и экспериментальным материалом.

Результаты экспериментального исследования

Рассмотрим подробнее некоторые из полученных в ходе эксперимента результатов относительно того, насколько часто или редко ии. применяют нестандартные (окказиональные) для русского языка способы словообразования.

1. - *I feel like I'm being watched day and night.*
- *Oh, I love a little conspiracy theory!*
- *It's a **conspiracy** theory! The guy stalks me as if he was a spy working for some kind of CIA. It's like a have a target on my back.*

Окказионализм **conspiracy** был переведён следующим образом: *шпионская теория* (4 ии.); *теория шпионства* (5 ии.); *шпионская теория заговора* (2 ии.); *теория шпионского заговора* (2 ии.).

Как видим, ни в одном из переводов не используется нестандартная модель словообразования, включая контаминацию, хотя переводы *шпионская теория заговора* и *теория шпионского заговора*, безусловно, верно передают значение стимула.

Экспериментальная анкета для испытуемых

Уважаемый испытуемый! Прочтите следующие отрывки с целью их понимания и переведите письменно подчёркнутые слова в правой колонке таблицы. Пользоваться словарями, онлайн-переводчиками или другими подсказками, а также общаться друг с другом запрещается!

- I feel like I'm being watched day and night. - Oh, I love a little conspiracy theory! - It's a conspiracy theory! The guy stalks me as if he was a spy working for some kind of CIA. It's like a have a target on my back. Her medieval methods get even the most stubborn ones to talk!	
He just dumped me. But you know what? It's okay, doesn't matter, I'm moving on! Cause this year is about the new, fabulous, abstinent me. Fabstinent!	
When the two broke into the house he buttle-battled them with forks, knives and tablecloths.	
They said the safari is safe. And it was until that leo-bloody-pard almost tore my left leg off!	
Steve asked me to enliven the conversation and now I just want to endeathen it all back.	
But look in his innocent eyes! Wouldn't you let him in too? He is so trustomatic .	
My teammates found out about my leg and bunch-benched me for the rest of the game.	
I knew I shouldn't have used my phone! He hack-tracked me.	
His evil mind was never asleep. When he saw her, it shadawned on him.	
- So, Darwinism or reliction? - What's reliction? - You know, science fiction, religion fiction, reliction , all that.	
I'm disappointed. It's their chromakeyest MV ever. Only the singers themselves are real.	
He's just a copycat (a criminal who imitates the crimes of another). He crimaces his idol.	
Have you heard about the insomaniac ? His victims die, because he doesn't let them sleep.	
There's no boredom, no sorrow in your yololand , right?	
They feed us some pills and infect us with this thing. But we become immune to all the other diseases. Viramins , that's how we call their drugs.	

2. *He just dumped me. But you know what? It's okay, doesn't matter, I'm moving on! Cause this year is about the new, fabulous, abstinent me. **Fabstinent!***

Окказионализм **fabstinent** был переведён следующим образом: *Я стану великоленной и воздержанной. **Великодержанной!*** (1 испытуемый – далее и.); *великомерной* (1 и.); *роскошной и воздерживающейся* (1 и.); *В этом году я буду неповторимой и умеренной. **Непомеренной!*** (1 и.); *неповторимая и одинокая* (1 и.); *воздержанно-великоленной* (1 и.); *великолепно-воздержанной* (1 и.); *одна и неповторима* (1 и.); *В этом году я буду феерической и одинокой. **Фееродинокой!*** (1 и.); *крутая одиночка* (1 и.); *роскошная одиночка* (1 и.); *Я стану свободной и чудесной! **Свободесной!*** (1 и.); *В этом году я – роскошная и умеренная. **Роскошумеренная!*** (1 и.).

Опустим вопрос о том, насколько удачными можно признать предложенные переводы, но, в отличие от предыдущего окказионализма, этот стимул, который также является результатом контаминации (блендинга), оказался «щедрым» на нестандартное словообразование в переводе, причём также с применением контаминации: *роскошумеренная, свободесная, фееродинокая, великодержанная*. Даже составные прилагательные *воздержанно-великолепная* и *великолепно-воздержанная* противоречат семантическим нормам русского языка.

3. *He's just a copycat (a criminal who imitates the crimes of another). He **crimaces** his idol.*

Окказионализм *crimace* был переведён следующим образом: *Он копирует своего кумира* (2 ии.); *Он повторяет за своим идолом* (2 ии.); *Он передразнивает своего кумира/идола* (3 ии.); *Он идёт по стопам своего кумира* (3 ии.); *Он же подражатель, вот он и подражает* (1 и.); 2 ии. отказались от перевода.

Как и в случае с первым стимулом, ии. не перевели данный стимул с использованием нестандартного словообразования, но, в отличие от первого стимула, значение этого окказионализма осталось нераскрытым, несмотря на то, что в оригинале содержится исчерпывающая информация на этот счёт.

4. *When he saw her, it **shadawned** on him.*

Окказионализм *shadawn* был переведён следующим образом: *ему в голову пришёл/созрел план* (4 ии.); *тёмные мысли закралась к нему в голову* (1 и.); *И когда он её увидел, его **отенило*** (4 ии.); *его **осенила тёмная** мысль* (2 ии.); *На него снизошло **тёмное озарение*** (2 ии.).

Данный стимул, как и предыдущие, представляет собой результат применения словообразовательной модели контаминации, и эту же модель мы наблюдаем в варианте перевода – *отенило*, правда, предложенную четырьмя испытуемыми. Вместе с тем, стилистические оксюмороны *осенила тёмная (мысль)* и *тёмное озарение*, несомненно, адекватно передают значение английского окказионализма.

5. *When the two broke into the house he **buttle-battled** them with forks, knives and tablecloths.*

Окказионализм *buttle-battle* был переведён следующим образом: *он отбился истинно по-дворецковски* (1 и.); *он, как истинный дворецкий* (1 и.); *он использовал «способ дворецкого»* (1 и.); *он воспользовался «методом дворецкого»* (2 ии.); *дворецкий выдворил* (5 ии.); *он выставил их во двор* (2 ии.); *он, как и подобает настоящему двореckому* (1 и.).

Данный отрывок взят из интернета, из любительского эссе, поэтому удивительно, что все ии. угадали в усечённой форме *buttle* «дворецкого» (*butler*). Единственный вариант перевода, который противоречит нормам русского языка и может считаться окказионализмом, – *по-дворецковски*.

6. *They said the safari is safe. And it was until that **leo-bloody-pard** almost tore my left leg off!*

Окказионализм **leo-bloody-pard** был переведён следующим образом: *тот чёртов леопард* (4 ии.); *проклятый леопард* (2 ии.); *лео-чтоб его-пард* (4 ии.); *лео-мать его-пард* (3 ии.).

Значение инфикса *-bloody-* передано верно во всех переводах, чего нельзя сказать о значении окказионализма в целом – ненормативные варианты *лео-чтоб его-пард* и *лео-мать его-пард*, предложенные почти половиной испытуемых, не могут считаться удачными в этом смысле.

7. *Steve asked me to enliven the conversation and now I just want to **endeathen** it all back.*

Окказионализм **endeathen** был переведён следующим образом: *Стив попросил оживить разговор, теперь хочу омертвить его обратно* (4 ии.); *Стив просил начать беседу, теперь я лишь хочу её закончить* (2 ии.); *Стив попросил завязать разговор, теперь я хочу развязать его снова* (3 ии.); *Стив просил меня вдохнуть жизнь в беседу, как бы теперь её выдохнуть* (2 ии.); *По просьбе Стива я помог этому разговору возродиться, сейчас хочу помочь выродиться* (1 и.); *Стив попросил меня воодушевить беседу, теперь я лишь хочу её вооумертвить* (1 и.).

Как и в случае со стимулом, во всех переводах присутствует антитеза, построенная на аналогии, все ии. уловили и попытались передать иронию, заложенную в оригинале, одни это сделали более удачно, другие – менее, но только один испытуемый решился предложить свой окказионализм – *вооумертвить*.

8. *I'm disappointed. It's their **chromakeyest** MV ever. Only the singers themselves are real.*

Окказионализм **chromakeyest** был переведён следующим образом: *Это самый захромакеенный клип у них* (1 и.); *Это их самый нахромакеенный клип* (1 и.); *Это их самый ненатуральный клип* (1 и.); *Их клип будто нарисовали на компьютере* (1 и.); *Их клип просто нарисованный* (1 и.); *В этом клипе компьютерной графики больше всего* (1 и.); *В их клипе всё создано на зелёном экране* (2 и.); 4 ии. отказались от перевода.

В случае с этим стимулом только два перевода могут считаться окказионализмами – *захромакеенный* и *нахромакеенный*.

9. *There's no boredom, no sorrow in your **yololand**, right?*

Окказионализм **yololand** был переведён следующим образом: *Вы живёте под девизом «лови момент», без скуки и тоски, да?* (2 ии.); *У вас страна под названием «живём один раз»* (1 и.); *В вашем мире без забот* (2 ии.); *В вашей стране/земля сегодняшнего дня* (5 ии.); *В вашей стране под названием «живи сегодня»* (1 и.); *Вы живёте одним днём* (1 и.); 1 ии. отказался от перевода.

Судя по переводам, практически все ии. знакомы с акронимом *yolo*. В переводах данного стимула отсутствует окказиональное словообразование. Возможно, это связано с тем, что за акронимом, входящим в состав английского окказионализма, скрывается фраза, а не одно слово.

Выводы

В настоящей статье, с опорой на психолингвистическую теорию слова как «живого знания», выдвинутую и разработанную А.А. Залевской [1977; 1992; 2005; 2007; 2011; 2014], исследовалось оперирование английскими окказионализмами носителями русской лингвокультуры в условиях учебного двуязычия. В ходе исследования была сформулирована гипотеза, что при переводе окказионализмов русские билингвы в условиях учебного двуязычия предпочитают описательный перевод и устойчивые лексические образования и избегают применения нестандартных для русского языка словообразовательных моделей. Для проверки гипотезы понадобилось обращение к индивиду в условиях психолингвистического эксперимента.

Анализ переводов, предложенных испытуемыми, показывает, что настоящая гипотеза подтверждается только отчасти и только с некоторыми стимулами, хотя согласно простой статистике в большинстве случаев испытуемые действительно избегали использовать в переводе окказиональное словообразование и не решались отклоняться от норм русского языка. Самое большое число переводных окказионализмов было предложено на стимул *fabstinent*, а на такие стимулы, как *conspiracy*, *crimace* и *yololand*, не было предложено ни одного окказионального слова. Также складывается впечатление, что результаты перевода не зависят от словообразовательной модели стимулов: например, в случае с контаминацией стимул *fabstinent* дал самое большое число переводных окказионализмов, а на стимулы *conspiracy* и *crimace* не было получено ни одного перевода этого типа. Единственный стимул, который заставляет думать иначе, – это лексема *yololand*, образованная с помощью акронима, т.е. отсутствие окказионализмов в переводе может быть связано с тем, что за акронимом скрывается фраза, а не одно слово. Однако для получения более точных и убедительных выводов необходимо продолжить работу в направлении уточнения условий эксперимента и с привлечением большего количества испытуемых.

© Чугунова С.А., 2021

Литература

Бодуэн де Куртенэ И.А. Об общих причинах языковых изменений // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 222–254.

Гришкина Е.Н. Новизна лексической единицы как интегративный параметр психологической структуры значения слова (на материале психолингвистического эксперимента): Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2017. 179 с.

Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977. 83 с.

Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1990. 204 с.

Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. 135 с.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 560 с.

Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с.

Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. London: Published by IASHE. 2014. 180 с.

Кадырова Л.Д. Гибридные неоминации в современном масс-медийном дискурсе: семантико-деривационный аспект: Дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2014. 208 с.

Малинин А.Б. Нестандартное словообразование «смешанного» типа современного английского сленга [Электронный ресурс] // Университетские чтения – 2013. Пятигорск: Пятигорск ый государственный лингвистический университет, 2013. Режим доступа: https://pgu.ru/editions/un_reading/detail.php?SECTION_ID=395&ELEMENT_ID=6095 Дата обращения: 06.11.21.

Погосов А.А. Динамика переводческого процесса: критерии лингвокогнитивного описания: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2011. 18 с.

Подольская Н.И. Проблема описания процесса перевода: метод компьютерного моделирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 1998. 25 с.

Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33–39.

Салтанова Ю.А. Особенности понимания и перевода нестандартных англоязычных окказионализмов: Выпускная квалификационная работа. Брянск: Брянский гос. ун-т, 2020. 76 с.

Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. 155 с.

Хантура Э.И. Оказиональное словообразование В.В. Маяковского (Отыменные глаголы и причастия): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966. 16 с.

Хрущёва О.А. Бленды современного русского языка как зеркало культуры // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. Вып. 202, № 2. С. 66–70.

Чугунова С.А. Функционирование языка в условиях лингвокультурного взаимодействия: деятельностный подход // Функционирование языка в социуме, тексте, индивидуальном сознании: коллективная монография / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. С. 193–214.

Чугунова С.А. Неологизмы как достояние индивида (на материале англоязычных неологизмов из сферы моды) // Вопросы психолингвистики. 2019. Том 41, № 3. С. 64–77.

Яковлев А.А. Психолингвистические аспекты перевода. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 160 с.

Bauer L. A Glossary of Morphology. Washington D.C.: Georgetown University Press, 2004.

Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2002 (1995).

Carl M., Bangalore S. & Schaeffer M. New directions in empirical Translation Process Research: Exploring the CRITT TPR-DB. Springer, 2015.

Chomsky N. Language and mind. Cambridge University Press, 2006 (1968).

Dressler W.U. & Tumfart B. New corpus-linguistic approaches to the investigation of poetic occasionalisms: The case of Johann Nepomuk Nestroy // Yearbook of the Poznan Linguistic Meeting, 3(1). De Gruyter Open, 2017. Pp. 155–166.

Ferreira A. & Schwieter J.W. Psycholinguistic and cognitive inquiries into translation and interpreting. John Benjamins Publishing Company, 2015.

Göpferich S., Jakobsen A.L. & Mees I.M. Behind the mind: Methods, models and results in Translation Process Research. Samfundslitteratur, 2009.

Hohenhaus P. Ad-hoc-Wortbildung. Terminologie, Typologie und Theorie kreativer Wortbildung im Englischen. Frankfurt am Main: Lang, 1996.

Hohenhaus P. How to do (even more) things with nonce words (other than naming) // J. Munat (Ed.), Lexical Creativity, Texts and Contexts. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamin, 2007. Pp. 15–38.

Jakobsen A.L. Translation Process Research // J.W. Schwieter & A. Ferreira (Eds.), The Handbook of Translation and Cognition. John Wiley & Sons, Inc., 2017. Pp. 21–49.

Levy J. Translation as a decision process // To Honor Roman Jakobson: Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday. 1967. Vol. 2. Pp. 1171–1182. The Hague: Mouton.

Mattiello E. Extra-grammatical morphology in English: Abbreviations, blends, reduplicatives, and related phenomena. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2013.

Mattiello E. Analogy in word-formation: A study of English neologisms and occasionalisms. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2017.

Muñoz Martín R. The Way They Were: Subject Profiling in Translation Process Research // I. Mees, F. Alves & S. Göpferich (Eds.), Methodology, Technology and Innovation in Translation Process Research [Copenhagen Studies in Language, 38]. Copenhagen: Samfundslitteratur, 2010. Pp. 87–108.

O'Brien Sh. The borrowers: Researching the cognitive aspects of translation // M. Ehrensberger-Dow, S. Göpferich & Sh. O'Brien (Eds.), Interdisciplinarity in Translation and Interpreting Process Research. Vol. 72. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2015 Pp. 5–17.

Poix C. Neology in children's literature: A typology of occasionalisms [Электронный ресурс] // Lexis. Journal in English Lexicology. 2018. Vol. 12. Lexical and Semantic Neology in English. Режим доступа: <https://journals.openedition.org/lexis/2111>. Дата обращения: 07.11.21.

Rodríguez Guerra A. Dictionaries of neologisms: A review and proposals for its improvement // Open Linguistics. 2016. № 2. Pp. 528–556.

Schmid H.-J. English morphology and word-formation: An introduction. Berlin: Erich Schmidt, 2011 (2005).

Schwietter J.W. & Ferreira A. The handbook of translation and cognition. John Wiley & Sons, 2017.

Shreve G.M. & Angelone E. Translation and cognition. John Benjamins Publishing, 2010.

Weckenmann Ch. Peter Hohenhaus's concept of nonce-formation – A critical analysis. GRIN Publishing, 2012.

Источники экспериментального материала

Archiveofourown.org [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.archiveofourown.org/> Дата обращения 04.04.2020.

Engvideo.pro [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://engvideo.pro/en/serials/supernatural/> Дата обращения 15.05.2020.

Ling.Online [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ling.online/ru/video/serials/the-100/> Дата обращения 18.04.2020.

Ling.Online [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ling.online/en/video/serials/how-to-get-away-with-murder/> Дата обращения 15.03.2020.

Reddit [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.reddit.com/> Дата обращения 15.04.2020.

Twitter [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://twitter.com/home> Дата обращения 31.03.2020.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 25.09.2021

Дата принятия к печати: 25.12.2021

Сведения об авторе:

Чугунова Светлана Александровна – докт. филол. наук, доцент, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения БГУ им. акад. И.Г. Петровского

Контактная информация:

241036 Брянск, ул. Бежицкая, 14

e-mail: chugunovasvetal@rambler.ru

Для цитирования:

Чугунова С.А. Перевод английских окказионализмов в условиях учебного двуязычия // Вопросы психолингвистики №4(50) 2021, С. 96–115. doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-96-115

UDC 81`23–81`25

Research article

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-96-115

**TRANSLATION OF ENGLISH NONCE-WORDS
IN THE CONTEXT OF CLASSROOM BILINGUALISM**

Svetlana A. Chugunova

Professor at the Chair of the English Language

Theory and Translation Studies

Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky,

Bryansk, Russia

Abstract

This paper is a study of English nonce-words as individual knowledge according to the “live word” and “live knowledge” psycholinguistic theory proposed and developed by A.A. Zalevskaya (1977; 1990; 1992; 2005; 2007; 2011; 2014). The theoretical section of the research includes considering the following issues: nonce-

words as contrasted with neologisms from the standpoint of logical-structural and psycholinguistic approaches, as well as modern trends in the English word-formation with an emphasis on extra-grammatical, or non-standard, word-formation models. The empirical part of the research is an experimental investigation of the way Russian subjects with foreign language competence in English translate English extra-grammatical nonce-words. We hypothesized that Russian subjects would prefer standard word-formation models to non-standard models while translating English nonce-words. The stimuli were presented in sentences. The hypothesis proved true, but not for all nonce-words. We suggest that results could be affected by some experimental conditions that may need further consideration.

Keywords: nonce-word, neologism, mental lexicon, a sense of novelty, extra-grammatical (non-standard word-formation), receptor language

References

Bodujen de Kurtenje, I.A. (1963) Ob obshhikh prichinah jazykovykh izmenenij [Common causes of language changes]. In: *Izbrannye trudy po obshhemu jazykoznaniju* [Selected Works on General Linguistics]. Vol. 1. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 222–254. (in Russian)

Grishkina, E.N. (2017) *Novizna leksicheskoy edinicy kak integrativnyj parametr psihologicheskoy struktury znachenija slova (na materiale psiholingvisticheskogo jeksperimenta)* [The novelty of a lexical unit as an integrative parameter of the psychological structure of the meaning of a word (based on a psycholinguistic experiment)]: Dissertation for the degree of candidate of philology. Tver'. 179 p. (in Russian)

Zalevskaja, A.A. (1977) *Problemy organizacii vnutrennego leksikona cheloveka* [Problems of organizing a person's internal vocabulary]. Kalinin, Kalininskii gosudarstvennyi universitet. 83 p. (in Russian)

Zalevskaja, A.A. (1990) *Slovo v leksikone cheloveka: psiholingvisticheskoe issledovanie* [A word in the human lexicon: a psycholinguistic study]. Voronezh, voronezhskii gosudarstvennyi universitet. 204 p. (in Russian)

Zalevskaja, A.A. (1992) *Individual'noe znanie: specifika i principy funkcionirovanija* [Individual knowledge: specificity and principles of functioning]. Tver', Tverskoj gosudarstvennyi universitet. 135 p. (in Russian)

Zalevskaja, A.A. (2005) *Psiholingvisticheskie issledovanija. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy* [Psycholinguistic research. Word. Text: Selected Works]. Moscow, Gnozis. 543 p. (in Russian)

Zalevskaja, A.A. (2007) *Vvedenie v psiholingvistiku* [Introduction to Psycholinguistics]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 560 p. (in Russian)

Zalevskaja, A.A. (2011) *Znachenie slova cherez prizmu jeksperimenta* [The meaning of the word through the prism of experiment]. Tver', Tverskoi gosudarstvennyi universitet. 240 p. (in Russian)

Zalevskaya, A.A. (2014) *Znachenie slova cherez prizmu eksperimenta* [Interfacial theory of word meaning: a psycholinguistic approach]. London. Published by IASHE. 180 p. (in Russian).

Kadyrova, L.D. *Gibridnye neonominacii v sovremennom mass-medijnom diskurse: semantiko-derivacionnyj aspekt* [Hybrid neonominations in modern mass media discourse: semantic-derivational aspect]. Dissertation for the degree of candidate of philology. Simferopol'. 208 p. (in Russian)

Malinin, A.B. (2013) Nestandartnoe slovoobrazovanie «smeshannogo» tipa sovremennogo anglijskogo slenga [Non-standard word formation of the “mixed” type of modern English slang] [Electronic source]. In: *University Readings – 2013*. Pjatigorsk, Pyatigorskii gosudarstvennyi lingvisticheskkii universitet. Available from: https://pgu.ru/editions/un_reading/detail.php?SECTION_ID=395&ELEMENT_ID=6095 [Accessed 6th November 2021]. (in Russian)

Pogosov, A.A. (2011) *Dinamika perevodcheskogo processa: kriterii lingvokognitivnogo opisanija* [Dynamics of the translation process: criteria for linguo-cognitive description]. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of philology: 10.02.19. Moscow. 18 p. (in Russian)

Podol'skaja, N.I. (1998) *Problema opisanija processa perevoda: metod komp'juternogo modelirovanija* [The problem of describing the translation process: the method of computer modeling]. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of philology: 10.02.20. Moscow. 25 p. (in Russian)

Radbil', T.B., Raciburskaja, L.V. (2017) Slovoobrazovatel'nye innovacii na baze zaimstvovannyh jelementov v sovremennom russkom jazyke: lingvokul'turologicheskij aspekt [Word-building innovations based on borrowed elements in modern Russian: linguocultural aspect]. *Mir russkogo slova*. 2, 33–39. (in Russian)

Saltanova, Ju.A. (2020) Osobennosti ponimanija i perevoda nestandartnyh anglojazychnyh okkazionalizmov [Features of understanding and translation of non-standard English-language occasionalisms]. Final qualifying work. Brjansk: Brjanskij gosudarstvennyi universitet. 76 p. (in Russian)

Togoeva, S.I. (2000) *Psiholingvisticheskie problemy neologii* [Psycholinguistic problems of neology]. Tver', Tverskoi gosudarstvennyi universitet. 155 p. (in Russian)

Hanpira, Je.I. (1966) *Okkazional'noe slovoobrazovanie V.V. Majakovskogo (Otymennye glagoly i prichastija)* [Occasional word formation of V.V. Mayakovsky (Nominal verbs and participles)]. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of philology. Moscow. 16 p. (in Russian)

Hrushhjoва, O.A. (2017) Blends of the modern Russian language as a mirror of culture. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(202), 66–70. (in Russian)

Chugunova, S.A. (2018) Funkcionirovanie jazyka v uslovijah lingvokul'turnogo vzaimodejstvija: dejatel'nostnyj podhod [The functioning of the language in the context of linguocultural interaction: an activity approach]. In: Zalevskaja, A.A. (Ed.) *Funkcionirovanie jazyka v sociume, tekste, individual'nom soznanii* [Functioning of language in society, text, individual consciousness]. Collective monograph. Tver', Tverskoj gosudarstvennyj universitet, pp. 193–214. (in Russian)

Chugunova, S.A. (2019) Neologizmy kak dostojanie individa (na materiale anglojazychnyh neologizmov iz sfery mody) [Neologisms as the property of the individual (based on the material of English-language neologisms from the sphere of fashion)]. *Journal of psycholinguistics*. 3(41), 64–77. (in Russian)

Jakovlev, A.A. (2015) *Psicholingvisticheskie aspekty perevoda* [Psycholinguistic aspects of translation]. Krasnojarsk, Sibirskij federal'nyj universitet. 160 p. (in Russian)

© Chugunova S.A., 2021

Article history:

Received: 25.09.2021

Accepted: 25.12.2021

Bionotes:

Svetlana A. Chugunova – Doctor of Philology, Professor, Department of the English Language and Translation Theory, BGU

Contact information:

Ul. Bezhitskaya 14, Bryansk 241036

e-mail: chugunovasvetal@rambler.ru

For citation:

Chugunova S.A. (2021) Translation of English nonce-words in the context of classroom bilingualism. *Journal of Psycholinguistics*. 4(50), pp. 96–115. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-96-115 (in Russian)

УДК 81.37

Научная статья

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-116-135

ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ¹

Ощепкова Екатерина Сергеевна

Институт языкознания Российской Академии наук,
Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматривается такой актуальный, но малоизученный в отечественной психолингвистике аспект порождения речи, как письменная речь и ее развитие у детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста. Анализируя основные работы отечественной психолингвистики, автор вычленяет основные этапы и аспекты речевого онтогенеза, делая акцент на развитии письменной речи детей. В частности, предлагается анализировать письменную речь, различая три аспекта: письмо как графический навык; орфография и пунктуация как правила кодирования звуковой информации; особенности построения письменного монологического высказывания. Обобщая труды по психофизиологии, нейропсихологии и психолингвистике, автор предлагает комплексную модель построения письменного высказывания в сравнении с принятой в отечественной психолингвистике моделью построения устного высказывания.

Ключевые слова: письмо, письменная речь, онтогенез, связанная монологическая речь, порождение речи

Введение

Письмо и письменная речь как важные аспекты языка и речевой деятельности исследуются достаточно давно, однако по-прежнему остаются в фокусе научного интереса, главным образом, психологии и педагогики. Комплексная психолингвистическая модель письменной речи отсутствует, хотя уже сложились предпосылки для ее создания. Представляется, что необходимо выработать комплексный психолингвистический подход к письму и письменной речи, поскольку последняя включает в себя целый ряд

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 21-18-00581

особенностей, отличающих ее от устной речевой деятельности, а порождение письменного речевого высказывания имеет свою особую специфику.

Необходимость комплексной модели имеет также практическую значимость, поскольку, несмотря на критическую важность письма и письменной речи для формирования других высших психических функций [Выготский 1935], а также регуляции эмоций и поведения [Graham, Harris, MacArthur, Santangelo 2017], проблема дислексии и дисграфии становится все более выраженной как во всем мире, так и в России [Величенкова, Ахутина, Русецкая, Гусарова 2019].

В зарубежной психологии модель письма разрабатывается в рамках когнитивного направления [McCutchen 2006], однако с точки зрения отечественной психолингвистики, в ней отсутствуют важнейшие этапы и аспекты. В частности, не рассматриваются этапы целеполагания, замысла, отсутствует этап внутренней речи и т.п. Поэтому представляется необходимым ввести в широкий научный оборот психолингвистическую модель письменной речи на методологической основе теории речевой деятельности.

Речевой онтогенез с точки зрения психолингвистики

Речевой онтогенез находится на стыке многих дисциплин, имеющих отношение к лингвистике и психолингвистике [Лепская 2013; Ушакова 2017; Цейтлин 2000].

Несмотря на разнообразие подходов к этой проблематике, в частности, до сих пор широко распространенные на Западе генеративную лингвистику [Snyder 2007] и бихевиоральный подход [Dastpak, Behjat, Taghinezhad 2017], в отечественной психолингвистике получила распространение методология, разрабатываемая в московской психолингвистической школе и объединившая культурно-историческую парадигму Л.С. Выготского [Выготский 1983] и деятельностный подход А.Н. Леонтьева [Леонтьев 1977], [Основы теории речевой деятельности 1974]. А.Н. Леонтьев уточнил положения Л.С. Выготского о формировании высших психических функций у ребенка и показал, что они формируются именно в совместной деятельности, погруженной в речь [Леонтьев А.Н. 2003].

Подход московской психолингвистической школы к речевому онтогенезу (Выготский Л.С., Лурия А.Р., Леонтьев А.Н., Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Ахутина Т.В.) может быть описан следующими положениями:

- знак является культурно-историческим орудием, необходимым для формирования ребенка как социального субъекта;
- язык как система знаков является необходимым условием формирования высших психических функций у ребенка;

- высшие психические функции формируются в рамках совместной деятельности, погружённой в речь;
- язык обеспечивает общение как главную деятельность ребенка в первые годы жизни;
- речь как любая высшая психическая функция сперва развивается как интерпсихическое образование и только потом – как интрапсихическое;
- развитие речи происходит по мере усложнения предметной среды вокруг ребенка и ее дифференциации;
- для речевого онтогенеза свойственна вариативность, асимметрия и асинхрония.

В целом, с точки зрения отечественной психолингвистики, речевой онтогенез можно описать как усвоение ребенком компонентов языка в ходе речевого общения на основе предметных действий и предметной деятельности [Шахнарович 1999]. То есть онтогенез речи включает, с одной стороны, постепенно развивающееся общение взрослых и ребенка, а с другой – процесс развития предметной и познавательной деятельности ребенка. При этом развивается, по мысли А.А. Леонтьева [Леонтьев А.А. 2003], именно способ использования языка для общения и познания.

Что касается развития письменной речи, то при ее формировании и развитии есть как параллели с развитием устной речи, так и своя специфика. Однако если развитию устной речи посвящено множество работ [Лепская 2013; Ушакова 2017; Цейтлин 2000], то письменная речь по-прежнему упоминается только в отдельных психолингвистических работах и нуждается в обобщающей модели, попытку создания которой мы предпринимаем в данной статье.

Психолингвистика развития письменной речи

Психолингвистика овладения письменной речью традиционно опирается на данные, полученные как психофизиологами (в частности, Н.А. Бернштейном и П.К. Анохиным), так и нейропсихологами (А.Р. Лурией, Л.С. Цветковой, Т.В. Ахутиной).

С точки зрения психолингвистики, письмо – это особая целостная самоорганизующаяся функциональная система [Анохин 1970]. Письменная речь имеет настолько значительные отличия от устной, что и А.А. Потебня, и А.А. Леонтьев считали, что при овладении письмом возникает ситуация билингвизма. Например, А.А. Леонтьев [Леонтьев 1964] писал, что у взрослых грамотных носителей языка сосуществуют две нормы – устноязыковая и письменноязыковая. А.Р. Лурия, Д.Б. Эльконин и другие также указывали на ряд особенностей, присущих письменной речи в отличие от устной [Лурия 2002; Эльконин 1998].

Главное отличие, отмеченное во всех работах, состоит в том, что если устной речью ребенок овладевает сам, в процессе взаимодействия со взрослыми, постепенно интериоризуя языковую систему, то письменной речи необходимо специально учить. При этом возникает критически важное условие овладения письмом – переход ребенка на металингвистический уровень, уровень осознания того, что именно он делает, когда говорит. Письменная речь с самого начала становится сознательным произвольным актом. При этом, по мнению А.А. Леонтьева, «развитие рефлексии ребенка над речью есть возникновение, расширение, качественное изменение и внутренняя структурная перестройка ориентировочного звена первоначально спонтанной речевой деятельности» [Леонтьев А.А. 2003: 159].

Если порождение устной речи включает в себя последовательно парадигматические и синтагматические операции (построение иерархии смысловых программ, переход к линейному принципу, выбор семантических компонентов, распределение семантических признаков между последовательностью слов, выбор грамматических обязательств, построение внешней структуры предложения, выбор необходимых артикуляций и собственно кинетический фактор последовательных артикуляционных движений) [Ахутина 2007; Леонтьев А.А. 2003; Лурия 1998], то при порождении письменной речи необходимо учитывать также операции символического кодирования высказывания в письменную форму, что является операцией вторичного означивания, орфографические правила оформления письменной речи и, наконец, моторный компонент, который, помимо артикуляционного аппарата, задействует еще и предметный праксис (умение держать ручку или карандаш) и мелкую моторику [Лурия 2002].

Важно отметить, что теория деятельности и, в частности, теория речевой деятельности исходят из того, что отдельные действия на этапе их освоения проходят под постоянным сознательным контролем и только через какое-то время, автоматизируясь, превращаются в операции. Однако, по общепризнанному мнению Н.А. Бернштейна, наиболее «высоким» уровнем деятельности является уровень смысловой связной речи, то есть этот уровень не поддается автоматизации, а всегда осознается [Леонтьев А.А. 2003: 160]. При овладении письменной речью ребенок должен освоить ряд промежуточных операций. Так, А.Р. Лурия выделяет следующие: «выделение фонем, изображение этих фонем буквой, синтез букв в слове, последовательный переход от одного слова к другому» [Лурия 2002: 20]. Сперва ребенок овладевает всеми этими действиями на сознательном уровне, и только потом они автоматизируются и превращаются в неосознаваемые операции. Таким

образом, некоторые аспекты письменной речи (графика и орфография) могут автоматизироваться, а другие (само построение связного монологического высказывания в письменной форме) всегда остаются на осознаваемом уровне.

Сложность построения модели письменной речи обусловлена, кроме прочего, тем, что последняя состоит из трех аспектов, традиционно рассматривающихся по отдельности:

- 1) письмо как графо-моторный навык (графика письма, чистописание);
- 2) правила кодирования устного сообщения в письменную форму (правила вторичного означивания, орфография и пунктуация);
- 3) собственно письменная речь, обладающая характерными особенностями в отличие от устной речи.

Проанализируем, как данные аспекты рассматривались в психолингвистической литературе.

Графо-моторные навыки

В своей основе графо-моторные навыки представляют собой зрительно-моторную координацию и регуляцию изобразительных движений на основе двигательного анализатора. Для анализа письма как графического навыка наиболее продуктивно использовать теорию П.К. Анохина об обратной афферентации и теории «акцептора результата действия» [Анохин 1970].

Предпосылкой и необходимым условием формирования графо-моторных навыков является межсенсорная интеграция кинестетических ощущений во время рисования и сопутствующих зрительных образов. По мнению исследователей [Birch, Lefford 1964], наибольшего развития межанализаторная интеграция достигает в возрасте 6-8 лет. Именно в этом возрасте, как правило, ребенок в полной мере овладевает навыком письма.

В отечественной науке проблема выработки графических навыков учеников активно разрабатывалась еще с 50-ых гг. XX века [Гурьянов 1959]. Согласно Гурьянову, основные особенности процесса письма – это: «скорость, соблюдение графических норм, несмотря на отвлечение внимания содержанием, комплексный характер процесса письма и устойчивость графических навыков» [Гурьянов 1959: 23]. Исследователь показал, что каждый элемент в письме выделяется в качестве отдельной самостоятельной задачи, при этом для письма обучающегося (в отличие от уже грамотного человека) характерны: «сосредоточение внимания на графике, обособленное выписывание каждого элемента, частые отрывы пера от бумаги, паузы между элементами, чрезвычайная медленность письма, неустойчивость графических форм и движений пишущей руки» [Гурьянов 1959: 23].

Процесс обучения письму проходит четыре стадии: ориентировочную, аналитическую, аналитико-синтетическую и синтетическую, или стадию речевого письма.

- Ориентировочная стадия – стадия подражания взрослым, когда у ребенка отсутствуют представления о письме как системе графических элементов;
- аналитическая стадия – письмо по элементам;
- аналитико-синтетическая стадия – постепенный переход от письма по элементам к связному письму;
- синтетическая стадия – стадия полной автоматизации графо-моторных навыков.

Для психолингвистической модели развития письменной речи у детей важнейшим является вопрос о причинах возникновения нарушений. Эти причины, помимо возможных органических нарушений или отставания в когнитивном и речевом развитии [Ахутина 2018], чаще всего заключаются в том, какие цели и задачи ставятся перед учащимися и как организуются упражнения по овладению письмом [Леонтьев 1964]. Многочисленные примеры [Гурьянов 1959] показывают, что важным фактором, влияющим на качество почерка учеников, является почерк учителя (образец, который копируют учащиеся).

Развитию навыков письма способствуют прежде всего упражнения с ведущей кинестетической афферентацией и целенаправленные упражнения с ведущей оптической и речевой афферентацией. Они предполагают три основных вида деятельности: ориентировочную (ознакомительную), контрольно-регулятивную и фиксационную (закрепляющую наиболее эффективные способы выполнения данных действий) [Безбородова 2012].

Таким образом, на примере развития графо-моторных навыков мы видим, каким образом деятельность по овладению письмом преобразуется сперва в действие при выполнении задачи (в рамках общей учебной деятельности), а затем – в операцию при постановке других учебных задач, для достижения которых требуется запись. Важно также отметить, что как для любой другой деятельности, связанной с речью, овладение графо-моторными навыками письма способствует развитию многих других когнитивных аспектов, в частности, памяти, внимания, контроля и когнитивной гибкости [Huettig 2015].

Орфография как психолингвистическая проблема

Л.С. Выготский, анализируя развитие письма, утверждал, что для овладения звуко-буквенным письмом необходимо «сделать основное открытие, а именно: рисовать можно не только вещи, но и речь» [Выготский 1983: 22].

Напомним, что орфография – это правила передачи на письме звучащей речи. Разными авторами выделяются разные принципы орфографии, однако чаще всего выделяются фонетический, морфологический, традиционный, а также принцип морфолого-графических аналогий [Иванова 1998: 350]. В русском языке задействуется по преимуществу морфологический принцип, поэтому для успешной учебной деятельности детям необходимо как овладеть фонематическим анализом звучащей речи, так и сформировать навык подбора однокоренных слов, чтобы создать прочные связи значений морфем и их графический образ [Пешковский 1959].

Орфографический навык предполагает моделирование звуковой структуры: 1) фонологическое структурирование, установление последовательности фонем в слове; 2) трансформация временной последовательности фонем в пространственную последовательность букв [Корнев 1997]. Проблемы освоения орфографии детьми стали объектом изучения еще в конце XIX – начале XX веков. В России первым, кто системно и целенаправленно подошел к формированию грамотности, был К.Д. Ушинский. В 1864 году вышли его главные работы – «Родное слово» и «Руководство к преподаванию по «Родному слову» для учителей и родителей. Именно К.Д. Ушинский предложил так называемую звуковую методу, или метод письма–чтения. Это был аналитико-синтетический метод, предполагающий одновременное развитие чтения и письма. Другим ученым, много сделавшим для упрочения грамматического метода, стал А.М. Пешковский. В частности, он постулировал положение о роли грамматической семантики в усвоении орфографии – то есть, создании прочных связей значений морфем с их графическим образом и двигательными реакциями письма [Пешковский 1959].

Отечественная психология и психолингвистика [Богоявленский 1966; Корнев 1997], основываясь на разработках А.Н. Леонтьева [Леонтьев 1945], предлагает подход к анализу овладения орфографией, при котором последняя рассматривается как вторично автоматизированное действие. Данный подход имеет следующие предпосылки:

– орфография должна стать сознательным действием, **т.е. таким**, которое направлено на достижение хорошо осознаваемой цели. Для этого нужно ставить именно орфографические цели. Ошибки появляются при неразличении понятий «смысловое» и «орфографическое» списывание;

– возможность отдавать себе полностью сознательный отчет, какими способами или приемами мы достигаем поставленную цель.

При этом устойчивый навык письма возможен, по мнению А.Н. Леонтьева, если «поставить ребенка перед такой новой целью, при которой данное

действие станет способом выполнения другого действия» [Леонтьев 1945: 48]. То есть для того, чтобы навык орфографии стал устойчивым и применялся ребенком, а затем и взрослым вне упражнений по орфографии, необходимо перейти к более широкой цели – творческому письму.

При этом сама основа выработки орфографического навыка – рассуждение о том, что это за орфограмма и какое правило необходимо задействовать в данном случае – свертывается, схематизируется. Однако семантическая сторона письма остается и позволяет различать омонимические звуковые формы, например, «письмо подруге/подруги» можно различить только опираясь на смысл данного выражения в контексте. То есть в орфографическом навыке остаются до конца не автоматизируемые элементы, которые связаны с пониманием грамматического и синтаксического строя языка. Однако основой такого понимания служат ассоциации между тем или иным языковым значением и его графической формой, закрепленные в процессе обучения [Богоявленский 1966].

Письменная речь как особое явление

О том, что письменная речь – это намного больше, чем просто правильное написание букв и слов, подробно писал еще Л.С. Выготский [Выготский 1935]. Ссылаясь на опыт М. Монтессори в обучении детей 4 лет чтению и письму, он подчеркивал необходимость развивать не только двигательную сторону этого навыка, но и, главным образом, внутреннюю, функциональную сторону письменной речи. И если к механическому навыку письма ребенок приходит от штриховки, все лучше овладевая мелкой моторикой, то к письменной речи как особому явлению необходимо идти от игры и рисования. «Рисовать можно не только предметы, но и речь» [Выготский 1935: 92]. Однако вопрос, как именно это сделать, остался Л.С. Выготским не раскрыт.

Специфика письменной монологической речи состоит в том, что это речь в отсутствие собеседников, при этом ее замысел и мотив определяются самим субъектом речи. Кроме того, отсутствует реакция собеседника, которая при устных формах коммуникации корректирует речевое поведение говорящего. Таким образом, весь процесс контроля остается только у пишущего. Письменная речь чаще всего внеконтекстуальна, она отличается от устной произвольностью и структурированностью. Письменная речь строится на базе устной, но возможна только при ее осмыслении, вычленении основных элементов, их перебору и выбору наилучших стилистических вариантов из имеющихся. При использовании письменной речи у ее автора больше возможностей для продумывания плана, подбора наилучших средств выражения, и есть возможность самокоррекции.

Письменная речь развивается на основе устной речи, когда ребенок уже овладел основными операциями построения связного монологического высказывания.

Развитие письменной речи неоднократно становилось объектом исследования отечественных ученых (Н.И. Жинкина, А.Р. Лурии, Д.Б. Эльконина, А.Н. Корнева, О.Б. Иншаковой).

В последнее время в психолингвистике все чаще ставится вопрос о том, какие социально-психологические факторы влияют на развитие речи. Для развития устной речи такие факторы хорошо изучены (и продолжают изучаться) и включают в себя: общение с матерью, социально-экономический статус семьи [Александров, Ахутина, Бугрименко 2015], эмоциональное развитие ребенка [Ощепкова, Картушина, Бухаленкова 2021], окружение и образовательная среда [Ощепкова, Бухаленкова, Алмазова 2021], его когнитивные и регуляторные функции [Veraksa, Bukhalenkova, Kartushina, Oshchepkova 2020].

Среди наиболее негативных факторов, существенно затормаживающих развитие речи и в ряде случаев приводящих к задержкам речевого или психоречевого развития выделяют следующие: особенности протекания беременности и родов, госпитализм, отсутствие постоянного контакта с матерью, задержки развития мозга, несформированность блоков мозга и другие [Корнев 2006; Sansavini, Favilla, Guasti, Marini, Millepiedi, Di Martino, et al. 2021].

Что касается письменной речи, то факторы, влияющие на ее развитие, подробно исследованы в рамках нейропсихологии [Ахутина, Величенкова, Иншакова 2004].

Подводя итог, мы можем выделить следующие предпосылки генезиса письма:

- 1) достаточное развитие языковых и когнитивных способностей ребенка («школьная зрелость» у А.Н. Корнева). Есть, однако, случаи, когда письменная речь опережает устную: в сурдопедагогике и при изучении иностранного языка;
- 2) развитие моторики, которое предполагает умение дифференцировать движения, «держать строку», выдерживать определенный размер;
- 3) развитие фонематического слуха и умение вычленять элементы в потоке звучащей речи;
- 4) умение строить внеконтекстуальное связное речевое высказывание.

Модель порождения письменной монологической речи

Сам же процесс построения письменного высказывания может быть представлен в виде следующей модели:

1) мотив письма

Первым этапом порождения речи как устной, так и письменной, становится мотив, то есть потребность выразить определенное содержание. Для письменной речи мотивом может стать также внешняя инструкция написать диктант или изложение. И если для устной речи возможны различные формы аффективной речи, которые, по мнению А.Р. Лурии не требуют специальной мотивации [Лурия 1975], то для письменной речи такие формы нехарактерны.

2) вероятностное прогнозирование и образ результата

Важным элементом порождения речи является вероятностное прогнозирование и образ результата [Бернштейн 1966]. Пишущий всегда представляет тот результат, который поможет достичь его цели. Именно образ результата служит основным ориентиром для коррекции письменной речи на последующих этапах ее порождения.

3) замысел высказывания

Замысел определяет содержание высказывания. На этом этапе происходит тема-рематическое членение речевого высказывания [Лурия 2002]. И если в устной речи тема может быть опущена, поскольку легко восстанавливается из контекста, то в письменной речи она обычно либо ставится в начало фразы, либо выделяется особыми стилистическими средствами.

4) внутренняя речь

Внутренняя речь – это особый вид речи, представляющий максимально свернутое высказывание, обладающее, главным образом, предикативностью, то есть включающее лишь основные отношения между объектами высказывания и отношение предмета высказывания к реальности [Выготский 2014]. Данный этап соответствует задаче перевода симультанной семантической схемы в сукцессивную структуру речи, в синтагматически построенное речевое высказывание [Леонтьев А.А. 2003].

5) формирование развернутого речевого высказывания

На этом этапе происходит построение внутренней динамической схемы высказывания, что предполагает развертывание и расширение темы и ремы, выделенных на предыдущем этапе. А.Р. Лурия считал, что не бывает фраз, не зависящих от контекста [Лурия 1975]. Однако требуется уточнить, что для устной и письменной речи контекст будет различным. Если для устной речи контекст одинаков для обоих собеседников, то при письменной речи контекст, в котором пишется сообщение, и тот, в котором оно читается, могут быть совершенно различными. Этим и обусловлены, на наш взгляд, литературоведческие споры о том, «что хотел сказать автор», поскольку при письменной речи порождение и восприятие могут отстоять друг от друга

на годы и века. В случае письменной речи контекстом может быть феномен, который в современной психолингвистике исследуется как гипертекст [Маховиков 2017].

6) выбор слова по значению

Следующим этапом становится выбор слова по значению (здесь наличествуют свернутые формы слов) [Леонтьев А.А. 2003]. Через парадигматическую функцию говорящий выбирает то значение, которое наилучшим образом соответствует замыслу и контексту высказывания. На этом этапе осуществляется перевод кода внутренней речи в единицы определенного языка. Специфика письменной речи на данном этапе состоит в том, что у пишущего больше времени для подбора подходящего слова, однако он не может быть уверен в том, что собеседник поймет или сможет уточнить его. На примере устных и письменных рассказов детей по одним и тем же картинкам мы видим, что в письменной речи у ребенка намного больше самокоррекций, то есть исправлений уже написанных слов: ребенок снова и снова пытается найти более правильное и удачное слово.

7) грамматическое структурирование предложения

На этапе грамматического структурирования синтагматический механизм позволяет выстроить структуру предложения в виде последовательности тех или иных частей речи [Леонтьев А.А. 2003]. Письменная форма речи позволяет изменять и исправлять эту последовательность таким образом, чтобы сделать синтаксическое оформление речи максимально понятным и соответствующим стилю, в котором пишется текст. Синтаксис письменной речи более развернут, пишущий допускает меньше опущений, заполняет все необходимые валентности [Ахутина 2014].

8) нахождение полной формы слова

Для нахождения полной формы слова через парадигматический механизм из представленной системы форм слова говорящий выбирает ту форму, которая бы соответствовала грамматически структурированному предложению [Лурия 1998]. Как и на предыдущем этапе, письменная форма речи характеризуется здесь тем, что пишущий может не только подобрать более удачное слово, но и широко задействует стилистические особенности языка. В письменных нарративах дети одного и того же возраста делают меньше ошибок, чем в устных, составленных по тем же картинкам.

9) анализ звукового состава слова

Приступая непосредственно к записи сформулированного высказывания, автор членит его на элементы в виде отдельных слов, которые будут записаны. Слова, в свою очередь, разделяются на элементы в форме звукового анализа

слова. При этом выделяется серия звучаний, которые требуется зафиксировать.

10) орфографическое и пунктуационное оформление высказывания

На этом этапе пишущий вспоминает те правила, которые в данном языке регулируют перевод звучащей речи в письменную форму. При этом чем более автоматизирован этот навык, тем он более свернут. Если школьники, особенно младших классов, часто ставят правильное орфографическое оформление высказывания главной целью письма (например, в учебных диктантах), то для грамотных носителей языка этот этап сворачивается до уровня операции. Для некоторых слов и даже фраз, которые пишущий использует постоянно, данный этап может вообще не задействоваться, поскольку, например, свою фамилию человек пишет не задумываясь об орфографии. При этом письмо самых упроченных слов сохраняется даже при серьезных нейропсихологических нарушениях, при которых письменная речь распадается [Лурия 2002].

11) кинетическая программа

Кинетическая программа устной и письменной речи строятся по разным механизмам, хоть и задействуют один и тот же нейропсихологический фактор – кинетический. Если при произнесении устного высказывания происходит поиск кинетической программы высказывания, чаще всего, слоговой [Чистович, Кожевников 1963], то письменная кинетическая программа состоит, как правило, из устоявшихся написаний целых слов, слогов, а в трудных случаях – побуквенно.

12) выбор нужных графических начертаний

Наконец, на последнем этапе при произнесении вслух говорящий использует конкретные артикулемы, которые он выбирает по кинестетическим признакам, и этот этап сопровождается слуховым контролем. При письме же осуществляется выбор программ, необходимых для графических начертаний, что сопровождается зрительным (а у учащихся еще и слуховым) контролем.

Контроль за производством речи присутствует всегда, однако специфика письменной речи состоит в том, что контроль за письмом осуществляется не только последовательно, но и в виде контроля результата с возможностью коррекции. При этом важно учитывать, что при порождении письменного текста у пишущего нет непосредственной обратной связи от адресата, и текст исправляется только в соответствии с собственными представлениями автора.

Ограничения модели и пути дальнейшего исследования

В последнее время, в связи с лавинообразным развитием электронных средств связи и такими средствами письма, как электронная почта, интернет-форумы, мессенджеры и т.п., люди все больше пользуются набором печатных

символов, которые заменяют письмо от руки. И это отдельная проблема, которая только начинает исследоваться [Бухаленкова, Чичинина, Чурсина, Веракса 2021]. Письменная речь стала по сути дублировать устную, подражая ей в краткости, контекстуальности, сокращенности. В письменной речи всё больше места занимают эмодзи, которые позволяют передавать непосредственно эмоциональные и другие образы, не прибегая к словам. Во многом они выполняют функцию мимики и жестов в устной речи. Однако, если они используются часто, письменная речь теряет свою специфику, не допускающую никаких выпадений слов или замены их невербальными элементами.

Для психо- и нейролингвистики еще одной проблемой стал переход детей от письма от руки к набору печатных символов. Этот процесс представляется неостановимым и неизбежным, однако в этом случае необходимо больше времени уделять рисованию, игре на музыкальных инструментах и другим видам деятельности, требующим развития мелкой моторики и кинетического фактора. Те изменения, которые произойдут при этом с самой письменной речью, должны, на наш взгляд, стать предметом пристального изучения для психолингвистов.

© Ощепкова Е.С., 2021

Литература

Александров Д.А., Ахутина Т.В., Бугрименко Е.А. Бедность и развитие ребенка. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2015. 392 с.

Анохин П.К. Теория функциональной системы // Успехи физиологических наук. 1970. № 1 (1), С. 19–32.

Ахутина Т.В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 216 с.

Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2014. 424 с.

Ахутина Т.В. Нейропсихологический анализ ошибок на письме // Нарушения письма и чтения у детей: изучение и коррекция / под ред. О.А. Величенковой. М.: ЛОГОМАГ, 2018. С. 76–95.

Ахутина Т.В., Величенкова О.А., Иншакова О.Б. Дисграфия: нейропсихологический и психолого-педагогический анализ // Человек пишущий и читающий: Материалы международной конференции (14–16 марта 2002 г. С.-Петербург). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 82–97.

Безбородова М.А. Развитие психомоторных способностей младших школьников в учебной деятельности. М.: Флинта-Наука, 2012. 174 с.

Богоявленский Д.Н. Психология усвоения орфографии. М.: Просвещение, 1966. 308 с.

Бухаленкова Д.А., Чичина Е.А., Чурсина А.В., Веракса А.Н. Обзор исследований, посвященных изучению взаимосвязи использования цифровых устройств и развития когнитивной сферы у дошкольников // Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin. 2021. №11(3). С. 7–25. doi.org/10.15293/2658-6762.2103.01

Величенкова О.А., Ахутина Т.В., Русецкая М.Н., Гусарова З.В. Проблема нарушений письма и чтения у детей: данные Всероссийского опроса // Специальное образование. 2019. №3 (55). С. 36–49.

Выготский Л.С. Умственное развитие детей в процессе обучения. М.–Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1935. 133с.

Выготский Л.С. Проблемы развития психики. Собр. Соч-й, Т.3. М.: Педагогика, 1983. 368с.

Гурьянов Е.В. Психология обучения письму. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. 264 с.

Иванова В.Ф. Орфография // Большой энциклопедический словарь Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 350–351.

Корнев А.Н. Нарушения чтения и письма у детей: Учебно-методическое пособие. СПб.: ИД «МиМ», 1997. 286 с.

Корнев А.Н. Основы логопатологии детского возраста : клинич. и психол. аспекты. СПб. : Речь, 2006. 378 с.

Леонтьев А.Н. К теории развития психики ребенка // Советская педагогика», 1945, №4. С. 44–48.

Леонтьев А.А. Некоторые вопросы лингвистической теории письма // Вопросы общего языкознания / Отв. Ред. В.М. Жирмунский. М.: Наука, 1964. С. 58–72.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 2003. 285 с.

Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности: Ранние работы. М.: Смысл, 2003а. 439с.

Лепская Н.И. Язык ребенка: онтогенез речевой коммуникации. М.: РГГУ, 2013. 151 с.

Лурия А.Р. Язык и сознание. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. 416 с.

Лурия А.Р. Письмо и речь: Нейролингвистические исследования: Учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2002. 352 с.

Маховиков Д.В. Гипертекст как предмет психолингвистического анализа: методы исследования // Вопросы гуманитарных наук. 2017. №. 6. С. 72–75.

Основы теории речевой деятельности / Отв. ред. д-р филол. наук А.А. Леонтьев. М.: Наука, 1974. 367 с.

Ощепкова Е.С., Бухаленкова Д.А., Алмазова О.В. Влияние образовательной среды на речевое развитие дошкольников // Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2021. №. 5 (107). С. 6–18.

Ощепкова Е. С., Картушина Н. А., Бухаленкова Д. А. Связь развития речи и эмоций у детей дошкольного возраста: теоретический обзор // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2021. № 3. С. 260–287

Пешковский А.М. Избранные труды / подгот. к печ., вступ. ст. и коммент. И. А. Василенко и И. Р. Палей. М.: Учпедгиз, 1959. 250 с.

Ушакова Т.Н. Речь: истоки и принципы развития. М.: ПЕР СЭ, 2017. 256 с.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 2000. 238 с.

Шахнарович А.М. Детская речь в зеркале психолингвистики: Лексика. Семантика. Грамматика. М.: Ин-т языкознания РАН, 1999. 165 с.

Эльконин Д.Б. Развитие устной и письменной речи учащихся / Под ред. В.В. Давыдова, Т.А. Нежновой. М.: ИНТОР, 1998. 110 с.

Birch H., Lefford A. Two strategies for studying perception in brain damaged children // Brain Damage in Children: Biological and Social Aspects. / H. Birch (Ed.). Baltimore: William B. Wilkens Co., 1964.

Dastpak M., Behjat F., Taghinezhad A. A Comparative Study of Vygotsky's Perspectives on Child Language Development with Nativism and Behaviorism // Online Submission. 2017. Vol. 5. N 2. P. 230–238.

Graham S., Harris K. R., MacArthur C., Santangelo T. Self-regulation and writing // Handbook of self-regulation of learning and performance. Routledge, 2017. P. 138–152.

Huettig F. Literacy influences cognitive abilities far beyond the mastery of written language // Adult literacy, second language, and cognition. LESLLA Proceedings 2014. Centre for Language Studies, 2015.

McCutchen D. Cognitive factors in the development of children's writing // Handbook of writing research. 2006. Vol. 8. P. 115–30.

Sansavini A., Favilla M. E., Guasti M. T., Marini A., Millepiedi S., Di Martino M. V., et al. Developmental Language Disorder: Early Predictors, Age for the Diagnosis, and Diagnostic Tools. A Scoping Review // Brain Sciences. 2021. Vol. 11. N 5. P. 654. doi:10.3390/brainsci11050654

Snyder W. Child language: The parametric approach. Oxford University Press, 2007.

Veraksa A., Bukhalenkova D., Kartushina N., Oshchepkova E. The Relationship between Executive Functions and Language Production in 5–6-Year-Old Children: Insights from Working Memory and Storytelling // *Behavioral Sciences*. 2020. 10(2), 52.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 22.08.2021

Дата принятия к печати: 12.12.2021

Сведения об авторе

Ощепкова Екатерина Сергеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела психолингвистики Института языкознания Российской Академии наук

Контактная информация:

125009, Москва, Большой Кисловский пер. 1 стр. 1

ORCID: 0000-0002-6199-4649

e-mail: oshchepkova_es@iling-ran.ru

Для цитирования:

Ощепкова Е.С. Письменная речь в отечественной психолингвистике // Вопросы психолингвистики №4(50) 2021, С.116–135, doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-116-135

UDC 81.37

Research article

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-116-135

WRITTEN SPEECH MODEL IN RUSSIAN PSYCHOLINGUISTICS

Ekaterina S. Oshchepkova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russia

Abstract

The article examines such an actual, but little-studied in Russian psycholinguistics aspect of speech generation as written speech and its development in children of senior preschool and primary school age. Analyzing the main works of Russian

psycholinguistics, the author highlights the main stages and aspects of speech ontogenesis, focusing on the development of the written language of children. In particular, it is proposed to distinguish three aspects when analyzing written speech, i.e., writing as a graphic skill; spelling and punctuation as rules for encoding audio information; features of the construction of a written monologue statement. Summarizing the works on psychophysiology, neuropsychology and psycholinguistics, the author proposes a complex model for constructing a written utterance in comparison with the model for constructing an oral utterance adopted in Russian psycholinguistics.

Keywords: writing, written speech, ontogeny, coherent monologue speech, speech production

References

Akhutina, T.V. (2007) *Porozhdenie rechi. Nejrolingvisticheskiy analiz sintaksisa* [Generation of speech. Neuro-linguistic syntax analysis]. Moscow, LKI. 216 p. (in Russian)

Akhutina, T.V. (2014) *Neirolingvisticheskiy analiz leksiki, semantiki i pragmatiki* [Neuro-linguistic analysis of vocabulary, semantics and pragmatics]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury publ. (in Russian)

Akhutina, T.V. (2018) Nejropsikhologicheskij analiz oshibok na pis'me [Neuropsychological analysis of errors in writing]. In: O.A. Velichenkova (ed.) *Narusheniya pis'ma i chteniya u detej: izuchenie i korrekciya* [Writing and Reading Disorders in Children: Study and Correction]. Moscow, LOGOMAG, pp. 76–95. (in Russian).

Akhutina, T.V., Velichenkova, O.A., Inshakova, O.B. (2004) Disgrafiya: nejropsikhologicheskij i psikhologo-pedagogicheskij analiz [Dysgraphia: neuropsychological, psychological and pedagogical analysis]. In: *Chelovek pishushchij i chitayushchij: Materialy mezhdunarodnoj konferencii (14-16 March. 2002, S.-Petersbourg)*. Saint Petersburg, pp. 82–97. (in Russian)

Aleksandrov, D.A., Akhutina, T.V., & Bugrimenko, E.A. (2015). *Bednost' i razvitie rebenka* [Poverty and child development]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi publ. (in Russian)

Anohin, P.K. (1970) Teoriya funkcional'noj sistemy [Functional system theory]. *Uspekhi fiziologicheskikh nauk*. 1 (1), 19–32. (in Russian)

Bezborodova, M.A. (2012) *Razvitie psikhomotornykh sposobnostej mladshikh shkol'nikov v uchebnoj deyatel'nosti* [Development of psychomotor abilities of primary schoolchildren in educational activities]. Moscow, Flinta-Nauka publ., 174 p. (in Russian)

Birch, H., Lefford, A. (1964) Two strategies for studying perception in brain

damaged children. In: H. Birch (Ed.). *Brain Damage in Children: Biological and Social Aspects*. Baltimore, William B. Wilkens Co.

Bogoyavlenskij, D.N. (1966) *Psikhologiya usvoeniya orfografi* [Psychology of mastering spelling]. Moscow, Prosveshchenie publ. 308 p. (in Russian)

Bukhalenkova, D.A., Chichinina, E.A., Chursina, A.V., Veraksa, A.N. (2021) Obzor issledovaniy, posvyashchennykh izucheniyu vzaimosvyazi ispol'zovaniya cifrovyykh ustrojstv i razvitiya kognitivnoj sfery u doshkol'nikov [Review of studies on the relationship between the use of digital devices and the development of cognitive sphere in preschoolers]. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 11(3), 7–25. doi.org/10.15293/2658-6762.2103.01 (in Russian)

Dastpak, M., Behjat, F., Taghinezhad, A.A. (2017) Comparative Study of Vygotsky's Perspectives on Child Language Development with Nativism and Behaviorism. *Online Submission*. 5(2), 230–238.

Ehl'konin, D.B. (1998) *Razvitie ustnoj i pis'mennoj rechi uchashchikhsya* [Development of oral and written speech of students]. Moscow, INTOR publ., 110 p. (in Russian)

Graham, S., Harris, K.R., MacArthur, C., Santangelo, T. (2017) Self-regulation and writing. In: *Handbook of self-regulation of learning and performance*. Routledge, pp. 138–152.

Gur'yanov, E.V. (1959) *Psikhologiya obucheniya pis'mu* [The Psychology of Learning to Write]. Moscow, Izdat'elstvo APN RSFSR. 264 p. (in Russian)

Huetig, F. (2015) Literacy influences cognitive abilities far beyond the mastery of written language. *Adult literacy, second language, and cognition. LESLLA Proceedings 2014*. Centre for Language Studies.

Ivanova, V.F. (1998) Orfografiya [Orthography]. In: Yarceva, V.N. (ed.) *Bol'shoj ehnciklopedicheskij slovar' Yazykoznanie* [Big Encyclopedic Dictionary Linguistics]. Moscow, Bol'shaya Rossijskaya ehnciklopediya, pp. 350–351. (in Russian)

Kornev, A.N. (1997) *Narusheniya chteniya i pis'ma u detej: Uchebno-metodicheskoe posobie* [Reading and Writing Disorders in Children: Study Guide]. Saint Petersburg, MIM publ. 286 p. (in Russian)

Kornev, A.N. (2006) *Osnovy logopatologii detskogo vozrasta: klinicheskii i psikhologicheskii aspekty* [Fundamentals of speech pathology in childhood: clinical and psychological aspects]. Saint Petersburg, Rech' publ. 378 p. (in Russian)

Leont'ev, A.N. (1945) K teorii razvitiya psikhiki rebenka [Some questions of the theory of the development of the child's psyche]. *Sovetskaya pedagogika*, 4. 44-48. (in Russian)

Leont'ev, A.A. (1964) Nekotorye voprosy lingvisticheskoy teorii pis'ma [Some questions of the linguistic theory of writing]. In: Zhirmunskij, V.M. (ed.) *Voprosy obshchego yazykoznanija*. Moscow, Nauka publ, pp. 58–72. (in Russian)

- Leont'ev, A.A. (ed.) (1974) *Osnovy teorii rechevoj deyatel'nosti* [Fundamentals of the theory of speech activity]. Moscow, Nauka publ. 367 p. (in Russian)
- Leont'ev, A.N. (1977) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Politizdat publ. 304 p. (in Russian)
- Leont'ev, A.A. (1997) *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow, Smysl publ. (in Russian)
- Lepsкая, N.I. (2013) *Yazyk rebenka: ontogenez rechevoi kommunikatsii* [Child's language: ontogeny of speech communication]. Moscow, RGGU publ. (in Russian)
- Luriya, A.R. (1998) *Yazyk i soznanie* [Language and Consciousness]. Rostov, Feniks publ. (in Russian)
- Luriya, A.R. (2002) *Pis'mo i rech': Nejrolingvisticheskie issledovaniya* [Writing and Speaking: Neurolinguistic Research]. Moscow, Akademiya publ. 352 p. (in Russian)
- Makhovikov, D.V. (2017) Gipertekst kak predmet psikholingvisticheskogo analiza: metody issledovaniya [Hypertext as a subject of psycholinguistic analysis: research methods]. *Voprosy gumanitarnykh nauk.* 6, 72–75. (in Russian)
- McCutchen, D. (2006) Cognitive factors in the development of children's writing. *Handbook of writing research.* 8, 115–130.
- Oshchepkova, E.S., Bukhalenkova, D.A., Almazova, O.V. (2021) Vliyanie obrazovatel'noj sredy na rechevoe razvitie doshkol'nikov [The influence of the educational environment on the speech development of preschoolers]. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie. Teoriya i praktika.* 5 (107), 6–18. (in Russian)
- Oshchepkova, E.S., Kartushina, N.A., Bukhalenkova, D.A. (2021) Svyaz' razvitiya rechi i ehmcij u detej doshkol'nogo vozrasta: teoreticheskij obzor [The relationship between the development of speech and emotions in preschool children: a theoretical review]. *Moscow University Psychology Bulletin. Series 14. Psychology.* 3, 260–287. (in Russian)
- Peshkovskij, A.M. (1959) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Uchpedgiz publ. 250 p. (in Russian)
- Sansavini, A., Favilla, M. E., Guasti, M. T., Marini, A., Millepiedi, S., Di Martino, M. V., ... Lorusso, M. L. (2021). Developmental Language Disorder: Early Predictors, Age for the Diagnosis, and Diagnostic Tools. A Scoping Review. *Brain Sciences*, 11(5), 654. doi:10.3390/brainsci11050654
- Shahnarovich, A.M. (1999) *Detskaya rech' v zerkale psikholingvistiki: Leksika. Semantika. Grammatika* [Children's speech in the mirror of psycholinguistics: Vocabulary. Semantics. Grammar]. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN publ. 165 p. (in Russian)
- Snyder, W. (2007) *Child language: The parametric approach*. Oxford University Press.

Tseitlin, S.N. (2000) *Yazyk i rebenok: Lingvistika detskoj rechi: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii* [Language and the child: Linguistics of children's speech: Textbook. manual for stud. higher. study. institutions]. Moscow, VLADOS publ. (in Russian)

Ushakova, T.N. (2017) *Rech': istoki i printsipy razvitiya* [Speech: the origins and principles of development]. Moscow, PER SE publ. (in Russian)

Velichenkova, O.A., Akhutina, T.V., Ruseckaya, M.N., Gusarova, Z. V. (2019) Problema narushenij pis'ma i chteniya u detej: dannye Vserossijskogo oprosa [The problem of writing and reading disorders in children: data from the All-Russian survey]. *Special'noe obrazovanie*. N3 (55). 36-49. (in Russian)

Veraksa, A., Bukhalekova, D., Kartushina, N., Oshchepkova, E. (2020) The Relationship between Executive Functions and Language Production in 5–6-Year-Old Children: Insights from Working Memory and Storytelling. *Behavioral Sciences*. 10(2), 52.

Vygotskij, L.S. (1935) *Umstvennoe razvitie detej v processe obucheniya* [The mental development of children in the learning process]. Moscow – Saint Petersburg, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo. 133 s. (in Russian)

Vygotskij L.S. (1983) *Problemy razvitiya psikhiki* [Mental development problems]. Moscow, Pedagogika publ, 368 p. (in Russian)

© Oshchepkova E.S., 2021

Article history:

Received: 22.08.2021

Accepted: 12.12.2021

Bionotes:

Ekaterina S. Oshchepkova – Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Department of Psycholinguistics, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow.

Contact information:

1/1 B. Kislovskiy per., Moscow, Russian Federation, 125009

ORCID: 0000-0002-6199-4649

e-mail: oshchepkova_es@iling-ran.ru

For citation:

Oshchepkova E.S. (2021) Written speech model in Russian psycholinguistics. *Journal of Psycholinguistics*. 4(50), pp. 116–135. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-116-135 (in Russian)

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

УДК: 81'23, 81'27, 81'33

Научная статья

ББК: 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-136-161

МЕЗОАНАЛИЗ КОНЦЕПТА *ОБЩЕНИЕ* И ОЦЕНОЧНЫХ АССОЦИАТИВНЫХ ДОМИНАНТ

Кузьмина Мария Александровна

Институт филологии СО РАН,

Новосибирск, Россия

Аннотация

В данной статье намечены перспективы развития аксиологического направления психолингвистики в сторону междисциплинарного взаимодействия с концептологическим подходом. Показано, что доминирующие оценочные смыслы, вербализованные в ассоциативных парах «стимул – реакция», обнаруживают ценностное содержание с помощью метода концептологического анализа, синергетически согласуемого с методом ассоциативно-вербальной сети (на примере ассоциативных полей *хорошо/плохо* и концепта *общение*). Лингвоспецифический концепт *общение* является принципом организации культурно-специфических ценностных смыслов, источником которых являются ассоциативные связи оценочных доминант. Методологическое значение такой интерпретации концепта – в его смысловой насыщенности, для которой характерна, с одной стороны, динамика, а с другой – обеспечение исторической преемственности заключённых в нём «квантов» смысла, имеющей фиксируемую в письменных источниках вербальную традицию. Реконструируемая таким образом ценностная смысловая структура является одновременно и принципом организации реальности, и феноменологией реальности, единицы которой вербализованы как ассоциативные пары.

Ключевые слова: аксиологическая психолингвистика, концептология, междисциплинарность, мезоуровень, общение, оценочные ассоциативные доминанты

---

¹ Подробнее об ассоциативных словарях см., например, [Гольдин, Сдобнова 2008]. В данной статье анализируются данные из словарей [РАС] и [СИБАС].

Введение

Многолетние психологические исследования выявили, что семантические связи, фиксируемые в работе сознания носителя языка, имеют ассоциативную природу [Лурия 2003]. Данные ассоциативных словарей¹ свидетельствуют о наличии таких ассоциативных полей (далее – АП), которые имеют наиболее разветвлённую сетевую структуру, свидетельствующую о доминировании данных ассоциативных связей в сознании носителей языка [Караулов 2000]. Такие поля названы ассоциативными доминантами, и они входят в «ядро языкового сознания» носителей языка. Среди ассоциативных доминант внимание исследователей часто привлекают оценочные доминанты – поля *хорошо/плохо*, – исследование которых позволяет приблизиться к пониманию тех явлений объективной реальности, которые становятся предметом субъективной оценки.

Круг проблем, связанных с изучением оценочных ассоциативных доминант, касается вопросов об отношениях между терминами *ценность* и *оценка*, о смешении эмоции и оценки (см. подробнее [Стернин, Просовецкий 2018]) и др. аспектов, осветить которые не позволяет объём данной статьи. Однако мы попробуем рассмотреть ключевой для названных проблем вопрос – о статусе психолингвистических единиц с оценочной семантикой. Возможности междисциплинарного исследования, которое мы считаем перспективным для разработки аксиологического направления психолингвистики, показаны в данной статье на примере оценочных доминант и концепта *общение*, который вводится как лингвоспецифический концепт, структурирующий ассоциативный материал.

Методология задаёт границы предметности, поскольку «метод оперирует готовыми понятиями, выработанными на основе... образов действительности» [Колесов 2019: 33]. Поскольку единицы языкового сознания относятся к «стыковым», междисциплинарным научным объектам, не поддающимся дискретному описанию², психолингвистика активно заимствует описательные конструкции из других наук, в частности, в исследованиях ассоциаций закрепились такие удачные «термины континуальности», как *поле* и *сеть* (см. [Эйнштейн 2005]). В статье предлагается дополнить арсенал психолингвистических инструментов, наряду с терминами *поле* и *сеть*, такими общенаучными принципами, как *закон доминанты* и представление о *мезоуровне*³. Возможности данных принципов применительно к задачам

---

² К таким единицам относятся, например, эмоции [Стернин, Просовецкий 2018].

³ Подробнее о понятии «мезоуровень» см. [Кирдина-Чэндлер, Круглова 2019], [Кузьмина 2020], [Кузьмина 2021].

данного исследования рассмотрены нами в разделе о методологических основаниях.

Как отмечает И.В. Шапошникова, методологическая роль ассоциативных доминант «заключается в том, что они, с одной стороны, служат материалом и средством для познания того, как именно входит конкретная вербальная этническая культура в ребенка и, с другой стороны, каким образом он сам вживляется в нее, “опрокидывая” ее системно-функциональные отношения внутрь себя и наполняя свою концептуальную модель мира этим содержанием» [Шапошникова 2019: 160]. Поскольку ассоциативные доминанты несут информацию о культурных и языковых паттернах носителя языка, нам представляется закономерным обратиться к глубоко разработанной идее *концепта*. На наш взгляд, именно совмещение концептологических и психолингвистических методов анализа позволит интерпретировать ассоциативные данные (поля оценочных доминант) в ценностном ключе.

В качестве лингвоспецифического концепта, способного «выловить» ценностные смыслы в полях оценочных доминант, мы выбрали концепт *общение*. Как «ключевая идея русской картины мира», *общение* неоднократно попадало в фокус исследований, посвящённых сознанию ([Акопов, Шейнин, Савицкий 2014; Бодалев 2009] и мн. др.). *Общение* как предмет лингвокультурологического анализа фигурирует в исследованиях наряду с *коммуникацией*. В разделе «*Общение* как лингвоспецифичный концепт» представлена попытка обоснования целесообразности изучения концепта *общение* – как характерной именно для русской лингвокультуры «коммуникативной категории» (И.А. Стернин).

При исследовании специфичных явлений *русского* сознания нам представляется важным по возможности выбирать такие методы, которые сами будут являться порождением этого сознания. По точному наблюдению В.В. Колесова, большинство специалистов по когнитивной лингвистике черпают идеи и методы в трудах западных авторов. «Эти труды пропитаны не свойственной нашему сознанию ориентацией на номинализм, что отчасти искажает общую картину предпринимаемых изысканий в области русской ментальности. Нарушается требование соответствия объекта методу» [Колесов 2019: 8]. В данной статье представлена попытка интерпретировать результаты ассоциативных экспериментов в рамках концепции, соответствующей формам русской ментальности. Основные теоретические обоснования этой попытки содержатся в разделе «Концептологический подход к *общению*», а результаты его практического применения представлены в заключительном разделе «Категории причинности концепта *общение* в ассоциативном поле оценочных доминант».

Методологические основания

Сознание понимается как отношение [Уфимцева 2011: 215] «внутреннего» к «внешнему» – индивидуальной картины мира к внешней реальности. Научное познание деятельности сознания, следовательно, является познанием связей и отношений, т.е. таких единиц, которые связывают уровни познания (и самопознания) в единую саморазвивающуюся систему. Термин «языковое сознание» не уточняет, а, наоборот, усложняет исследовательскую задачу: необходимо понять не только то, как феноменологическая реальность интерпретируется мозгом, но и как вербализуются интериоризированные сознанием смыслы. Языковое сознание – саморазвивающаяся система связей и отношений между разноуровневыми единицами; языковому сознанию свойственны одновременно динамика и устойчивость.

Познание сложных саморазвивающихся систем не обходится без поиска изоморфизма как следствия общих свойств систем разной природы. Изоморфизм в теоретическом моделировании – это «средство обоснования правомерности переноса знаний, полученных при изучении одной изоморфной системы на другую» [Василькова 1999: 63]. Взаимосвязанность наук всё более усиливается, что порождает множество терминологических заимствований в тех случаях, когда нужно описать сложный объект. Так, в психолингвистике говорят о «квантовании», о «квантах смысла» [Пронина, Кириченко 2011]; лингвистическое толкование термина «текст» пополняется за счёт представлений, характерных для социологии, психологии, литературоведения и т.д. К таким идеям, которые принесли плод в дисциплину-реципиента, выйдя за ограду дисциплины-донора, относится учение о доминанте.

Принцип доминанты, открытый в начале XX в. А.А. Ухтомским, приобретает особую актуальность в XXI веке в связи с изучением динамических аспектов самоорганизующихся систем, к каким относится и языковое сознание. Такие свойства доминанты, как 1) развитие во времени и пространстве (идея *хронотопа* А.А. Ухтомского, проработанная позже в учении М.М. Бахтина), 2) насыщенность эмоциональным переживанием, а также 3) фиксация в доминанте неразрывной взаимосвязи субъекта и объекта, – ставят этот принцип (по силе и всеохватности подобный, по словам Ухтомского, закону тяготения) во главу исследования по аксиологической психолингвистике.

Первая из указанных черт доминанты проявляется в деятельности языкового сознания как динамика ассоциативно-вербальной сети в «движении значений» при сохранении смыслового «зерна» исходной, отправной точки изменений.

Другая важная составляющая доминанты, эмоция, – это свидетельство ценностно-значимого уровня переживаний (см. современную концепцию о единстве сознания и эмоций [Александров, Александрова 2009]).

Доминанта является ответом нервного центра на определённые условия, вызвавшие когда-то возбуждение в нем [Ухтомский 2019], – это внешний фактор воздействия. Но в то же время, доминанта является яркой чертой определённой личности и следом субъективного переживания. Сочетание в ассоциациях открытости одновременно «внешнему» – объективным факторам, и «внутреннему» – субъективным мотивам индивида, формирует их как единицы мезоуровневого анализа⁴ [Кузьмина 2020]. Осуществление связи между «внешним» и «внутренним», присущее доминанте, относится и к оценке как деятельности по субъективной характеристике объективной реальности – той связи, которая представлена в ассоциативных полях оценочных доминант.

Оценочные средства изучаются лингвистикой как главные средства выражения отношения субъекта к объекту, однако, поскольку оценочная модальность любого высказывания включает человека как субъекта оценки, представляется трудным разграничить оценку и эмоцию как факторы субъективности [Стернин, Просовецкий 2018]. Оценка служит связью между ценностными ориентирами человека и тем аспектом реальности, который характеризуется с точки зрения этих ориентиров. Поэтому для целей нашего исследования удобнее представлять единицы анализа – оценочные ассоциативные доминанты – не как слова⁵, а как *связи*, вербализующие оценочные смыслы – результаты ассоциативного мышления. Сложность изучения оценки в психолингвистике связана, в частности, с различными источниками оценочной модальности. Оценочность можно рассматривать с разных точек зрения, так что в зависимости от того, каков источник данного вида оценки, она (оценка) становится предметом анализа микро-, макро- или мезоуровня.

Микроуровень: аксиологический уровень личности как источник оценочных смыслов. Ценности как факторы, регулирующие поведение индивида, являются основными мотивами оценки, но «динамический момент стремления и деятельности принадлежит самому субъекту, самому субстанциальному деятелю и никому больше» [Лосский 1931: 125]. Такой подход относит нас к аксиологическому уровню личности: мы не можем объяснить всё в языковом сознании человека, находясь лишь на уровне «психического» или же объясняя всё лишь воздействием социокультурной среды.

---

⁴ Мезоуровневый подход заимствован из экономики [Dopfer, et al 2004] и социологии [Кирдина 2015; Кирдина-Чэндлер 2019].

⁵ Ср. определение: «Оценочные ассоциативные доминанты языкового сознания – это оценочные слова, имеющие наибольшее число ассоциативных связей в ассоциативно-вербальной сети» [Чернышова 2019: 6].

Макроуровень: социокультурный уровень формирования оценочных смыслов. Психологи, также подчеркивая активное творческое начало в формировании субъективного опыта, отмечают и обратное воздействие – среды на человека, особенно в том, что касается оценки: «...независимой от общества оценки индивидом совершенных им действий не может быть, потому что эта оценка неизбежно производится с использованием социальных представлений и языка, одним из центральных назначений которых можно считать согласование индивидуальных и коллективных результатов» [Арутюнова, Александров 2019: 22]. Ю.Д. Апресян отмечает, что человек всякий раз интерпретирует отклонение от норм и правил – системы регуляторов общественной жизни, – производя «квалификацию конкретного действия или состояния человека с помощью... номенклатуры обобщённых ярлыков, т.е. подведение частного случая под общий случай особого рода» [Апресян 2006: 148]. Подобного взгляда придерживается и Ю.Н. Караулов, когда говорит о том, что ассоциативно-вербальная сеть показывает контексты, в которые погружены люди, выбирающие автоматически те смыслы, которые приняты в их окружении.

Мезоуровень: ассоциативные доминанты как «промежуточный» уровень формирования оценочных смыслов. «В языке как системе всегда имеются некие промежуточные категории и структуры, которые являются материалом для перестроения системы» [Колесов 2019: 105]. Нахождение и изучение этих структур представляет важную задачу современных наук о языке; психолингвистика, на наш взгляд, имеет дело именно с такими объектами – смысловыми структурами, а метод ассоциативно-вербальной сети позволяет изучать «кванты смысла» в их объективации. Внимание лингвистов к ассоциативному методу анализа смыслов обусловлено возможностями «погружения» в поток «движения значений», которые они дают.

С одной стороны, в отличие от множества современных тезаурусов и онтологий, ассоциативные базы данных обладают важным преимуществом: ассоциативные доминанты представляют собой «ядро языкового сознания», поскольку «вектороорганизатором смысловых акцентуаций является языковая личность с соответствующими смысловыми доминантами» [Шапошникова 2020: 48].

С другой стороны, ассоциативный анализ – это «микрометод», позволяющий делать «макровыводы». Ассоциативные доминанты выявляются на основе статистических закономерностей в результате многолетних ассоциативных экспериментов, запечатлённых в соответствующих словарях. «Получаемое в результате проведения ассоциативного эксперимента ассоциативное поле

того или иного слова-стимула – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании “среднего” носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [Уфимцева 2017: 36].

Как неоднократно отмечалось, ядро языкового сознания обладает устойчивостью во времени. Можно говорить о двух сторонах этой устойчивости. С точки зрения социокультурной среды, даже при наличии социальных потрясений в сознании носителей языка существует «ядро», «ключевые концепты», «константы» и т.п., интеграция в которых происходит «по линии цели» [Жинкин 1982: 18], т.е. в основе самоорганизации – мотив целеполагания. Если же рассматривать самоорганизацию доминирующих смыслов «ядра сознания» через индивидуальное сознание, то оно представляет собой некоторую усреднённую величину, поскольку ассоциативно-вербальная сеть, представленная в ассоциативных словарях, – это один из способов организации русского языка, «соотносимый и сомасштабный с отдельным его носителем» [Караулов [http](#)]. В схеме порождения речи Леонтьева – Ахутиной вслед за мотивом как целеполаганием рече-мыслительного акта следует «преобразование мысленного образа прошедшего-настоящего в образ потребного будущего» [Ахутина 2014: 402], таким образом, постулируется идея хронотопа в возникновении мысленного образа.

Итак, совмещение образов прошлого – настоящего – будущего в одном значении свидетельствует об устойчивости смысловых образований, отражённых в ассоциативных доминантах. Ассоциирование представляет собой «стереотипную» реакцию (Ю.Н. Караулов), но ассоциация выражает частную ситуацию, обозначение которой «становится именем ситуации в целом» [Ахутина 2014: 403]. Благодаря этому языковое значение, привлечённое для фиксирования мысли, становится «ситуативным значением, т.е. смыслом», иными словами – «носителем содержания, выходящего далеко за его пределы» [Ахутина 2014].

С трудностями описания «двуплановых» единиц сталкивается и современная экспериментальная психология. Зарубежные и отечественные психологи, привлекающие новейшие методы исследования головного мозга с целью определения нейронных коррелятов сознания, выделяют два уровня сознания: низкий («феноменальное сознание», квалиа) и высокий. Единицами взаимодействия между «высоким» и «низким» уровнями сознания считаются *отношения*, или *репрезентации*, которые «позволяют перейти от квалиа-сознания к проявлениям сознания более высокого уровня» [Акопов 2021: 24]. При этом «постулируется ассоциативная связь репрезентаций с системой

ценностей субъекта» [Акопов 2021], что косвенно подтверждает статус ассоциативных доминант как предмета мезоанализа (т.е. анализа мезоструктур – связей, «промежуточных» единиц). Действительно, репрезентация представляет собой «вид сознания и форму сознания, существенной стороной которых может выступать отношение» [Акопов 2021]. В термине *отношение*, таким образом, актуализируется «субстантивная характеристика сознания личности», а *репрезентация* предстаёт «процессуальной характеристикой сознания, органично связанной с явлениями внешней и внутренней коммуникации» [Акопов 2021: 24–25].

Анализируя оценочные ассоциативные доминанты с точки зрения актуальных для культуры концептов, мы обращаемся к концептологии, которая, по наблюдению В.В. Колесова, в отличие от других направлений когнитивистики, «выделяет историю среди ключевых понятий теории» [Колесов 2019: 35]. Вводя историческое измерение, концептология делает возможным рассмотрение концепта как «системы отношений в словесно выраженном *понятии* о реальном мире» [Колесов 2019: 36]. Такой подход сближает концептологию в интерпретации В.В. Колесова с изложенными выше принципами – законом доминанты и представлением о мезоуровне, что делает возможным совмещение указанных подходов в данном исследовании.

Общение как лингвоспецифичный концепт

«Общение по своей сложности и богатству проявления в бытии отдельных людей и их общностей оказывается предметом междисциплинарного исследования» [Бодалев 2009: 132]. Исследование концепта *общение*, как правило, затрагивает *коммуникацию* (в её различных предметных ипостасях), при этом при соотнесении этих двух понятий исследователи актуализируют разные стороны. С одной стороны, *общение* может выступать как частный случай более общей *коммуникативной категории*, тогда налицо родовидовая взаимосвязь понятий. С другой стороны, *коммуникация* и *общение* рассматриваются как синонимичные по содержанию объекты анализа. В исследованиях, в фокусе которых не универсальные коммуникативные «детали» процесса речевой деятельности, а специфичные смыслы русского концепта и выражающего его исконного слова, – *общение* и *коммуникация* в некотором смысле противопоставлены друг другу.

1. Общение как коммуникативная категория русского языкового сознания. «Коллективное сознание» носителя русского языка при выборе из двух вариантов – *общение* или *коммуникация* – отдаёт явное предпочтение исконному слову: по данным НКРЯ⁶, лексема *общение* имеет более 4500

---

⁶ Национальный корпус русского языка [<http://ruscorpora.ru>].

вхождений, тогда как *коммуникация* – всего лишь 251 вхождение, т.е. исконное слово употребляется более чем в 18 раз чаще, чем заимствованное. Этот факт свидетельствует о значимости для русского языкового сознания смыслов, мотивирующих выбор слова с русским корнем. Однако языку научной среды свойственно тяготение к международному термину *коммуникация* вместо русского слова *общение*.

Понятие *коммуникации* приобрело ключевое значение во многих гуманитарных исследованиях, посвящённых различным «образам» человека – будь то *homo sapiens*, *homo loquens*, *homo ludens*, *homo peregrinator* или даже просто *homo vivens*. В семиосоциопсихологии, например, коммуникация трактуется как «обмен текстуально организованной смысловой информацией... идеями, представлениями и эмоциями, установками и ценностными ориентациями, образцами поведения и деятельности» [Дридзе 1996: 148]. Деятельностный подход открывает возможность рассматривать коммуникативность как сущностную черту сознания, что позволяет говорить о «коммуникативном сознании».

И.А. Стернин описывает коммуникативное сознание как совокупность «ментальных коммуникативных категорий», которые определяют нормы и правила коммуникации [Стернин [http](#)]. Коммуникативные категории могут быть более или менее релевантными для русского национального сознания. Отмечается ряд «лакунарных» для русского этноса коммуникативных категорий: например, чужды русскому коммуникативному сознанию, но специфичны для англичан такие коммуникативные категории, как *small talk*, *privacy*, *tolerance* и т.д. «Эндемичны (т.е. присущи только одному языку) такие русские коммуникативные категории, как *общение*, *разговор по душам*, *выяснение отношений*» [Стернин [http](#)].

В нашем исследовании общение рассматривается как культурно- и лингвоспецифичный концепт – один из таких концептов, которые, по мнению С.Г. Воркачева, находятся «между» абстрактными «концептами-универсалиями духовной культуры» (*счастье*, *красота*, *свобода* и пр.) и «концептами-символами – окультуренными реалиями» (*берёза*, *матрёшка* и пр.). В большей степени, нежели прочие виды концептов, эти «мыслительные картинки» стоят ближе всего «к концептам – духовным сущностям и воплощают субъективность» [Воркачев 2019: 14]. К таким «духовным сущностям», специфично характеризующим русскую лингвокультуру, можно отнести концепт *общение*.

2. Общение vs. коммуникация. Несмотря на то, что часто слова (и термины) *коммуникация* и *общение* не разграничиваются во многих современных

исследованиях, их разведение принципиально важно при изучении языковой и культурной специфики. Специфичность слова *общение* для русской культуры уходит корнями в историю народа и языка и связана с представлением об общинности [Колесов 2014: 36–37], о совместной собственности рода как основе жизни: зародившись в глубокой древности, это «зерно» значения («концептум»⁷, по Колесову) актуально по сей день и его культурная специфичность проявляется также в других словах с тем же корнем (*общество*, *сообщество* и др.).

Слова *общество*, *общение* изучаются как специфичные для русской культуры не только в работах по лингвокультурологии, этнопсихолингвистике и т.п. Так, в междисциплинарном лингво-социологическом сравнительном исследовании показано, что слово *общество* на протяжении веков испытывало многочисленные попытки внешнего воздействия с целью изменения (ср. внедряемое современное представление о *гражданском обществе*), но в итоге закрепилось как выражение такого понятия, которое представляет не созданную «снизу» структуру членов коллектива (наподобие социума в европейских языках от *socius* лат. ‘товарищ, союзник’), а объединённую общность ради того целого, которое больше и ценнее, чем отдельные члены этой общности: «В русском языке слово “общество” обладает собственной “самостью”, отделяющей его от состава образующих индивидов (личностей)» [Кирдина-Чэндлер, Круглова 2019: 18].

Обращаясь к исконному *общению*, а не к заимствованной *коммуникации*, мы стремимся избежать «терминологического этноцентризма» (К. Годдард), т.е. описанной выше ситуации, «когда слова одного языка/культуры, обычно английского, используются для описания глубинных культурных значений другого языка/культуры, что приводит к неизбежным искажениям значения» [Гладкова 2010: 26]. Между тем, *общение*, относящееся к ключевым идеям русского сознания, невозможно толковать без учёта «глубинных значений».

Анна А. Зализняк, говоря о лингвоспецифичности слов *общение* и *общаться*, отмечает две особенности, не позволяющие находить эквивалентные переводы на другие языки (ср. *англ. communication, to communicate, contact, to contact*): во-первых, эти слова «несут в себе идею очень неформального взаимодействия, “человеческого тепла”», а также удовольствия и радости; во-вторых, глагол *общаться* имеет конкретную референцию: «*общаться* по-русски значит приблизительно ‘разговаривать с кем-то в течение некоторого времени ради поддержания душевного контакта’» [Зализняк Анна А. 2005:

---

⁷ Conceptum – лат. ‘утробный плод, зародыш’ [linguaeterna.com].

280–281]. А. Гладкова выделяет три группы «ключевых слов», одна из которых представлена характеристиками эмоций, жизненных установок и поведения (что *делать* и *думать хорошо, плохо; судьба, искренность* и т.д.) [Гладкова 2010: 258]. На наш взгляд, в этот ряд можно включить и *общение*.

Концептологический подход к общению

Современная концептология рассматривает концепт в режиме самоорганизации, синергетически – в динамике исторического становления концепта – идея причинности, развитие во времени-пространстве (ср. идею хронотопа А.А. Ухтомского, М.М. Бахтина).

В.В. Колесов предлагает структурировать такой «синергийный» анализ при помощи каузального ряда Аристотеля, применение которого предполагает выделение *основания, условия, причины и цели* анализируемого явления. «Концептуальный анализ текста позволяет проникнуть в глубинные основания личной ментальности, сохраненные славянским словом» [Колесов 2017: 140]. Анализ производится с помощью «жесткого ряда причинности», который «связывает случайно подобранные примеры единством отношений, сосредоточенных на описываемом слове, которое выражает концепт сознания в единстве мысли и языка, т.е. *идеи и слова*» [Колесов 2017: 141]. Исследователь показывает работу метода на примере таких важных концептов русского сознания, как *подсознание* и *бессознательное* [Колесов 2017], а также *воля, власть, чёрный* и др. [Колесов 2019]. Далее мы попытаемся применить данный метод к описанию концепта *общение*, при этом «текстом» как источником материала анализа будут ассоциативные поля оценочных доминант *хорошо/плохо*, а структурирующим принципом – категории причинности.

Отметим следующие моменты, которые представляются нам значимыми в применении данного метода к нашему материалу – ассоциативным доминантам.

Во-первых, «случайно подобранными примерами», связанными единством отношений, о которых пишет В.В. Колесов, в случае работы с ассоциативными доминантами становятся ассоциативные связи между словами-стимулами и словом-реакцией (*хорошо/плохо*).

Следовательно, вторым важным принципом работы с данным методом является *представление об ассоциативных полях как о тексте*. При анализе текста внутренний смысл скрывается в потоке слов. Но в работе с данными ассоциативных экспериментов таким «текстом» (в расширительном значении) для нас будут ассоциативные поля оценочных доминант *хорошо/плохо*. Внутренний смысл, соответственно, заключается в самом принципе организации ассоциативного материала – в оценочности как смысловом

содержании ассоциативных связей. В.В. Колесов предлагает анализировать тексты «в перспективе ключевого слова, выражающего искомый концепт: идти в обратной перспективе от слова» [Колесов 2017: 141]. Подобным образом, *изоморфно*, мы используем своего рода «обратную перспективу» – исходим не из стимула, но из реакции (т.е. все данные приводятся по обратным словарям РАС и СИБАС).

В-третьих, важно организующее начало, согласно которому происходит структурирование ассоциативных пар. Такой распространённый при работе с ассоциативным материалом принцип, как выделение семантических зон, для оценочных ассоциаций не подходит. Это связано с особенностями оценочности как субъективной психологической категории и трудностями классификации способов её вербального выражения. Мы предполагаем, что концептологический метод может структурировать материал, в том числе и семантически. В исследовании В.В. Колесова [2017] примеры объединены *семантической константой (подсознание/бессознательное)*. Такой семантической константой в нашем исследовании выступает концепт *общение*: ассоциативные пары из полей оценочных ассоциативных доминант выбираются в соответствии с их способностью быть одной из сторон концепта *общения*.

Стороны концепта *общение* заданы каузальным рядом, структурирующим ассоциативные пары. В.В. Колесов исходит из положения о том, что «сама вещь в своей сущности порождает новое в общественном сознании» – новый концептум [Колесов 2019: 320]. Концептум, т.е. некоторый первосмысл, ядро концепта *общение*, сохраняется равным себе на протяжении существования русской культуры (хронотоп), тогда как его новые воплощения порождаются им же, как произрастающие из одного *зерна*. С этой точки зрения концепт представляет собой самоорганизующуюся мезоструктуру, которая сама является тем принципом, который её воспроизводит [Кузьмина 2020]. Причина, помысленная как цель и как результат произведённого действия, составляет «корень семантической константы» [Колесов 2019: 162, 208] и образует каузальный ряд, объединяющий разные стороны причинности. Эти стороны ряда можно также назвать категориями как такими формами мышления, которые позволяют обобщать опыт и осуществлять его классификацию [Колесов 2019: 211]. Таким образом, составляя каузальный ряд концепта *общение*, мы анализируем его проявления во времени-пространстве, т.е. в хронотопе, четырёх категорий: *что это?* (основание), *как проявляется?* (условие), *почему действует?* (причина) и *зачем нужно?* (цель).

Проявления этого концепта мы объединили одним корнем *-общ-*. Значение корня можно считать семантической константой, как и сам анализируемый

концепт *общение*, поскольку явления жизни, объединённые словами с этим корнем, выражают специфические черты русской культуры.

Итак, рассмотрим категории каузального ряда, выраженные словами с корнем *-общ-*.

1. Основание (что это?). В нашем случае это концепт – *общение*.

2. Условие (как проявляется?). Мы посчитали целесообразным назвать таким условием для *общения* – *общину*. «Собирательное слово *община* или *община* на протяжении всего древнерусского периода означало ‘общение’», т.е. *община* – круг «своих» (в противоположность «чужим»): корень слова тот же, что у предлога *об* ‘круг, вокруг, около’ [Колесов 2014: 36–37].

3. Причина (почему действует?). На образ *общины* опирается понятие *общий*. «*Общий* как ‘совместный’, если рассматривать его с разных точек зрения, окажется то “своим”, то “чужим”, отсюда и более позднее значение слова ‘чужой, посторонний, иной’, например, в польском: “общее” поляки поняли иначе, чем русские» [Колесов 2014: 37]. Следует отметить, что в древнерусских текстах *общий* значило не ‘принадлежащий одной семье’, а ‘то, что является *общим* владением согласно круговой поруке’ (Летопись 1177 г.), таким образом, у восточных славян общее – то, что принадлежит всем.

4. Цель (зачем нужно?). *Общность* как единение: целью *общения* является получение радости от «родства душ», единства; достижение общности – то, что делает *общение* ценностью. Значение «приобщение, союз» было главным в церковнославянском языке (см. «*общение* – приобщение, союз; *совершая человеческое существо... Духа общением*, ‘восполняя сущность человека приобщением Духа’» [Седакова 2005: 218]). *Общительным* человеком назывался «способный к соучастию, щедрый», т.е. подчёркивается внутренняя сторона – чувство единства, соучастия.

Концепт *общение* «читается» так⁸: *общение* в общине определяется *общим* (связями, интересами и т.п.), создавая *общность*.

Категории причинности концепта *общение* в ассоциативном поле оценочных доминант

«В состав каждого слоя ядра русского языкового сознания входят слова, объективирующие оценку. Оценочная зона (*хорошо* – *плохо*) наряду с зоной *человек* является наиболее представительной среди других зон ядра русского языкового сознания» [Чернышова 2019: 13]. Таким образом, русское языковое сознание характеризуется высокой (доминантной) степенью оценочности.

---

⁸ Приводимое здесь «чтение» концепта *общение* делается по образцам, взятым из книги [Колесов 2019] (см., например, «чтение» концепта *воля* [Колесов 2019: 164–165]).

Ю.Д. Апресян справедливо замечает: «Вопреки евангельской заповеди “Не судите, да не судимы будете”, человек в своей языковой деятельности постоянно занимается оценкой своих ближних, используя для этого готовую систему весьма общих этических, религиозных, юридических, логических и иных правил, норм, заповедей, в той или иной мере узаконенных в данном обществе» [Апресян 2006: 148].

Согласно описанному выше методу, мы произвели классификацию стимулов, вызвавших реакцию *хорошо* (Таблица №1) и *плохо* (Таблица №2) и относящихся к ситуации общения, по четырём категориям причинности (в интерпретации В.В. Колесова). Цифры, которые даны после стимулов, обозначают количество слов-стимулов, вызвавших реакцию *хорошо* и *плохо*. Мы учитывали только устойчивые ассоциативные связи (≥ 2), исключив из поля анализа единичные случаи.

Таблица №1

Распределение вербальных ассоциаций АП хорошо обратных словарей РАС и СИБАС по категориям причинности концепта общение

Категории причинности		РАС, 1990-е гг.	СИБАС, 2008-2013 гг.
ОБЩЕНИЕ (основание – что?)	ОБЩИНА Как проявляется? (условие)	<i>с тобой</i> 6, <i>о матерях</i> 5, <i>с другом</i> 5, <i>честно</i> 5, <i>друг</i> 4, <i>нам</i> 4, <i>о матери</i> 4, <i>о женищинах</i> 3, <i>о маме</i> 3, <i>о товарище</i> 3, <i>честность</i> 3, <i>вдвоем</i> 2, <i>вместе</i> 2, <i>гость</i> 2, <i>мирно</i> 2, <i>наедине</i> 2, <i>о женщине</i> 2, <i>о мамах</i> 2, <i>об отце</i> 2, <i>семья</i> 2	гостеприимство 15, честный 4, правда 3, беспечность 2, великодушный 2, вместе 2, друзья 2, искренний 2, тишина 2, одиночество 2, семья 2
	ОБЩИЙ Почему действует? (причина)	<i>отзываться</i> 12, <i>слышать</i> 5, <i>молчать</i> 2, <i>говорит</i> 2, <i>помолчать</i> 2, <i>трепло</i> 2,	<i>смеяться</i> 2, <i>жест</i> 2, <i>лаконичный</i> 2, <i>молчать</i> 2, <i>понятный</i> 2
	ОБЩНОСТЬ Зачем нужно? (цель)	<i>помогать</i> 3, <i>взаимопомощь</i> 2, <i>договориться</i> 2, <i>помощь</i> 2	<i>отдыхать</i> 11, <i>помогать</i> 4, <i>помочь</i> 4, <i>помощь</i> 3, <i>участие</i> 2

Данные в Таблице №1 читаются следующим образом:

1. РАС: Нам хорошо, когда общаемся *вместе с тобой*, *вдвоем с другом* или *в семье*; хорошо общаться *мирно и честно* – *о матерях* и *об отце*, *о женищинах* и *о товарище*. Хорошо общаться, потому что *ты слышишь* и *отзываешься*,

потому что *говоришь* (много – *трепло*) или *молчишь*. Хорошо общаться, чтобы *договориться* и *помочь* (друг другу).

1. СИБАС: *Гостеприимство* – это хорошее условие для общения *вместе* с *друзьями* или с *семьёй*. Когда собеседники *искренни*, *честны*, *великодушны* и *беспечны* – можно говорить *правду*. Но хорошо побыть и в *тишине* и *одиночестве*. Общаться хорошо, потому что можно *смеяться*, *быть лаконичным* и *понятным*, общаться *жестами* или *молчать*.

Таблица №2

Распределение вербальных ассоциаций АП плохо обратных словарей РАС и СИБАС по категориям причинности концепта общение

Категории причинности		РАС, 1990-е гг.	СИБАС, 2008-2013 гг.
ОБЩЕНИЕ (основание – что?)	ОБЩИНА <i>Как проявляется?</i> (условие)	<i>одиночество</i> 5, <i>бьяка</i> 4, <i>заносчивый</i> 2, <i>мразь</i> 2, <i>мудак</i> 2, <i>надменный</i> 2, <i>не верить</i> 2, <i>недруг</i> 2, <i>нечуткий</i> 2, <i>с ним</i> 2, <i>предатель</i> 2, <i>чванливый</i> 2	<i>эгоизм</i> 28, <i>одиночество</i> 17, <i>эгоист</i> 7
	ОБЩИЙ <i>Почему действует?</i> (причина)	<i>ложь</i> 20, <i>враньё</i> 11, <i>лгать</i> 6, <i>обман</i> 6, <i>обзывать</i> 5, <i>обозвать</i> 4, <i>врать</i> 3, <i>враки</i> 2, <i>мат</i> 3, <i>чертыхнуться</i> 3, <i>брань</i> 2, <i>брехня</i> 2, <i>доносить</i> 2, <i>обидеть</i> , <i>обманывать</i> 2, <i>орать</i> 2, <i>просить</i> 2, <i>ругань</i> 2	<i>враньё</i> 33, <i>ложь</i> 19, <i>обман</i> 17, <i>коварство</i> 15, <i>неправда</i> 5, <i>кричать</i> 2
	ОБЩНОСТЬ <i>Зачем нужно?</i> (цель)	<i>сплетни</i> 8, <i>кляуза</i> 4, <i>предательство</i> 3, <i>взаимозависимость</i> 2	<i>сплетни</i> 6, <i>непонимание</i> 5, <i>пересуды</i> 2

Данные в Таблице №2 читаются следующим образом:

1. РАС: *Плохо* общаться с ним – с *недругом* и *предателем*, *заносчивым*, *нечутким* и *надменным* *мудаком*, *мразью* и *бьякой*, которому невозможно *верить*, потому что он *лжёт*, *врёт* и *обманывает*, но и в *одиночестве* плохо. Общение складывается плохо по причине того, что *обзывают*, *чертыхаются*, *доносят*, *обижают* и *просят*, при этом *орут*, так что вместо общения – *враки*, *мат*, *брань*, *брехня* и *ругань*. Плохо, когда результатом общения становятся *сплетни*, *кляуза* и *предательство*, а также *взаимозависимость* – плохо.

1. СИБАС: Самое плохое условие общения – *эгоизм*: плохо общаться с *эгоистом*. Но и в *одиночестве* плохо. Плохо то общение, в котором нет ничего, кроме *вранья*, *лжи*, *обмана*, *неправды* и *коварства*. Плохо, когда *кричат*. Плохо

то общение, из-за которого происходит *непонимание*, а результат – *сплетни* и *пересуды*.

Доминантными ценностями общения, согласно данным обоих словарей, остаются искренние и честные мирные разговоры в семье и с друзьями, без ругани и вранья, при этом иногда хорошо и просто помолчать. Хорошо, когда достигается взаимопонимание с теми, кто готов тебе помочь; плохо, когда люди просто сплетничают.

Присутствие жаргонных слов, синонимов, как положительных, так и отрицательных характеристик в РАС свидетельствует о более эмоционально окрашенном представлении об *общении* в сознании людей конца XX в. Обращает внимание «проработанность» АП *хорошо* в той части, которая касается коммуникативных норм: о чём (о ком) следует говорить «хорошо» (*о матери, об отце, о женщинах, о товарищах*), как это и принято обычно в общинах.

Антиценностью общения в начале XXI в. является ненормативное экспрессивное внешнее проявление (*кричать – плохо*, см. Таблица №2, СИБАС), но в конце XX в. мы можем наблюдать более разветвлённую сеть ассоциаций на этот счёт: *брань, брехня, мат, орать, ругань, чертыхнуться*. Наличие *общего* как причина для общения представлена в РАС, таким образом, более развёрнуто: нам становится ясно, с кем у нас нет ничего *общего* (см. Таблица №2), а с кем *общего* достаточно для нормального общения (см. Таблица №1).

Ассоциаты *эгоизм, эгоист*, составляющие ядро АП *плохо* в СИБАС, отсутствуют в РАС. Стимул *эгоист* не встречается в РАС, а в качестве реакции входит в периферийную зону (из 34 стимулов, общего числа, вызвавших данную реакцию, – 25 единичных); *эгоизм* также не встречается в РАС в качестве стимула, а реакцией выступает лишь в 9 единичных случаях. Можно сказать, что вместо характерных для прежней эпохи «антигероев *общины*» (как условия *общения*), которые вызывают поток брани от испытуемых (что свидетельствует, несомненно, об устойчивой эмоциональной вовлечённости в процесс), современная нам языковая личность (молодёжь Сибири и Дальнего Востока) предпочитает более спокойные суждения об «антиценностях *общины*».

Следует отметить полное отсутствие намёка на необходимый для адекватного общения интеллектуальный уровень собеседника. Почему для *общения* это оказывается не важным? Нет ни одной ассоциации, которая показывала бы положительную оценку ума в общении. Т.В. Крылова указывает на такую отмеченную ещё А.А. Зализняком типично русскую черту, как менее значимый статус ума по сравнению с чувством, и так формулирует причины такого отношения к демонстрации интеллекта: 1) это считается нарушением принципа скромности, который занимает чрезвычайно важное место в наивном русском языковом сознании; 2) это считается стремлением достичь внешнего

эффекта; 3) это свидетельствует о высокомерном отношении к другим; 4) избыток интеллектуальной деятельности свидетельствует о недостаточной эмоциональности [Крылова 2017].

В заключение раздела можно отметить, что «чтение» концепта *общение* по категориям причинности не следует считать чем-то экзотическим для психолингвистики, поскольку каузальный ряд *общения* имеет корреляцию с известной моделью речевого жанра Т.В. Шмелевой [Шмелева 1997]. К признакам, образующим речевой жанр, относится, например, «коммуникативная цель» – это главный жанрообразующий признак и четвёртая категория каузального ряда («зачем нужно?»). «Образ автора» и «образ адресата» в модели речевого жанра соответствуют категории причины («почему действует?»), поскольку *общение* строится на взаимопонимании собеседников. «Диктумное (событийное) содержание» – не что иное, как условие *общения* («как проявляется?»). Динамика концепта *общение* представлена в модели Т.В. Шмелёвой как «образ прошлого и будущего» [Шмелева 1997] или факторы прошлого и будущего [Шмелева 1990], которые образуют хронотоп. Образы прошлого и будущего – важные эпизоды речевого жанра, в той же степени, что и два плана, образующих концепт *общение*.

Заключение

Проведенное исследование свидетельствует, на наш взгляд, оцелесообразности и перспективности диалога методологий как возможного пути развития аксиологической психолингвистики: одной стороны, ассоциативно-вербальной сети с выявленными путём массовых экспериментов доминантами русского языкового сознания и, с другой стороны, концептологического подхода с опорой на категории русской ментальности и «философский реализм» (В.В. Колесов). Объекты такого междисциплинарного анализа мыслятся как мезоструктуры – смысловые организующие структуры, осуществляющие связь между микро- и макроуровнями смыслопорождающей деятельности. Оценочные доминанты, идентифицируемые как мезоструктуры, – это наиболее разветвлённые ассоциативные связи между уровнями сознания, содержанием которых является отношение субъекта к объективной реальности. Ценностные смыслы «вылавливаются» при помощи концептов, близких к ценностно-значимым «духовным сущностям» (С.Г. Воркачев), которые рассматриваются синергетически – как самоорганизующиеся системы. Ценностные смыслы, структурирующие оценочное содержание концепта *общение*, «читаются» как «мыслительные картинки» (см. комментарии к таблицам). Таким образом, опираясь на ассоциативные данные, мы можем реконструировать ценностную смысловую структуру значимых концептов на основе междисциплинарной методологии.

Литература

Акопов Г.В. Неречевые языки сознания: постановка проблемы и возможности её решения // Уч. зап. Института психологии РАН. 2021. Т.1. № 1. С. 23–29.

Акопов Г.В., Шейнин И.Р., Савицкий В.М. Ассоциативные поля концептов «Созерцание», «Деяние» и «Общение» // Самарский научный вестник, 2014. № 4(9). С. 11–14.

Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2009. 320 с.

Апресян Ю.Д. Основания современной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 33–162.

Арутюнова К.Р., Александров Ю.И. Мораль и субъективный опыт. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. 188 с.

Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2014. 424 с.

Бодалев А.А. Общение как предмет междисциплинарного изучения // Психологический журнал, 2009. Т. 30. №2. С. 129–133.

Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: Синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб.: Изд-во «Лань», 1999. 478 с.

Воркачев С.Г. Страна своя и чужая: идея патриотизма в лингвокультуре. М.: ИНФРА-М, 2019. 151 с.

Гладкова А. Русская культурная семантика: Эмоции, ценности, жизненные установки. М., 2010. 304 с.

Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. К типологии ассоциативных словарей русского языка // Вопросы психолингвистики. 2008. №7. С. 118–122.

Дридзе Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность, 1996. №3. С. 145–152.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 159 с.

Зализняк Анна А. Заметки о словах: общение, отношение, просьба, чувства, эмоции // Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. Ключевые идеи русской языковой картины мира, 2005. С. 280–288.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной цепи // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей. М., 2000. С. 191–206.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Послесловие //

Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: Астрель: АСТ, 2002. Т. 1: От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов. С. 750–782.

Кирдина С.Г. Методологический институционализм и мезоуровень социального анализа // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 51–59.

Кирдина-Чэндлер С.Г. Механизм денежного обращения как объект мезоэкономического анализа // Journal of Institutional Studies. 2019. Т. 11. № 3. С. 7–20. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.3.007-020

Кирдина-Чэндлер С.Г., Круглова М.С. «Общество», «государство» и институциональные матрицы: опыт междисциплинарного мезоанализа // Социологические исследования, 2019. №10. С. 15–26. DOI: 10.31857/S013216250007101-4

Колесов В.В. Древнерусская цивилизация: наследие в слове. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. 1120 с.

Колесов В.В. Концептуальное поле русского сознания: подсознание // Вопросы психолингвистики, 2017. №1(31). С. 140–162.

Колесов В.В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 776 с.

Крылова Т.В. Горе от ума: оценка ума в русской языковой картине мира // Вопросы языкознания, 2017. №4. С. 33–51.

Кузьмина М.А. Мезоанализ – междисциплинарная методология социальных и гуманитарных исследований // Социологические исследования, 2020. № 8. С. 27–36. DOI: 10.31857/S013216250009297-9

Кузьмина М.А. Смысл как междисциплинарный объект // Вопросы философии, 2021. № 8. С. 130–141. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-130-141

Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей. Paris, 1931. Режим доступа: <https://runivers.ru/upload/iblock/d7e/Cennost%20i%20bytye.pdf> (Дата обращения: 10.10.2021)

Лурия Р.А. Психологическое наследие: Избранные труды по общей психологии. М.: Смысл, 2003. 430 с.

Пронина Е.Е., Кириченко А.С. Предлоги, концепты, кванты смысла. К вопросу о природе языкового значения. Lap Lambert Academic Publishing, 2011. 115 с.

Седакова О.А. Церковнославяно-русские паронимы. Материалы к словарю. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2005. 428 с.

Стернин И.А. О национальном коммуникативном сознании // Лингвистический вестник. Вып. 4. Ижевск, 2002. С. 87–94. Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics1/sternin-02.htm> (Дата обращения: 10.10.2021)

Стернин И.А., Просовецкий Д.Ю. Эмоция и оценка в семантике слова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал, 2018. № 4. С. 75–96. Режим доступа: www.tverlingua.ru (Дата обращения: 10.10.2021)

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.

Уфимцева Н.В. Этнопсихолингвистика как раздел теории речевой деятельности // Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева Н.В. (Нео) психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М.: Гнозис, 2017. С. 21–96.

Ухтомский А.А. Доминанта. СПб: Питер, 2019. 512 с.

Чернышова Е.Б. Динамика и вариативность оценки в русском языковом сознании: параметрический подход. Дисс... д-ра филол. наук. М., 2019. Режим доступа: http://vumo.mil.ru/upload/site57/document_file/wCWprYaKsj.pdf (Дата обращения: 10.10.2021)

Шапошникова И.В. Динамические модели в социолингвистике и социокоммуникативные установки русской языковой личности в постсоветский период // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2019. Т. 18. № 3. С. 24–38. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.2.

Шапошникова И.В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: Языки славянской культуры, 2020. 336 с.

Шмелева Т.В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. Berlin, 1990. №2. С. 20–32.

Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 88–98.

Эйнштейн А. Эволюция физики: сборник. Изд. 2-е, испр. М.: Тайдекс Ко, 2005. 261 с.

Dopfer K., Foster J., Potts J. Micro-meso-macro // Journal of Evolutionary Economics. 2004. Vol. 14. No. 4. P. 263–279. DOI: 10.1007/s00191-004-0193-0.

Источники

РАС – Русский ассоциативный словарь / сост. Ю.Н. Караулов и др. М., 1994-1998; М., 2002. Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/> (Дата обращения: 10.10.2021)

СИБАС – Русский региональный ассоциативный словарь / сост. И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. М., 2014. Режим доступа: <http://adictru.nsu.ru/dictback#> (Дата обращения: 10.10.2021)

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18.10.2021

Дата принятия к печати: 15.12.2021

Сведения об авторе:

Кузьмина Мария Александровна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института филологии СО РАН

Контактная информация:

630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

ORCID: 0000-0003-4606-1805

e-mail: mash_room@mail.ru

Для цитирования:

Кузьмина М.А. Мезоанализ концепта *Общение* и оценочных ассоциативных доминант // Вопросы психолингвистики №4(50) 2021, С. 136–161. doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-136-161

UDC: 81'23, 81'27, 81'33

Research article

LBC: 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-136-161

**MESOANALYSIS OF THE CONCEPT *COMMUNICATION*
AND OF THE EVALUATIVE ASSOCIATIVE DOMINANTS**

Maria A. Kuzmina

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This article outlines the prospects for the development of the axiological psycholinguistics and a conceptual approach towards their interdisciplinary interaction. The association pairs “stimulus – reaction” verbalize dominant evaluative meanings which reveal the value content through the method of conceptual analysis synergetically consistent with the associative-verbal network method. This methodological interaction is shown through the example of associative fields *good/bad* and the concept *communication* (‘*obschenie*’ in Russian). The linguistic-specific concept *communication* is the principle of the organization of culture-specific value

meanings, the source of these value meanings being the associative connections of evaluative dominants. This interpretation of the concept opens up two sides of its semantic richness. On the one hand, it is a dynamic phenomenon; on the other hand, it provides the historical continuity of the «sense quanta». The value semantic structure reconstructed in this way is both the principle of organizing reality and, at the same time, the phenomenology of reality, which units are verbalized as associative pairs.

Keywords: axiological psycholinguistics, communication, conceptology, evaluative associative dominants, interdisciplinarity, meso-level

References

Akhutina, T.V. (2014) *Neirolingvisticheskiy analiz leksiki, semantiki i pragmatiki* [Neuro-linguistic analysis of vocabulary, semantics and pragmatics]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury (in Russian).

Akopov, G.V., Scheinin, I.R., Savitsky, V.M. (2014) Assotsiativnye polya kontseptov «Sozertsanie», «Deyanie» i «Obshchenie» [The association fields of the concepts “contemplation”, “deed”, “communication”]. *Samarskii nauchnyi vestnik*, 4(9), 11–14 (in Russian).

Akopov, G.V. (2021) Nerechevye yazyki soznaniya: postanovka problemy i vozmozhnosti ee resheniya [Non-verbal languages of consciousness: statement of the problem and its solution]. *Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 1, 1, pp. 23–29 (in Russian).

Alexandrov, Y.I., Alexandrova, N.L. (2009) *Sub"ektivnyi opyt, kul'tura i sotsial'nye predstavleniya* [Subjective Experience, Culture, and Social Images]. Moscow, Izdatelstvo Instituta psikhologii RAN (in Russian).

Apresyan, YU.D. (2006) Osnovaniya sovremennoi leksikografii [The foundations of modern lexicography]. In: Apresyan, Yu.D. (Ed.) *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Language picture of the world and system lexicography]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, pp. 33–162 (in Russian).

Arutyunova, K.R., Aleksandrov, Yu.I. (2019) *Moral' i sub"ektivnyi opyt* [Morality and subjective experience]. Moscow, Izd-vo «Institut psikhologii RAN» (in Russian).

Bodalev, A.A. (2009) Obshchenie kak predmet mezhdistsiplinarnogo izucheniya [Communication as a subject of interdisciplinary study]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2(30), 129–133 (in Russian).

Chernyshova, E.B. (2019) *Dinamika i variativnost' otsenki v russkom yazykovom soznanii: parametricheskii podkhod* [Dynamics and variability of evaluation in the Russian language consciousness: parametric approach]. Dissertation for the degree of doctor of philology. Moscow. Available from: http://vumo.mil.ru/upload/site57/document_file/wCWprYaKsj.pdf [Accessed 10.10.2021] (in Russian).

Dopfer, K., Foster, J., Potts, J. (2004) Micro-meso-macro. *Journal of Evolutionary Economics*. 4(14), 263–279. DOI: 10.1007/s00191-004-0193-0.

Dridze, T.M. (1996) Sotsial'naya kommunikatsiya kak tekstovaya deyatelnost' v semiosotsiopsikhologii [Social communication as textual activity in semiosociopsychology]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 3, 145–152 (in Russian).

Einstein, A. (2005) *Ehvolutsiya fiziki: sbornik* [The Evolution of Physics: Collector]. 2nd ed., revised. Moscow, Taideks (in Russian).

Gladkova, A. (2010) *Russkaya kul'turnaya semantika: Ehmotsii, tsennosti, zhiznennye ustanovki* [Russian cultural Semantics: Emotions, Values, Life attitudes]. Moscow (in Russian).

Gol'din, V.E., Sdobnova, A.P. (2008) K tipologii assotsiativnykh slovarei russkogo yazyka [On the typology of associative dictionaries of the Russian language]. *Journal of Psycholinguistics*. 7, 118–122 (in Russian).

Karaulov, Yu.N. (1987) *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Language Personality]. Moscow. Nauka (in Russian).

Karaulov, Yu. N. (2000) Pokazateli natsional'nogo mentaliteta v assotsiativno-verbal'noi tsepi [Indicators of national mentality in the associative-verbal chain] *Yazykovoie soznanie i obraz mira. Sbornik statei* [Linguistic consciousness and the image of the world. Collection of articles]. Moscow, 191–206 (in Russian).

Karaulov, Yu.N., Sorokin, YU.A., Tarasov, E.F., Ufimtseva, N.V., Cherkasova, G.A. (1994–1998) *Russkii assotsiativnyi slovar'* [Russian Associative Dictionary. Associative Thesaurus of the Modern Russian Language]. Book 1–6. Moscow. IRYa RAN (in Russian).

Kirdina, S.G. (2015) Methodological Institutionalism and the Importance of Meso-level of Social Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 12: 51–59. (In Russian).

Kirdina-Chandler, S.G. (2019) Mechanism of Money Circulation as a Subject of Meso-economic Analysis. *Journal of Institutional Studies*. 3(11), 7–20. (In Russian). DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.3.007-020.

Kirdina-Chandler, S.G., Kruglova, M.S. (2019) «Obshchestvo», «gosudarstvo» i institutsional'nye matritsy: opyt mezhdistsiplinarnogo mezoanaliza [“Society”, “state” and institutional matrixes: the case of interdisciplinary meso-analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 10, 15–26. DOI: 10.31857/S013216250007101-4 (in Russian).

Kolesov, V.V. (2014) *Drevnerusskaya tsivilizatsiya: nasledie v slove* [Ancient Russian civilization: Heritage in the Word]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii publ. (in Russian).

Kolesov, V.V. (2017) Kontseptual'noe pole russkogo soznaniya: podsoznanie [Conceptual field of Russian consciousness: subconsciousness]. *Journal of Psycholinguistics*. 1(31), 140–162 (in Russian).

Kolesov V.V. (2019) *Osnovy kontseptologii* [Fundamentals of conceptology]. Saint Petersburg, Zlatoust (in Russian).

Krylova T.V. (2017) Gore ot uma: otsenka uma v russkoi yazykovoi kartine mira [Woe from wit: evaluation of the mind in the Russian linguistic picture of the world]. *Voprosy yazykoznaniya*. 4, 33–51 (in Russian).

Kuzmina, M.A. (2020) Mezoanaliz – mezhdistsiplinarnaya metodologiya sotsial'nykh i gumanitarnykh issledovaniy [Mesoanalysis as an Interdisciplinary Methodology in Social and Humanitarian Research]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 8, 27–36 (in Russian).

Kuzmina, M.A. (2021) Smysl kak mezhdistsiplinarnyi ob'ekt [The Meaning as a Subject of Interdisciplinary Studies]. *Voprosy Filosofii*, 8, 130–141. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-130-141

Losskii, N.O. (1931) *Tsennost' i bytie. Bog i Tsarstvo Bozhie kak osnova tsennosti* [Value and being. God and the Kingdom of God as the basis of values]. Paris Available from: <https://runivers.ru/upload/iblock/d7e/Cennost%20i%20bytie.pdf> [Accessed 10.10.2021] (in Russian).

Luria, R.A. (2003) *Psikhologicheskoe nasledie: Izbrannye trudy po obshchei psikhologii* [The Psychological Heritage: Selected Works on General Psychology]. Moscow, Smysl publ. (in Russian).

Pronina, E.E., Kirichenko, A.S. (2011) *Predlogi, kontsepty, kvanty smysla. K voprosu o prirode yazykovogo znacheniya* [Prepositions, concepts, quanta of meaning. To the question of the nature of linguistic meaning]. Lap Lambert Academic Publishing (in Russian).

Sedakova, O.A. (2005) *Tserkovnoslavyano-russkie paronimy. Materialy k slovaryu* [Church Slavonic-Russian paronyms. Materials for the dictionary]. Moscow, Greko-latinskii kabinet Yu.A. Shichalina (in Russian).

Shaposhnikova, I.V. (2019) *Dinamicheskie modeli v sotsiolingvistike i sotsiokommunikativnye ustanovki russkoi yazykovoi lichnosti v postsovetskii period* [Dynamic Models in Sociolinguistics and Socio-Communicative Attitudes of the Russian Language Personality in the Post-Soviet Period]. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 3(18), 24–38. (in Russian). DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.2.

Shaposhnikova, I.V. (2020) *Modusy identifikatsii russkoi yazykovoi lichnosti v ehpokhu peremen* [Modes of the Russian Language Personality Identification during Times of Change]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury (in Russian).

Shaposhnikova, I.V., Romanenko, A.A. (2014) *Russkii regional'nyi assotsiativnyi slovar'* [Russian regional associative dictionary]. Moscow (in Russian).

Shmeleva, T.V. (1997) Model' rechevogo zhanra [Model of speech genre]. *Zhanry rechi*. Saratov, 88–98 (in Russian).

Shmeleva, T.V. (1990) Rechevoi zhanr. Vozmozhnosti opisaniya i ispol'zovaniya v prepodavanii yazyka [Speech genre. Possibilities of description and use in language teaching]. *Russistik. Rusistika. Nauchnyi zhurnal aktual'nykh problem prepodavaniya russkogo yazyka. 2*. Berlin, 20–32 (in Russian).

Sternin, I.A. (2002) O natsional'nom kommunikativnom soznanii [About the national communicative consciousness]. *Lingvisticheskii vestnik. 4*. Izhevsk, 87–94. Available from: <http://philology.ru/linguistics1/sternin-02.htm> [Accessed 10.10.2021] (in Russian).

Sternin, I.A., Prosovetskii, D.YU. (2018) Ehmotsiya i otsenka v semantike slova [Emotion and evaluation in word semantics]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: ehlektronnyi nauchnyi zhurnal. 4*, 75–96 Available from: www.tverlingua.ru [Accessed 10.10.2021] (in Russian).

Ufimtseva, N.V. (2011) *Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost'* [Language Consciousness: Dynamics and Variability], Institut Yazykoznaniya RAN, Moscow (in Russian).

Ufimtseva, N.V. (2017) Ehnopsikholingvistika kak razdel teorii rechevoi deyatel'nosti [Ethnopsycholinguistics as a Branch of the Theory of Speech Activity]. In: Bubnova, I.A., Zyкова, I.V., Krasnykh, V.V., Ufimtseva, N.V. *(Neo)psikholingvistika i (psikho)lingvokul'turologiya: novye nauki o cheloveke govoryashchem* [(Neo)psycholinguistics and (Psycho)linguoculturology: New Sciences about Homo Loquens]. Moscow, Gnosis, 21–96 (in Russian).

Ukhtomsky A.A. (2019) *Dominanta* [The Dominant]. Saint Petersburg, Piter. (in Russian).

Vasil'kova, V.V. (1999) *Poryadok i khaos v razviti sotsial'nykh sistem: Sinergetika i teoriya sotsial'noi samoorganizatsii* [Order and chaos in the development of social systems: Synergetics and theory of social self-organization]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo «Lan'» (in Russian).

Vorkachev, S.G. (2019) *Strana svoya i chuzhaya: ideya patriotizma v lingvokul'ture* [A country of one's own and another's: the idea of patriotism in linguoculture]. Moscow, INFRA-M Publ. (in Russian).

Zaliznyak, Anna A. (2005) Zametki o slovakh: obshchenie, otnoshenie, pros'ba, chuvstva, ehmotsii [Notes about words: communication, attitude, request, feelings, emotions]. In: Zaliznyak, Anna A., Levontina, I.B., Shmelev, A.D. *Klyuchevye idei russkoi yazykovoi kartiny mira* [Key ideas of the Russian language picture of

the world: Collection of articles]. Moscow, LRC Publishing House, 280–288 (in Russian).

Zhinkin, N.I. (1982) *Rech' kak provodnik informatsii* [Speech as a conductor of information]. Moscow, Nauka (in Russian).

Dictionaries

RAS: Karaulov, Yu.N., Cherkasova, G.A., Ufimceva, N.V., Sorokin, Yu.A., Tarasov E.F. (2002) *Russkij associativnyj slovar'* [Russian Associative Dictionary]. Moscow, AST-Astrel' publ. Available from: <http://thesaurus.ru/dict/> [Accessed 10.10.2021]

SIBAS: Shaposhnikova, I.V., Romanenko, A.A. (2014) *Russkij regional'nyj associativnyj slovar' (Sibir' i Dal'nij Vostok)* [Russian Regional Associative Dictionary (Siberia and the Far East)]. Moscow, Moskovskij institut lingvistiki. Available from: <http://adictru.nsu.ru/dictback#> [Accessed 10.10.2021]

© Kuzmina M.A., 2021

Article history:

Received: 18.10.2021

Accepted: 15.12.2021

Bionotes:

Maria A. Kuzmina – Cand. Sc. Philology, Associative Researcher of the Institute of Philology of the SB RAS

Contact information:

630090. Nikolaeva str. 8

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4606-1805>

e-mail: mash_room@mail.ru

For citation:

Kuzmina M.A. (2021) Mesoanalysis of the concept *Communication* and of the evaluative associative dominants. *Journal of Psycholinguistics*. 4(50), pp.136–161. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-136-161 (in Russian)

UDC 81'23

Research article

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-162-175

METAPHOR RESEARCH FROM THE PERSPECTIVE OF ECO-LINGUISTICS

Wang Li

School of Western Studies, Heilongjiang University, Harbin, China
China School of Foreign Languages, Daqing Normal University,
Daqing, China

Abstract

Metaphoric cognition has both positive and negative sides. It's like a shiny two-sided coin with both benefits and cautions. On the one hand, the human experience of interacting with the natural world for thousands of years has resulted in metaphors that not only reflect a wealth of human thinking, but also innovative ways of securing a lasting possible future for us as people. Which is good. But there are other factors to be considered. For example, alongside its positive attributes, on the other hand, metaphoric cognition opens itself up to a world of subjective possibilities. Among them, it recognizes how knowledge, with its certain degrees of unreliability and limitations, might just pose a threat to mankind's actual survival. Due to the limitations of human cognitive ability, metaphorical cognition is inevitable. As far as metaphors related to eco-linguistics are concerned, the sky's the limit. They reveal and question the very metaphors we believe in and practice. They point us onward toward new and endearing metaphors to encourage people to protect life-sustaining ecosystems. Herein lies mankind's greatest hopes, because these metaphors become the things we both believe in, and practice. In short, they reflect our ecological language, forming the important role of learning.

Keywords: eco-linguistics, cognitive linguistics, metaphor

Introduction

When we deal with environmental crises, we need sophisticated technology, flexible policies, and the improvement of moral standards. In addition, we need better, less human-centric metaphors. Choosing what metaphor to rely on is important to us. If we cannot make wise choices or understand the meaning of metaphors, we may die. In short, metaphor is a kind of story that describes thing A as thing B. It "shows the identity between different things" [Martin 2014: 78], "by using knowledge

in familiar fields and combining (them) to another field and work” [Chilton & Schaffner 2011: 320]. Metaphor is an important part of cognition and understanding of the world. Some scholars such as Brigitte Nie Lixi and Russie Gaspar [Nerlich & Jaspal 2012: 143] even claim that the wrong choice of metaphor “may lead to Mankind (becoming) extinct.” For this study, we have created a single mechanism for analyzing metaphors and structures, and then we will apply this mechanism to analyze texts to explore metaphors related to eco-linguistics.

Metaphor theory and framework theory are two completely different paths, from two different times in history. For a better understanding of their difference, just know that the theoretical research of metaphor can be traced back to the Aristotle era – many, many centuries ago – and “frame” (as it is called) is a new concept that appeared in use both with regular linguistics, and the linguistics of artificial intelligence from the 1970s. In fields such as cognitive science, however, these two concepts overlap each other and are often used interchangeably. For example, Nie Lixi, et al. [Nerlich, et al. 2002] used the expression “framework and metaphor” when studying the construction of foot-and-mouth disease: the British government, media, and citizens almost subconsciously rely on a well-structured framework and metaphor system, better known as Conceptualized foot-and-mouth disease. They mentioned that a large-scale foot-and-mouth disease broke out in the United Kingdom in 2001. The political and press used words such as “battle”, “enemy”, “victory”, “battle”, “frontline”, and “task force” to construct the metaphor of “Responding to foot-and-mouth disease (as) a war”. The construction of this metaphor has led people to take extreme measures to slaughter and burn thousands of animals, which has caused a bad impact on the welfare and living environment of the animals. It was reported that: “Although the war against oral disease has metaphorical characteristics in its name... its (damaging to the environment) impact is real and concrete”. People could have adopted another conceptual approach – that is, using medical terms such as “treatment”, “vaccination”, “quarantine”, “disease”, “care”, “cure” and “hygiene” – and thus take completely different behaviors: such as helping infected animals to heal and improve their immunity, vaccinating uninfected animals instead of killing them.

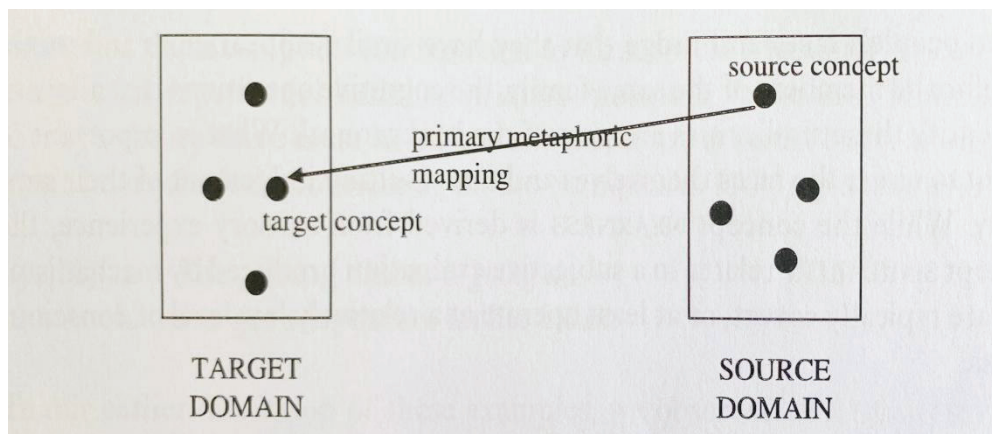
The relationship between metaphor and frame

From a cognitive perspective, the two cases are similar: the former uses war (including allies, enemy weapons, killings, etc.) to build the concept of foot-and-mouth disease, while the latter uses veterinary medicine (including veterinarians, patients, drug quarantine procedures, etc.) The concept of foot-and-mouth disease is different in that veterinary science is directly related to foot-and-mouth disease,

so it is not a metaphor. “War” and foot-and-mouth disease belong to completely different areas of life. Using the framework of war to conceptualize foot-and-mouth disease requires imagination to complete a great leap. The conceptualization of foot-and-mouth disease as war is a metaphor. As Donald Schon [Schon 1993: 141] said, the expression of the new presumption must be determined from the beginning as something different but related to the original thing in order to make this conceptualization process a metaphor. Build the process, rather than simply re-describe the process. From this point of view, metaphor and structure function in the same way, but metaphor is a special structure. The framework of metaphor comes from a specific and different area in life – usually an area familiar to us in our daily lives. Therefore, we can define metaphor by clarifying the relationship between metaphor and framework: metaphor uses the framework of a specific, concrete, and imaginable field in life to conceptualize another completely different field of life.

This is somewhat different from the most common way of describing metaphor in cognitive science [Lakoff & Johnson 1999: 58]. Cognitive science describes metaphor as a mapping from the source domain to the target domain. The target domain refers to the current field of discussion, and the source field refers to the field that provides a reference for the target field in terms of vocabulary and structure (see Figure 1). For example, in the metaphor that love is a journey, we use words from the source domain “journey” to discuss the target domain “love.” However, it is obvious that the “source domain” referred to by metaphor theorists is actually composed of frames [Sullivan 2013: 23]. Karen Sullivan believes that a source domain like “body” is composed of frames such as movement, digestion, and observable body parts. In a particular metaphor (such as “thinking” is “exercise” and “digestion viewpoint”), it is the concrete framework (“exercise” and “digestion”) rather than the more abstract source domain (“body”) that constructs the target domain. Therefore, the metaphor is said to be from the source frame to the target frame. The mapping of the source frame to the target frame is reasonable, and it is also applicable to other non-metaphoric frames. According to the mechanism used in this article, metaphor is also a kind of frame – where the source frame comes from a specific domain in life. It is completely different from the imaginable domain and the domain to which the target domain belongs.

An article by Rebecca Solnit in *The Guardian* entitled “What You Call Climate Change: Violence” clarifies the difference between metaphorical and non-metaphorical frameworks. Solnit wrote: “Climate change is global violence, violence against regions, humans, and other species. Once we look at it truthfully, we can start a real dialogue about our priorities and values, because resisting violence starts with resisting language that conceals violence. This method of reconstructing climate

change from environmental problems into violent behavior emphasizes the direct impact of excessive consumption behavior in developed countries on people in poor countries, causing harm and death”¹. The meaning of this structure is quite literal, which can be seen from the “what” in the title of the article. The source framework of “violence” is large enough to cover “climate change”, because violence can be understood as a way of causing physical harm to others, even if it is only an indirect cause of harm in the current context. In the same way, it is not metaphorical to frame “climate change” as “problems”, “dilemmas”, “moral issues” or “environmental issues”, because these frameworks are broad enough to directly include climate change and frame climate change. The framework of the “roller coaster” used by the author clearly belongs to a specific and distinct field. The source framework of the “roller coaster” is too specific to include climate change in a literal sense. If the title mentioned above is called “whatever climate change is: a roller coaster” then climate change is simply a roller coaster. It doesn’t make sense semantically. Climate change can only be metaphorically constructed as a roller coaster, as written in the following environmental blog: “The earth may have reached the highest point on the roller coaster of climate change, and the high-speed driving thereafter may make people feel discomfort. Humans may not be able to survive to the end”.

Chris Russell [Russell 2010] also introduced many other metaphors used to describe climate change. For example: “The metaphors in climate language can be seen everywhere, there are warm sheds and greenhouses, atmospheric blankets, and atmospheric voids, sinks and grounds, flip and strobe switches, conveyor belts... even bungee enthusiasts who jump off a speeding roller coaster”. The most famous is Wally Broek’s statement. He warned everyone that the climate is as dangerous as

¹ <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/apr/07/climate-change-violence-occupy-earth>

a “tempered beast” with humans poking a stick at. Other famous scientists are also rushing to join this word game. Ali talked about the “drunkard” model of the climate system – when he was taken alone, he would sit quietly; when he was forced to walk, he would stagger and sway. James Hansen also reminded us: “The climate sudden change is like a slippery slope, like a deal between Faust and the devil, and more like a time bomb. Now this bomb is on the verge of a tipping point and is in danger of exploding at any time.” This metaphor has constructed the scientific community to theorize climate change and talk to the public. Various ways of climate change also construct the way people conceptualize climate change in daily life. Vocabulary such as “blanket”, “switch”, “drunkard”, “greenhouse” and “roller coaster” triggers the framework of specific and familiar areas in daily life, and is used to construct a more vague and less clearly defined field of climate change. Generally speaking, the source framework used by metaphors is clear and specific and is mostly related to body movements. It is easy to imagine, see, hear, feel, smell and taste [Semino 2008: 11]. The framework of metaphor and non-metaphor is similar in the level of cognitive function, but metaphor has additional heterogeneity and specific characteristics, which makes metaphor stronger and more vivid. In most cases, it is easy to distinguish whether this frame belongs to a “specific and clearly different area of life”, but there are also some marginal cases where the boundaries are not very clear. The above examples contain the most obvious metaphors (such as “angry beast”), but also have a more literal structure.

The Eco-linguistic Perspective of Metaphor Research

Metaphor establishes a model of reasoning – Mark Johnson [Johnson 1983] called it “Metaphorical Reasoning”, James Martin called it “Analogous Reasoning”, an inductive argument presenting a situation as another kind of situation which is “similar” or has common characteristics, and achieves the purpose of making people react similarly to these two situations. Metaphorical reasoning is based on the concepts extracted from the source frame and draws conclusions about the target domain. In 2004, “Scientific American” published an article written by climatologist Jim Hansen with the title “Removing the Time Bomb of Global Warming”². The source framework “Time Bomb” is used to construct the target domain “Global warming.” The source framework has certain elements – bombs, bomb disposal people, bomb disposal methods, potential explosions, and victims. These elements form a structured relationship with each other. The structure of the time bomb framework is limited. The bomb disposal person must use effective methods to dismantle the

---

² <https://www.scientificamerican.com/article/defusing-the-global-warmi/>

bomb, otherwise, it will explode and cause casualties. In Hansen's article, the bomb maps "global warming", and the bomb disposal method maps "reverse the growth trend of atmospheric pollutants" and maintain "Carbon emission level", "explosion" maps "the coastline will be submerged"; potential victims are "most people in the world"; "bomb disposal guys" point to ambiguity and do not specifically map anyone. Metaphorical reasoning uses the structure of the source frame and inserts the corresponding elements taken from the target domain in it. Under the above metaphoric framework, the following conclusions can be drawn: within a limited time, the relevant people must reverse the growth trend of air pollutants and maintain the level of carbon emissions to prevent global warming. Otherwise, the coastline will be submerged and most people in the world will be harmed.

Through this alternative method, we can also draw many other possible conclusions from the source framework, such as "Once the bomb has exploded, it will not cause harm again", and then infer that "Once global warming has occurred, it will not happen again" and "cause harm". Nevertheless, the reasoning model that Hansen wants to promote is obviously to emphasize the possibility and urgency of action, just as removing a time bomb and emphasizing urgency may have some effect, but if people find that the timetable for the mandatory reduction of carbon dioxide emissions cannot be fulfilled, That is to say, the bomb cannot be dismantled within the specified time, so the metaphor of "climate change is a time bomb" will be criticized because it may lead to inaction. The news headline "50 months to save the world" followed the metaphorical reasoning of the "time bomb", which might inspire people to take action. However, after a few months, carbon emissions continued to increase, with almost no concrete actions taken. Like another metaphor – playing a seesaw on a cliff, – the time bomb metaphor is an all-or-nothing, and its risk is that it may lead to "nothing".

In general, when analyzing metaphors, we must first identify the source frame and target domain, and then (using text clues) find out which elements of the source frame should be mapped to the target domain, so that it is possible to find the underlying reasoning mode in the metaphor. And analyze its advantages and disadvantages. According to the viewpoint of ecological linguistics, the most important thing is to investigate the nature of metaphors from the perspective of ecological view, that is, whether it is a destructive metaphor, neutral metaphor, or beneficial metaphor. Some theorists [Romaine 1996; Goatly 2001; Nerlich and Jaspal 2012] exaggerated the importance of metaphors by using "metaphors for which we are born" or "metaphors for which we die". Raymond and others expressed more cautiously. They think it is necessary to "systematically consider the advantages of different metaphors in the process of making environmental decisions." But

since context is important, the idea that a certain metaphor is destructive under any circumstances is too simplistic. Therefore, Raymond and others suggest that we should “consider a variety of metaphors in order to understand the relationship between humans and the environment, and choose appropriate metaphors to fit the context of...”. Kratz [Keulartz 2007: 45] criticized the metaphor of “ecological restoration” that regards nature as a work of art because people often do not know what state the ecosystem needs to be restored to. He concluded that the metaphor is applicable. In the context of a slight degradation of the ecosystem, it is clear at this time what state the ecology should be restored to. For highly degraded habitats, other metaphors – such as the metaphor of “ecological health” – are more applicable. Constructing human metaphors about the concept of “nature” is the most common metaphor in eco-linguistic analysis. Frans Verhagen pointed out: “Revealing the myths, hypotheses, and ideologies that form the basis of the concept of nature is a new aspect of ecolinguistics. One of the main functions of the subject is precisely through the language of metaphor, which makes these assumptions spread”.

Many studies have examined how target domains such as “nature”, “earth”, and “ecosystem” are constructed from various source frames, including gardens, islands, spaceships, lifeboats, clocks, warehouses, artworks, libraries, networks, communities, tapestries, creatures, people, and goddesses, etc., most of which belong to five main categories – location, machine, commodity, creature, and network; there are some that do not fall into these five categories, such as competition. This article considers whether metaphors indicate that humans are part of nature, whether they can promote human respect for other species, and whether they can improve human awareness of environmental constraints, etc., to study the applicability of metaphors. Nikolai Clementsov and Daniel Todes [Krementsov & Todes 1991], and Larson [Larson 2011] condemned the metaphor of “Nature is competition” and its variants “nature is a battle”, “nature is a struggle”, “nature is a war” as destructive. Clementsov and Todes’s expression is as follows: “Darwin’s ‘Origin of Species’ book is full of fighting images – words such as ‘life and death’ and ‘natural war’ abound. The metaphor of ‘Battle for Survival’ utilizes the power of combat imagery, and also involves various natural relationships. Although Darwin described the relationship of mutually beneficial cooperation between organisms, his description is based on the primary metaphor of ‘natural selection in nature, survival of the fittest’”. Larson believes that this metaphor not only echoes the “humanity competition theory”, which was previously recognized by the economist Adam Smith and others, but also gives this view new rationality: once it is introduced in this way with this metaphor, it is easier for people to defend it in the cultural field. We should not only recognize the existence of competition, but also actively promote competition,

because competition is the way the world operates, and it is natural.

The metaphor of “Nature is competition” strengthens the hypothesis of neoclassical economics – human beings are inherently selfish, and they only care about whether the satisfaction of personal interests can be maximized. This metaphor dilutes the role of concepts such as cooperation and mutual benefit. To protect the ecosystem on which life depends to meet human needs, Larson believes that metaphors such as “nature is progress” and “nature is competition” are “ideological metaphors with great influence. These metaphors are how humans get along and how to get along. How to treat nature provides a rationale. Therefore, for the sustainable development of social ecology, we need to reconsider these metaphors.” He later added: “If we can strike a balance between corporate liberalism and a more cooperative worldview, we can take the path of sustainable development more firmly.”

“Nature is a machine” is another metaphor that is generally regarded as destructive. “Nature” or “Earth” is compared to various machines, such as clocks, factories, computers, or spaceships. The primary problem of this metaphor is that the machine is composed of assembled parts which can be repaired by repairing and replacing defective parts without the need for overall repair. This can lead to a false optimism that technological methods such as carbon capture and storage, nuclear fusion, hydrogen-powered vehicles, or geoengineering can solve environmental problems one by one. Nie Lixi and Gaspar studied various metaphors related to geoengineering in various newspapers and found that “turn down the global thermostat”, “repair the atmosphere”, “repair the climate”, “technical methods”, “tool kits”, and expressions such as “toolbox” all describe climate as “a machine like a car that can be repaired with technical tools; and climate repair is constructed as simple and ordinary as if it is completely within the control of scientists and engineers.”

“Earth is a cosmic spaceship” is a form of machine metaphor, but because it contains some positive factors, it is regarded as a neutral metaphor. Like other machine metaphors, “the technical metaphor of spacecraft reflects the image of human beings as managers and controllers rather than as servers”, but it can also highlight environmental constraints. Its metaphorical reasoning model is: resources in a spacecraft are limited, so the resources of the earth are limited too. We depend on the life support system in the spacecraft, so we depend on the ecosystem of the earth. Kenneth Boulding [Boulding 1966: 9] was one of the first to use this metaphor. He said that “the earth is a spaceship, and there is no infinite reserve of resources for human extraction or pollution.” Susannah Romane [Romaine 1996: 184] believes that the metaphor “emphasizes the fragility of the environment and the plight of human beings, the safety of life is uncertain because life cannot exist outside the environment protected by spacecraft.”

The metaphor of “Nature is a living thing” is slightly better than the metaphor of “Nature is a machine”. This kind of metaphor also has many manifestations, the most abstract of which is the “ecosystem health” metaphor, or the “ecosystem medicine” metaphor. The metaphor of “ecosystem medicine” strives to find “a systematic approach to solve the problems of prevention, diagnosis, and prediction of ecosystem management”. This requires a more complex method to deal with ecological problems because organisms exist in the form of a whole and have the ability to repair themselves. This is the opposite of a machine, which is assembled from repairable parts and requires intervention to repair it. As Elizabeth Sartorius said, “Nature as a whole, shouldn’t it be more like our naturally evolved creatures than machines?” However, Robert Lackey [Lackey 2007: 15] argues that this metaphor expressed opposition because it allows scientists rather than decision-makers to set goals for the healthy development of the ecosystem. This argument is quite tenable. Kratz takes a more positive attitude towards this metaphor because it “promotes the mutual cooperation between natural scientists, social scientists, and medical scientists”; it can promote relevant discussions and debates, and prompt humans to reach a consensus on what ecosystem health is.

Compared with the “nature is a machine” metaphor, the “ecosystem health” metaphor is more likely to make people respect and care for nature because, in this metaphor, living things are at least alive. However, the fly in the ointment is that the metaphor of “ecosystem health” delegates the responsibility of medical care to experts. In some cases, health metaphors can evoke a fairly simplistic “problem-solution” framework. For example, Nie Lixi and Gasl [Nerlich & Jaspal 2012: 139] found that the metaphor of “the earth is a patient” is used to explain the rationality of the “technical approach” of geoengineering: climate change is mapped to cancer, and the earth is mapped to a patient. For patients, geoengineering is mapped to medical intervention, and engineers are mapped to doctors. Here, non-experts have no specific mapping roles. Frank Frenz [Forencich 1992: 142] also advocated the use of this metaphor, but the form of mapping he used fundamentally changed the original reasoning model: if the earth is a living body, what physiological role do humans play? What kind of cells do we belong to? Judging from the current state of the earth and the trend of faster and faster population growth, the answer is shocking but unavoidable –

human beings are cancer cells of the earth. Here, human beings are mapped into cancer cells, and patients are mapped into the earth. The most obvious reasoning model of this metaphor is: “To cure cancer is to kill cancer cells, and to cure the earth is to eliminate mankind”. Since it is “not a practical option” [Forencich 1992: 144], Frenz did not adopt it. Instead, he gave a series of interventions to treat cancer,

such as reducing consumption, redistributing wealth, slowing population growth, etc. “The normal parts of the living body of the earth are the healthy tissues (such as forests) that act against cancer cells and protect the earth”. This metaphor highlights the urgency of action – we are undergoing an “emergency surgery”, during which the earth may lose its entire life at any time. However, the negative positioning of human beings as cancer cells may lead to the ignorance of the inherent value of people, especially the inherent value of residents living in areas with rapid population growth. Therefore, the metaphor can be regarded as a neutral metaphor, its pros and cons depending on the mapping method.

Conclusions and Enlightenment

Thus, it can be said that “if something tends to maintain the integrity, stability, and beauty of the biological community, it is correct; otherwise, it is wrong” [Leopold 1979: 224]. However, Greg Garrard [Garrard 2012: 81] criticized this metaphor for failing to specify what and who is in the community, and what and who is outside the community: “If the community cannot be described properly, if we can’t establish the ideal and stable conditions of the community, we can’t use ‘integrity’ and ‘stable’ as the objective criteria for judging moral behavior.” There is no doubt that besides this metaphor, other principles are needed to guide specific actions. Yet, this metaphor at least puts human beings in nature and expounds a moral orientation beyond the purely human world.

Although most metaphor studies in the field of eco-linguistics focus on various metaphorical constructions of nature and their advantages and disadvantages, there are other metaphors that are equally important to eco-linguistic research. For example, the destructive metaphor of “economic growth is the tide” is frequently used. President Obama once said: “The United States promises that our prosperity can and must become a tide so that every ship will set sail; we will rise and fall together with our country.” This metaphor usually uses “the tide goes up, and the boat goes up” to mean that economic growth is the solution to the poverty problem. Here, economic growth is mapped to tides, and the wealth of the rich and poor is mapped to small boats. Another metaphor, “the cake increases, the share increases” (a rephrase similar to “the tide rises, the boat is high”) has the same reasoning model.

From the perspective of ecology, the above two types of metaphors can be regarded as destructive metaphors, because they both try to defend unlimited growth in a finite world. Considering environmental constraints, the economy cannot grow forever, and the tide will definitely retreat. The raw materials will also be exhausted, but these implications from the source framework have not been formed. In a finite world, the only way to “raise the poor’s boat” is to redistribute, and the metaphor

of “economic growth is the tide” tries to divert people’s attention from the poor. As Kowalski [Kowalski 2013: 79] said, “Economic growth is often seen as an alternative to fair distribution. As long as there is economic growth, there is hope, which makes the huge income gap easy to tolerate.” However, we can also use different modes of reasoning to resist this metaphor. Generally speaking, the reason why metaphors in texts can become powerful language means is that they can directly convey vivid images to readers’ minds. Whether these images can build a longer cognitive model in the readers’ minds depends on the readers themselves, what other metaphors they have been exposed to, and what metaphors prevail in the society they belong to. To reveal and question the metaphors we believe in and practice, to find new metaphors to encourage people to protect the ecosystem that sustains life, and to promote these metaphors to become new metaphors we believe in and practice is an important role of eco-linguistics.

© Wang Li, 2021

References

- Boulding, K. (1966) The economics of the coming spaceship Earth. In: H. Jarrett (ed.) *Environmental quality in a growing economy*. Baltimore, MD, Johns Hopkins University Press, pp. 3–14.
- Chilton, P., Schaffner, C. (2011) Discourse and politics. In: T. van Dijk (ed.) *Discour studies: A multidisciplinary introduction*. 2nd ed. London, Sage, pp. 303–330.
- Forenchich, F. (1992) Homo carcinomicus: a look at planetary oncology. *The Trumpeter*. 9(4), 142–144.
- Garrard, G. (2012) *Ecocriticism*. 2nd ed. London, Routledge.
- Goatly, A. (2001) Green grammar and grammatical metaphor, or language and myth power, or metaphors we die by. In: A. Fill, P. Mohlhausler (eds) *The ecolinguistics reader: language, ecology, and environment*. London, Continuum, pp. 203–225.
- Johnson, M. (1983) Metaphorical reasoning. *Southern Journal of Philosophy*. 21(3), 371–389.
- Keylartz, J. (2007) Using metaphors in restoring nature. *Nature & Culture*. 2(1), 27–48.
- Kowalski, R. (2013) Sense and sustainability: the paradoxes that sustain. *World Futures: The Journal of General Evolution*. 69(2), 75–88.
- Krementsov, N., Todes, D. (1991) On metaphors, animals, and us. *Journal of Social Issues*. 47(3), 67–81.

Lackey, R. (2007) Science, scientists, and policy advocacy. *Conservation Biology*. 21(1), 12–17.

Lakoff, G., Johnson, M. (1999) *Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to Western thought*. New York, Basic Books.

Larson, B. (2011) *Metaphors for environmental sustainability: redefining our relationship with nature*. New Haven, CT, Yale University Press.

Martin, J. (2014) *Politics and rhetoric: a critical introduction*. London: Routledge.

Nerlich, B., Hamilton, C, & Rowe, V. (2002) Conceptualising foot and mouth disease: the socio-cultural role of metaphors, frames, and narratives. *Metaphorik.de*. 2, 90–108.

Nerlich, B., Jaspal, R. (2012) Metaphors we die by? Geoengineering, metaphors, and the argument from catastrophe. *Metaphor and Symbol*. 27(2), 131–147.

Romaine, S. (1996) War and peace in the global greenhouse: metaphors we die by. *Metaphor and Symbolic Activity*. 11(3), 175–194.

Russill, C. (2010) Temporal metaphor in abrupt climate change communication: an initial effort at clarification. In: W. Leal Filho (ed.) *The economic, social and political elements of climate change*. London, Springer, pp. 113–13.

Schon, D. (1993) Generative metaphor: a perspective on problem setting in social policy. In: A. Ortony (ed.) *Metaphor and thought*. 2nd ed. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 137–163.

Semino, E. (2008) *Metaphor in discourse*. Cambridge, Cambridge University Press.

Sullivan, K. (2013) *Frames and constructions in metaphoric language*. Amsterdam, John Benjamins.

Article history:

Received: 11.10.2021

Accepted: 15.12.2021

Bionotes:

Wang Li – School of Western Studies, Heilongjiang University; School of Foreign Languages, Daqing Normal University, China

Contact information:

No. 74 Xuefu Road, Nangang District, Harbin City, Heilongjiang Province, China 150080

Xibin W Rd, Ranghulu District, Daqing, Heilongjiang, China

e-mail: 283367050@qq.com

ORCID code: 0000-0001-6588-0510

For citation:

Wang Li (2021) Metaphor Research from the Perspective of Ecolinguistics. *Journal of Psycholinguistics*. 4(50), pp.162–175. Available from doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-162-175 (in Russian)

УДК 81'23

Научная статья

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-162-175

**ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАФОР С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ЭКОЛИНГВИСТИКИ**

Ван Ли

Школа западных исследований, Университет Хэйлунцзян, Харбин, Китай
Китайская школа иностранных языков, Дацинский педагогический
университет, Дацин, Китай

Аннотация

Из-за ограниченности познавательных способностей человека метафорическое познание неизбежно, при этом оно имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, как средство объяснения и результат опыта, накопленного человечеством в процессе взаимодействия с миром в течение тысячелетий, метафора – это не только драгоценное богатство человеческого мышления, но и способ выживания людей. С другой стороны – заключенное в метафорах знание имеет определенную степень ненадежности и ограниченности, что может представлять угрозу для выживания человека. Эколингвистика занимается как выявлением метафор, которые уже прочно вошли в язык экологических проблем, так и поиском новых метафор, побуждающих людей защищать жизнеобеспечивающие экосистемы. Продвижение этих метафор позволяет объективно осознать имеющиеся в обществе экологические проблемы.

Ключевые слова: эколингвистика, когнитивная лингвистика, метафора

© Ван Ли, 2021

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 11.10.2021

Дата принятия к печати: 15.12.2021

Сведения об авторе:

Ван Ли – профессор, Школа западных исследований, Университет Хэйлунцзян, Харбин, Китай; Китайская школа иностранных языков, Дацинский педагогический университет, Дацин, Китай

Контактная информация:

e-mail: 283367050@qq.com

Для цитирования:

Wang Li. Metaphor Research from the Perspective of Ecolinguistics // Вопросы психолингвистики №4(50) 2021, С. 162–175. DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-162-175

УДК 81'23

Научная статья

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-176-191

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В СВЕТЕ ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ Е.Д. ПОЛИВАНОВА

Яковлев Андрей Александрович

Северо-Западный институт управления,

Российская Академия народного хозяйства и государственной службы

Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

В статье приводится анализ некоторых общелингвистических суждений Е.Д. Поливанова применительно к изучению языкового сознания. Е.Д. Поливанов определял язык как относительное тождество индивидуальных систем ассоциаций между внеязыковыми представлениями и их произносительно-слуховыми символами группы людей, объединённых регулярным взаимодействием. Данное в статье определение понятия «языковое сознание» отражает относительные особенности или относительные различия индивидуальных систем ассоциаций между внеязыковыми представлениями и их произносительно-слуховыми символами двух групп людей, различающихся особенностями регулярно выполняемой деятельности. Языковое сознание определяется как психолингвистическое понятие, которое показывает, каким образом внутренние и внешние условия функционирования языка как достояния человека связаны с изменением значений и смыслов языковых знаков. Анализ работ, посвящённых языковому сознанию, позволил автору статьи объединить некоторые из них в единое направление, которое названо динамическим подходом к языковому сознанию. Такие исследования нацелены на сопоставление языковых сознаний разных групп людей, которые различаются характером регулярно осуществляемой деятельности. Эти исследования показывают, каким образом социально-культурный и индивидуально-личностный опыт людей преломляются в значениях и смыслах разных слов и соответствующих им образов и фрагментов языкового сознания. В статье намечаются перспективы дальнейших исследований языкового сознания в рамках динамического подхода.

Ключевые слова: Поливанов, языковое сознание, значение, смысл, терминология психолингвистики, методология психолингвистики.

Вводные замечания

В многочисленных публикациях, посвящённых языковому сознанию, редко можно найти указание на лингвистическую основу проводимых исследований. Вопрос этот, однако, далеко не праздный: содержание, вкладываемое автором исследования в понятие «язык», должно соотноситься с содержанием понятия «языковое сознание» или, во всяком случае, не противоречить ему.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы показать приемлемость и перспективность использования некоторых общелингвистических идей Е.Д. Поливанова (в частности, его определения языка) в качестве теоретического базиса изучения языкового сознания (далее — ЯС).

Определение языка, по Е.Д. Поливанову

В трудах Е.Д. Поливанова можно встретить несколько определений языка, в которых диалектически соединяются как социальные, так и индивидуально-психические моменты языкового бытия (подробнее см. нашу статью, специально посвящённую этому вопросу: [Яковлев 2020]).

В определении языка Е.Д. Поливанов за исходный пункт берёт наличие коллектива взаимодействующих людей: «Язык есть (относительное) тождество системы ассоциаций между внеязыковыми представлениями и их произносительно-слуховыми символами, принадлежащих всем индивидуальным языковым мышлениям некоего коллектива, экономическими условиями предопределённого к регулярному перекрёстному общению» [Поливанов 1991: 344]. Тождество систем ассоциаций между формами языковых знаков и представлениями (образами, концептами и т.п.) в сознаниях множества людей определяется тем, что эти люди вступают в регулярное взаимодействие друг с другом. Язык дан человеку как средство, как набор инструментов для взаимодействия с другими людьми, а это взаимодействие, в свою очередь, подчинено не субъективным сиюминутным желаниям и импульсам, а потребностям общества.

При этом всякий индивид, формально говорящий только на одном языке, на самом деле говорит на нескольких вариантах этого языка, что тоже обусловлено его социально-культурным взаимодействием с другими людьми. «Надо не упускать из виду, что один и тот же индивидуум может участвовать (т.е. быть потенциальным членом общения) в нескольких различных объединениях — коллективах, обслуживаемых каждый своим языком или диалектом (включая как территориальные, так и социально-групповые диалекты); тогда, следовательно, данный индивидуум совмещает знание (и употребление) нескольких языков или диалектов» [Поливанов 1968: 180]. В сноске к этой фразе имеется важное дополнение: «...реальное бытие языка определяется не только составом кооперативно-спаянного коллектива, но и характером кооперативных связей внутри него» [Поливанов 1968].

Поэтому язык – это тождество индивидуальных языков не некоторой произвольно выбранной группы индивидов, а группы индивидов, объединённых регулярными актами общения, которое не может осуществляться иначе, чем с помощью их индивидуальных языков. Так называемый индивидуальный язык, языковая способность человека, – это ещё не язык, а лишь его предпосылка. Строго говоря, если придерживаться логики Е.Д. Поливанова, можно утверждать, что «индивидуального языка» (некоторого явления, которое одновременно есть нечто индивидуальное, и при этом есть язык) не существует. Индивидуальный язык существует и имеет смысл в той мере, в какой данный индивид встроен в систему постоянного и регулярного (т.е. закономерного, а не случайного) взаимодействия с другими людьми. «... Знание языка и состав языка определяются не индивидуумом, а диктуются индивидууму коллективом» [Поливанов 1968].

В приведённом выше определении языка Е.Д. Поливанов отмечает, что язык есть относительное тождество систем ассоциаций, но не поясняет, что имеется в виду под словом *относительно*.

Пояснения на этот счёт можно найти в малоизвестной работе Е.Д. Поливанова, посвящённой сопоставлению русского языка с узбекским: «...На общем фоне известных кооперативных связей мы найдем ещё более тесные и специфические кооперативные связи внутри отдельных групп. Соответственно этому нужно внести признак относительности в понятие тождества ассоциационных систем, которое, как мы уже сказали, ложится в основу нашего определения языка. Есть тождество более или менее полное – у небольших, тесно связанных (внутри себя) групп, и тождество неполное – у всего (национального) коллектива, в который входят все эти группы» [Поливанов 1933: 7]. Если рассматривается крупный и сложным образом дифференцированный коллектив, то «...общий язык обеспечивает лишь возможность взаимного понимания (да и то, строго говоря, лишь в пределах определённых тем – соответственно тому характеру кооперативных связей, который объединяет всех членов данного коллектива), но отнюдь не единую характеристику системы языкового мышления (в фонетическом, морфологическом и т.п. отношениях)» [Поливанов 1933].

Следовательно, в непосредственной эмпирии лингвисту никогда не дан «язык вообще», а только язык некоторой социальной группы, и лишь абстрагирование от конкретных характеристик этой группы позволяет делать обобщения, соответствующие и языкам других социальных групп (порой, впрочем, эти обобщения весьма приблизительны или вовсе ошибочны). То, что является относительным и неоднородным, при некоторых исследовательских задачах приходится или целесообразно считать абсолютным и однородным.

Из всех приведённых положений следует важный вывод Е.Д. Поливанова относительно характеристик носителей языка. Последние тоже оказываются «неоднородными», и языковед при определённых исследовательских задачах должен не просто учитывать их различия, но и привлекать их в качестве причины наблюдаемых в языковых фактах особенностей. «Для большинства авторов в лингвистической литературе характерно просто игнорирование относящихся сюда тем и вопросов. Язык описывается как принадлежность одного какого-то абстрактного индивидуума. <...> ...для исторического объяснения языка привлекается опять-таки язык такого же абстрактного индивидуума более древней или древнейшей (из доступных анализу) эпохи; о каких-либо соотношениях между коллективом – носителем данного языка и самим описываемым или объясняемым языком нет и помину (в наиболее распространённом типе лингвистических работ)» [Поливанов 1968: 183].

Однако в этом отношении важно и методологическое предостережение Е.Д. Поливанова: «...нужно заведомо отказаться от допущения каких-либо таинственных (мистического, я бы сказал, порядка) соотношений между социальной историей общества и историей языка, соотношений, которые нельзя бы разложить на цепь конкретных причинных связей и которые можно только постулировать, исходя из предвзятой предпосылки о том, что всё зависит от социально-экономических явлений. Нам же, лингвистам, надлежит не исходить, а прийти к подобному положению в качестве вывода из изучения и обобщения реальных фактов» [Там же: 86]. По видимым в эмпирическом материале особенностям языковед должен восстанавливать невидимые социально-культурные и индивидуально-личностные процессы, лежащие в основе того, что наблюдаемые особенности таковы, каковы они есть.

Некоторые исследования ЯС последних лет

Среди многочисленных исследований ЯС имеются такие, в которых центральную роль играет не только сопоставление разных групп людей, но также выявляемое личностное переживание тех или иных явлений действительности. Из самых последних работ можно назвать следующие: [Бронникова 2017; Гаранович 2020; Кафтанов 2021; Кротова, Ушакова 2021; Лопсан 2018; Никаева, Сизых 2020; Палкин 2018; Устьянцева 2021; Хвеско, Крюкова, Врублевская 2020]. Эти исследования показывают, что в значениях разных слов по-разному представлены личностная оценка, культурные ценности, стереотипы, социальные и культурные практики и т.д. Иначе говоря, социально-культурный и индивидуально-личностный опыт по-разному преломляются в значениях и смыслах исследованных слов и соответствующих им образов и фрагментов ЯС. Кроме того, изучая разный материал, авторы приходят к схожим выводам: профессиональная либо любая другая регулярная

деятельность человека оказывает влияние на предметно-содержательные и эмоционально-оценочные характеристики разных слов, что объясняется не только единством выполняемой деятельности, но и схожим личностным переживанием явлений действительности.

В названных работах изучаемые явления объясняются с позиций внешних для индивидуального сознания факторов, таких как профессия, возраст, культурные практики и нормы и т.д., а равно и с позиций внутренних факторов – эмоции, оценки, смысловые структуры и т.д. Действительно, авторы стремятся показать, какое место в смысловом содержании разных слов играют явления личностной регуляции деятельности – смысловые структуры. Поясним этот момент.

«В наиболее общем определении смысловые структуры являются превращёнными формами жизненных отношений субъекта» [Леонтьев 2007: 126]. По Д.А. Леонтьеву, существует шесть типов смысловых структур: личностный смысл, личностная установка, мотив, смысловая диспозиция, смысловой конструкт, личностная ценность. Личностные смыслы и установки возникают в конкретной деятельности и репрезентируют остальные смысловые структуры, а смысловые конструкты и личностные ценности обладают транситуативным и наддеятельностным характером, они соотносятся со всей жизнедеятельностью человека и обладают высокой степенью стабильности [Там же: 127–129, 167–251]. Следовательно, коль скоро эмоционально окрашенный языковой материал (например, словесные ассоциации) регулярно появляется в искусственной ситуации эксперимента, т.е. вне контекста конкретной деятельности, значит, задействованные в эксперименте слова связаны в сознании человека именно со стабильными смысловыми структурами (смысловыми конструктами или личностными ценностями), а не с динамичными (личностными смыслами и установками).

Сопоставительные исследования ЯС берут за основу такие группы людей, которые отличаются друг от друга по регулярно осуществляемой деятельности. Это позволяет авторам делать выводы о наблюдаемых явлениях не как о случайных, т.е. не связанных причинной связью с другими явлениями, а как о закономерных, а далее – заключать, обусловлены они или нет какими-то особенностями этой регулярной деятельности.

Учитывая особенности материала и методологии приведённых исследований, можно объединить их в качестве динамического подхода к ЯС. Такие исследования выявляют зависимость между языковыми явлениями (рассматриваемыми с психолингвистических позиций) и социально-культурными, а также личностными явлениями. Они выявляют закономерности того, как (в зависимости от каких факторов) языковые явления пришли к такому

состоянию, в котором они определённым образом связаны с явлениями социально-культурного и индивидуально-личностного порядка.

Динамический подход к ЯС выявляет закономерные связи между регулярно проявляющимися особенностями индивидуальных языков представителей некоторой группы и личностным опытом, переживанием и смысловыми структурами. При статическом подходе к ЯС личностно переживаемый опыт людей выносится за скобки, при динамическом – используется в качестве объяснения наблюдаемых явлений.

Интерпретация ЯС как теоретического понятия

Для того чтобы ЯС как ключевое понятие соответствовало методологии и материалу изучению ЯС в динамике, его определение должно фиксировать в обобщённом виде особенности упорядочивания речевого опыта группы людей в зависимости от определённых (т.е. фиксируемых теорией) социально-культурных и эмоционально-личностных факторов. ЯС как теоретическое понятие должно содержать в себе не перечисление свойств отдельных образов сознания, а общую закономерность, по которой образы сознаний группы индивидов организуются именно систему с известными связями и характеристиками, на которые известной мере влияют факторы индивидуального (переживание, смысловые структуры и т.п.) и внешнего (регулярная деятельность, социальные нормы, культурные стереотипы и т.п.) порядка.

Научное понятие существует как обобщённое отражение в научной теории не только общих (т.е. главных) свойств некоторой совокупности наблюдаемых явлений, но также закона, по которому наблюдаемые свойства таковы, каковы они суть [Зиновьев 1971: 64–65; Ильенков 1997: 121, 125, 407; Рубинштейн 2012: 75; Стёпин 2003: 352–353]. Познание некоторого явления или предмета действительности – это и есть выявление его внешних и внутренних связей и закономерностей их изменения, поэтому всякое определение есть своего рода итог (или промежуточный итог) познания. При отсутствии закономерности в определении анализируемого понятия невозможно было бы ответить на вопрос: «Если ЯС или какой-то его фрагмент изменяется, то чем обусловлено это изменение?», приходится лишь констатировать это изменение.

В силу указанных обстоятельств мы даём другое определение ЯС. Языковое сознание – это психолингвистическое понятие, которое показывает, каким образом внутренние и внешние условия функционирования языка как достояния человека связаны с изменением значений и смыслов языковых знаков. Это определение ЯС содержит в себе не просто указание на некоторый класс языковых явлений или их свойств, а закономерную связь этих свойств со свойствами других, индивидуально-личностных и социально-культурных явлений.

Возвращаясь к приведённым выше суждениям Е.Д. Поливанова, можно сказать следующее. Исследования ЯС в динамике не исходят из априорного постулата о соотношении между социальной историей общества и историей индивидуальных языков людей, а приходят к нему, выявляют его закономерности и особенности из анализа и обобщения языковых фактов. Они также показывают, что общий язык обеспечивает лишь возможность взаимного понимания, сходства и различия характеристику систем языкового мышления обеспечиваются регулярной деятельностью. ЯС в таких исследованиях оказывается понятием относительным: нет такой вещи, как «ЯС вообще», есть только ЯС определённой социальной группы, объединённой регулярной деятельностью: ЯС студентов, ЯС военных, ЯС учителей, ЯС садоводов и т.д. Индивидуальный язык представителей этих групп (система ассоциаций между внеязыковыми представлениями и их произносительно-слуховыми символами, по Е.Д. Поливанову) также относителен в зависимости от деятельности, которую они выполняют регулярно и не регулярно. Эта относительность как раз и фиксируется в понятии ЯС и определяется не произволом учёного, а той деятельностью, которую представители изучаемой группы осуществляют регулярно.

Вернёмся и ещё к одному уже упоминавшемуся суждению Е.Д. Поливанова. «Надо не упускать из виду, что один и тот же индивидуум может участвовать (т.е. быть потенциальным членом общения) в нескольких различных объединениях – коллективах, обслуживаемых каждый своим языком или диалектом (включая как территориальные, так и социально-групповые диалекты); тогда, следовательно, данный индивидуум совмещает знание (и употребление) нескольких языков или диалектов» [Поливанов 1968: 180]. Коль скоро каждый индивид входит во множество социальных групп, следовательно, его индивидуальный язык испытывает на себе влияние множества социальных подязыков. Динамический подход к ЯС берёт наличие такого влияния за исходный пункт и выявляет его особенности для данной группы носителей языка.

Перспективы динамического подхода к ЯС

Один из постулатов психолингвистики гласит, что язык перерабатывает не только опыт общения, но вообще весь многообразный опыт человека (перцептивный, когнитивный, эмоциональный и т.д.). Поэтому ЯС как теоретическое понятие не может замыкаться на язык, а должно быть разомкнуто в образ мира человека и его деятельность. Отсюда: важнейшая и наиболее общая задача теории ЯС – понять, как наблюдаемые факты связаны с разными фрагментами опыта человека. В свете этого и всего сказанного выше выразим в виде тезисов основные перспективы динамического подхода к ЯС.

1. Социальные группы, схожие по внутренним связям и по характеру деятельности, определяются сходством динамики ЯС с такой регулярностью, что, зная изменения одного образа в ЯС некоторой группы, можно предсказать будущие изменения соответствующего образа в ЯС другой группы, не проводя в ней специального исследования. Можно также предсказать характеристики такой же группы в другой лингвокультуре (но здесь могут дополнительно действовать факторы общекультурного порядка, накладывающие погрешность на такое предсказание). Чем точнее определены характеристики сопоставляемых групп, тем точнее будет предсказание. Нетрудно, например, констатировать сходство отношения к студентам среди преподавателей-гуманитариев и преподавателей-естественников, но уже специального исследования требует установление сходств и различий в отношении преподавателей к студентам и учителей к школьникам. Однако однажды установленное, такое соотношение может быть перенесено на другие похожие профессии (поскольку выявлены его связи с компонентами их деятельности, значимыми для обеих групп): автоинструктор, тренер и т.п.

Другой пример: если известны характеристики некоторых образов в ЯС студента и даже некоторые факторы, влияющие на их изменения, то на этой основе невозможно точно сказать, как это изменение влияет на другие образы или, через культуру, на соответствующие образы в языковом сознании другой социальной группы. В установлении этих закономерных связей и состоит широкая перспектива и важная задача динамических исследований ЯС, а не просто в перечислении характеристик отдельных его компонентов.

2. При сходстве каких-то фрагментов ЯС принципиально разных социальных групп невозможно, конечно, говорить, что они взаимодействуют друг с другом или что многие представители одной входят также и в другую группу, как бы перенося из одной в другую своё личностное отношение к некоторым явлениям. Такое сходство базируется не на пересечении групп, а на сходстве соотношения между личностью и характером регулярно осуществляемой деятельности в рамках своей группы. Выявлять такие сходства и их причины – задача теории ЯС.

Таким образом, сходства и различия ЯС, например, китайских и русских студентов оказываются не аналогами, а своего рода гомологами – вариантами некоторого общего для них инварианта. Обобщённый характер деятельности внутри группы (обобщённые характеристики актов взаимодействия студента с другими субъектами образовательной среды) является инвариантной характеристикой для обеих групп. Дело не только во внешнем сходстве, но и в сходстве внутренней динамики образов, относящихся к данному фрагменту ЯС данной социальной группы. И динамика эта обусловлена

не только сходством доминантной деятельности данной социальной группы, но и личностным переживанием этой деятельности самими членами группы. Задача здесь состоит в том, чтобы изучать, как меняется деятельность и её переживание от группы к группе (не связанных между собой) и от одного исторического периода к другому. Это позволит построить типологию языковых сознаний.

3. Если некоторое явление имеет высокую ценность в данной социальной группе, то при вхождении человека в неё будет наблюдаться изменение смысла некоторых слов в соответствии с этой групповой ценностью явления, особенно если это слово связано с транситуативными смысловыми структурами личности (смысловая диспозиция, смысловой конструкт, личностная ценность). Можно предположить, что сознательные образы и соответствующие им языковые формы выражения различаются по своей инерции, по «скорости» изменения ассоциированного с ними значения и смысла в сознаниях новых членов данной группы. В этом ключе задача теории ЯС состоит в изучении этой инерции значений и смыслов (а значит, и ценностей), а также её зависимости от личностных и социально-культурных факторов. Представляется весьма интересным и продуктивным изучение того, как и в зависимости от чего изменяются значения и смыслы слов при переходе человека из одной группы в другую (получение новой должности, окончание университета и т.п.).

4. Смысловые структуры оказываются не чем-то сугубо индивидуальным и случайным, поскольку получают выражение в материале, полученном от множества людей. Динамический подход к ЯС выявляет, что смысловые структуры связаны не с некими культурными концептами или стереотипами, а именно с характером переживания тех отдельных, но многочисленных и регулярно повторяющихся актов взаимодействия людей внутри социальной группы. Смысловые структуры отражают переживание человеком регулярно осуществляемой деятельности (многократных ситуаций) и его личностные установки и ценности, не зависящие (или зависящие несущественно) от конкретной ситуации и деятельности. Это значит, что слова, имеющие не просто эмоциональный, но и личностный компонент (например, *аборт*), относятся не столько к деятельности, сколько к бытию человека, не к конкретной эмоции и её значимости для человека в конкретной ситуации, а к его жизни в целом. Задача теории ЯС состоит в том, чтобы изучить отражение взаимодействия разных смысловых структур в разных пластах лексики в и разных социальных группах. Через эту задачу психолингвистика получает выход к психологии смысла, экзистенциальной психологии и т.д.: решая психолингвистические задачи, можно получать материал, полезный для этих областей науки.

5. Всё сказанное о личностном переживании и его отражении в языке не значит, что общекультурные стереотипы, ценности, модели поведения и т.д. вообще незначимы для общей теории ЯС. Следует, видимо, различать случаи динамики фрагментов ЯС, во-первых, в силу изменения собственно значений слов (например, при возникновении новых феноменов и предметов). Во-вторых, в силу изменения смыслов слов. В-третьих, в силу изменения общекультурных ценностей. И, наконец, в-четвертых, в силу ещё каких-то факторов, пока ещё не учтённых. Задача теории ЯС – показать динамику и взаимодействие этих факторов во времени и в социально-культурном «пространстве». Конкретнее: в процессе переживания и оценивания явлений человек может следовать установленным нормам, а может проявлять определённую личную независимость от них; то же характерно для целых групп, члены которых могут оценивать некоторые явления отлично от общепринятых в социуме норм. Эти-то отличия и их закономерности и следует выявлять (включая сюда сопоставление с другими группами и культурами).

6. Если исходить из того, что динамика ЯС разных социальных групп закономерна, то исследования ЯС из случайных поисков превращаются в целенаправленное изучение именно тех языковых явлений, существование и закономерность развития которых можно заранее предвидеть. Например, если в одной группе смежные явления осмысляются одинаково, а в другой одно из них осмысляется нейтрально, тогда можно предсказать, что и второе явление (смежное с первым) будет нейтральным, и именно на нём сконцентрировать научное познание. При этом, зная фактор, влияющий на осмысление этих явлений в первой группе, можно предсказать, когда изменится осмысление и во второй – когда данный фактор начнёт играть существенную роль. На место инвентаризации множества отдельных «черт» ЯС разных групп ставится закономерность их изменения и связи с социально-культурными и личностными явлениями. Но это возможно только при том условии, что ЯС и каждый её фрагмент изначально изучаются не просто путём описания наиболее ярких особенностей, а путём выявления связей наиболее существенных особенностей с явлениями социально-культурного и личностного порядка.

7. Появляется возможность выявить деятельность, которая оказывает влияние на слова и соответствующие им образы. Например, термины: соответствующая профессиональная деятельность влияет на многие из них (но не на все!) в ЯС специалиста и не влияет в ЯС неспециалиста. Изучение ЯС некоторой социальной группы становится изучением и особенностей деятельности, регулярно осуществляемой и личностно оцениваемой представителями этой группы. На эту проблему можно взглянуть и в другой перспективе: каким образом разные деятельности отражаются в значениях слов, используемых представителями соответствующих профессиональных сообществ.

Некоторые выводы

ЯС является понятием, связывающим внешнее и внутреннее в языке как достоянии человека, связь между которыми кажется несуществующей. Связь осуществляется через совокупность взаимодействующих личностей (оба слова важны!). Понятие ЯС призвано показать закономерную, но при этом динамическую связь между явлениями, на первый взгляд никак не связанными друг с другом, а затем показать, какие факторы влияют на возможное изменение этой связи. Нетрудно показать, чем различается образ, стоящий за словом *экзамен*, в сознаниях студентов и преподавателей (или первокурсников и старшекурсников), а также – с какими фрагментами их опыта (эмоции, ценности, установки и т.д.) этот образ связан, и через эти связи показать причины наблюдаемых различий.

В исследованиях, направленных на изучение изменения представлений, образов, ценностей и т.д. в индивидуальных сознаниях группы людей, на выявление их зависимостей от культуры и личности, целесообразно использовать предложенную нами динамическую интерпретацию ЯС. Эта последняя позволяет объяснить, как и какие факторы социально-культурного и эмоционально-личностного порядка влияют на связь слов с определёнными представлениями людей, объединённых общей для них деятельностью.

При такой интерпретации ЯС – это не составная часть сознания, не часть ментального лексикона. Это научный конструкт, теоретическое понятие, фиксирующее закономерности изменения ментальных лексиконов группы людей в зависимости от социально-культурных и индивидуально-личностных факторов.

Исследования ЯС не совпадают с исследованиями ментального лексикона и не вбирают их в себя. ЯС – это взгляд на ментальный лексикон в обратной перспективе. Это понятие показывает, какие слова из разных ассоциативных полей, из разных фрагментов ментального лексикона связаны с определёнными сознательными образами. ЯС выявляет определённый фрагмент опыта, который не может быть охвачен ассоциативным полем одного слова. Исследованию должны подвергаться комплексы слов, объединённых общим содержанием деятельности человека, что далеко не всегда фиксируется в ассоциативных словарях. Изучению подвергаются не просто разные ассоциативные поля, а их общие тенденции: при наличии таковых именно понятие ЯС позволяет выявить их причины и факторы, влияющие на схожее изменение этих ассоциативных полей.

Если Е.Д. Поливанов определял язык как относительное тождество индивидуальных систем ассоциаций между внеязыковыми представлениями и их произносительно-слуховыми символами группы людей, объединённых регулярным взаимодействием, то представленная в настоящей статье

интерпретация ЯС отражает относительные особенности или относительные различия индивидуальных систем ассоциаций между внеязыковыми представлениями и их произносительно-слуховыми символами в сознаниях двух групп людей, различающихся особенностями регулярно выполняемой деятельности. Такие особенности обусловлены не только собственно особенностями регулярной деятельности, но также (а в некоторых случаях это обстоятельство играет ключевую роль) личностным переживанием этой деятельности и оценкой себя в ней.

© Яковлев А.А., 2021

Литература

Бронникова Ю.О. Ассоциативный эксперимент как один из методов выявления оценочных связей в языковом сознании младших школьников. Современный ученый. 2017. № 2. С. 37–42.

Гаранович М.В. Экспериментальное исследование стереотипного восприятия человека человеком в языковом сознании в зависимости от социальных факторов говорящего. Глобальный научный потенциал. 2020. № 4 (109). С. 142–148.

Зиновьев А.А. Логика науки. М.: Мысль, 1971. 279 с.

Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 464 с.

Кафтанов Р.А. Ассоциативная связь «война — победа» в русском языковом сознании студентов и курсантов (психолингвистический аспект). Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 312–324.

Кротова М.Н., Ушакова А.П. Исследование языкового сознания российских и иностранных военных специалистов методом ассоциативного эксперимента. Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2021. Т. 15. № 2. С. 276–289.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. 511 с.

Лопсан А.П. Репрезентация образа отца в языковом сознании тувинцев, русских и американцев. Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 480–481.

Никаева Т.М., Сизых А.А. Система ассоциаций «закон» и «преступление» в языковом сознании студентов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 6. С. 234–237.

Палкин А.Д. Образ времени в языковом сознании русских и японцев. Вестник НГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2018. Т. 16. № 4. С. 5–15.

Поливанов Е.Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент: Госиздат УзССР, 1933. 182 с.

Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376 с.

Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 623 с.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. 288 с.

Устьянцева Е.В. Социокультурный тип учителя малого города Красноярского края (осознаваемый уровень языкового сознания). Сибирский филологический форум. 2021. № 2 (14). С. 17–23.

Хвесько Т.В., Крюкова И.В., Врублевская О.В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода в языковом сознании носителей русского языка (экспериментальное исследование). Язык и культура. 2020. № 50. С. 115–128.

Яковлев А.А. Е.Д. Поливанов: 3 определения языка. Вопросы психолингвистики. 2020. № 1 (43). С. 121–131.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18.11.2021

Дата принятия к печати: 20.12.2021

Сведения об авторе:

Яковлев Андрей Александрович — кандидат филологических наук, доцент, Северо-Западный институт, Российская академия народного хозяйства и государственной службы

Контактная информация:

191119, Россия, Санкт-Петербург, Днепропетровская, 8;

ORCID: 0000-0003-1491-0577

mr.koloboque@gmail.com

Для цитирования:

Яковлев А.А. Изучение языкового сознания в свете общелингвистических идей Е.Д. Поливанова // Вопросы психолингвистики №4(50) 2021, С. 176–191. doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-176-191

UDC 81'23

Research article

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-176-191

**THE STUDY OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS
FROM THE PERSPECTIVE OF EVGENY D. POLIVANOV'S
GENERAL LINGUISTIC IDEAS**

Andrey A. Yakovlev

Assistant professor

Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration

St. Petersburg, Russia

Abstract

The paper discusses some of Evgeny D. Polivanov's general linguistic ideas in relation to the study of language consciousness. Polivanov defined language as the relative identity of individual systems of associations between extra-linguistic representations and their pronunciation-auditory symbols in a group of people united by regular interaction. The definition of the concept of "language consciousness" given in the article reflects the relative peculiarities or relative differences of individual systems of associations between extra-linguistic representations and their pronunciation-auditory symbols of two groups of people differing in the characteristics of regularly performed activities. Language consciousness is defined as a psycholinguistic concept that shows how the internal and external conditions for the functioning of a language as a human property are associated with changes in the meanings and senses of linguistic signs. The analysis of works devoted to language consciousness allowed the author of the article to combine some of them into a single direction, which is called the dynamic approach to language consciousness. Such studies are aimed at comparing the language consciousness of different groups of people, which differ in the nature of the regularly activities. These studies show how the socio-cultural and individual-personal experience of people is refracted in the meanings and senses of different words and the corresponding images and fragments of language consciousness. The article outlines the prospects for further research of language consciousness within the framework of a dynamic approach.

Keywords: Polivanov, language consciousness, meaning, sense, terminology of psycholinguistics, methodology of psycholinguistics

References

Bronnikova, Yu.O. (2017) Associativnyj jeksperiment kak odin iz metodov vyjavlenija ocenocnyh svjazej v jazykovom soznanii mladshih shkol'nikov [Associative experiment as one of the methods of identifying evaluative connections

in the linguistic consciousness of primary schoolchildren]. *Modern Scientist*. 2, 37–42 (in Russian).

Garanovich, M.V. (2020) Jeksperimental'noe issledovanie stereotipnogo vosprijatija cheloveka chelovekom v jazykovom soznanii v zavisimosti ot social'nyh faktorov govorjashhego [Experimental study of the stereotypical perception of a person by a person in linguistic consciousness depending on the social factors of the speaker]. *Global scientific potential*. 4 (109), 142–148 (in Russian).

Zinoviev, A.A. (1971) *Logika nauki* [The logic of science]. Moscow, Mysl' Publ., 279 p. (In Russian).

Ilyenkov, E.V. (1997) *Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v nauchno-teoreticheskom myshlenii* [Dialectics of the abstract and the concrete in scientific thinking]. Moscow, «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPEN). 464 p. (In Russian).

Kaftanov, R.A. (2021) Associativnaja svjaz' «vojna — pobeda» v russkom jazykovom soznanii studentov i kursantov (psiholingvisticheskij aspekt) [Associative connection “war - victory” in the Russian language consciousness of students and cadets (psycholinguistic aspect)]. *Siberian Journal of Philology*. 2, 312–324 (in Russian).

Krotova, M.N., Ushakova, A.P. (2021) Issledovanie jazykovogo soznaniya rossijskikh i inostrannyh voennyh specialistov metodom asociativnogo jeksperimenta [Study of the linguistic consciousness of Russian and foreign military specialists by the method of associative experiment]. *Bulletin of YarSU. Series “Humanities”*. 2, 276–289 (in Russian).

Leont'ev, D.A. (2007) *Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti* [Psychology of the sense: nature, structure and dynamics of the sense reality]. Moscow, Smysl Publ. 511 p. (in Russian).

Lopsan, A.P. (2018) Rerezentacija obraza otca v jazykovom soznanii tuvincev, russkikh i amerikancev [Representation of the image of the father in the language consciousness of Tuvans, Russians and Americans]. *World of Science, Culture, Education*, 6 (73). 480–481 (in Russian).

Nikaeva T.M., Szykh A.A. (2020) Sistema asociacij «zakon» i «prestuplenie» v jazykovom soznanii studentov [The system of associations “law” and “crime” in the linguistic consciousness of students]. *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 6, 234–237 (in Russian).

Palkin, A.D. (2018) Obraz vremeni v jazykovom soznanii russkikh i japoncev [The image of time in the linguistic consciousness of Russians and Japanese]. *Bulletin of NSU. Series “Linguistics and Intercultural Communication”*. 4, 5–15 (in Russian).

Polivanov, E.D. (1933) *Russkaja grammatika v sopostavlenii s uzbekskim jazykom* [Russian grammar in comparison with the Uzbek language]. Tashkent, State Publishing House of the UzSSR. 182 p. (in Russian).

Polivanov, E.D. (1968) *Stat'i po obshhemu jazykoznaniju* [Articles on general linguistics]. Moscow, Nauka Publ. 376 p. (in Russian)

Polivanov, E.D. (1991) *Trudy po vostochnomu i obshhemu jazykoznaniju* [Works on oriental and general linguistics]. Moscow, Nauka Publ. 623 p. (in Russian).

Rubinshtejn, S.L. (2012) *Bytie i soznanie* [Being and consciousness]. Saint Petersburg, Piter Publ. 288 p. (in Russian).

Ustyantseva, E.V. (2021) Sociokul'turnyj tip uchitelja malogo goroda Krasnojarskogo kraja (osoznavaemyj uroven' jazykovogo soznaniya) [Socio-cultural type of a teacher in a small town in the Krasnoyarsk territory (perceived level of linguistic consciousness)]. *Siberian Philological Forum*. 2 (14), 17–23 (in Russian).

Khvesko, T.V., Kryukova, I.V., Vrublevskaya, O.V. Vrublevskaja, O.V. (2020) Konnotativnye imena sobstvennye postsovet'skogo perioda v jazykovom soznanii nositelej russkogo jazyka (jeksperimental'noe issledovanie) [Proper connotative names of the post-Soviet period in the linguistic consciousness of Russian speakers (experimental research)]. *Language and culture*. 50, 115–128. (in Russian)

Yakovlev, A.A. (2020) E.D. Polivanov: 3 opredelenija jazyka [Three definitions of language by Evgeny Polivanov]. *Journal of Psycholinguistics*. 1 (43), 121–131 (in Russian).

© **Yakovlev A.A., 2021**

Article history:

Received: 18.11.2021

Accepted: 20.12.2021

Bionotes:

Andrey A. Yakovlev – Candidate of Philological Sciences, Assistant professor, North-West Institute of management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Contact information:

8, Dnepropetrovskaya st., St. Petersburg, Russia 191119

ORCID: 0000-0003-1491-0577

e-mail: mr.koloboque@gmail.com

For citation:

Yakovlev A.A. (2021) The study of language consciousness from the perspective of Evgeny D. Polivanov's general linguistic ideas. *Journal of Psycholinguistics*. 4(50), pp. 176–191. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-176-191 (in Russian)

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

**28 декабря 2021 года исполняется 90 лет со дня рождения
главному научному сотруднику Института языкознания РАН,
доктору филологических наук, профессору
Ревекке Марковне Фрумкиной.**

Вся трудовая биография **Ревекки Марковны Фрумкиной** связана с Академией наук, куда она поступила на работу сразу же после окончания филологического факультета МГУ. Весь свой путь от м.н.с. до д.ф.н., профессора и главного научного сотрудника ИЯ РАН она прошла, блестяще подтверждая высокое звание ученого.

Три ее индивидуальные монографии – «Статистические методы изучения лексики» (1964), «Вероятность элементов текста и речевое поведение» (1971), «Цвет, смысл, сходство» (1984) – стали знаковыми событиями в научной жизни. А был еще целый ряд коллективных монографий и статей в отечественных и зарубежных журналах, были регулярные выступления на международных конференциях и симпозиумах, составляющих в сумме выдающийся вклад в отечественную науку. Они вдохновляли и будут вдохновлять не одно поколение исследователей по проблемам математической лингвистики, семантики,

когнитивной лингвистики, психолингвистики и общим вопросам теории языка и речевой деятельности.

Ревекку Марковну отличает стремление открывать новые пути, работать профессионально, глубоко вникать в суть проблемы; ее можно по праву считать основоположником целых научных областей – таких, как статистические методы в лингвистике или психометрические методы обработки экспериментальных данных. Собственно, сам эксперимент по-настоящему вошел в отечественную психолингвистику и утвердился там во многом благодаря деятельности школы Фрумкиной.

Отдельно следует сказать о школе. Ревекка Марковна всегда охотно работала с молодежью. Ее учебник по психолингвистике выдержал уже несколько изданий и считается настольной книгой студентов сразу нескольких специальностей. Ну, а десятки молодых исследователей получили толчок к занятиям наукой, благодаря ее легендарному домашнему семинару. Эти «птенцы гнезда» с удовольствием относят себя к Школе Р.М. Фрумкиной, хотя формально она нигде и не зафиксирована. Выступавшие на семинаре «обкатывали» там свои идеи. Взаимная критика и анализ представляемых результатов способствовали совершенствованию умений научного творчества и освоению экспериментальных методик, которые были по большей части новаторскими. Многие доклады семинара воплощались впоследствии в научные статьи (зачастую совместные), печатались в различных журналах и сборниках или собирались «под одной крышей» – в форме собственных сборников (за 10 лет – с 1982 по 1991 гг. – вышло 6 таких сборников). Ревекка Марковна не только отбирала статьи для печати, но и тщательно их редактировала, и это была для молодых ученых отличная практика.

Ревекка Марковна уделяла большое внимание организации научно-исследовательской работы молодых ученых. Под ее руководством успешно прошли курс аспирантуры и защитили кандидатские диссертации десятки человек, которые, собственно, и составили костяк той самой неформальной школы Фрумкиной.

Сердечно поздравляя Ревекку Марковну с юбилеем, мы желаем ей крепкого здоровья, неувядающих творческих порывов, которые позволят нам всем и впредь учиться на ее трудах, получая от них интеллектуальное и эстетическое удовольствие.

Коллеги психолингвисты

**Филологический факультет МГУ,
Российский университет дружбы народов,
Московская международная академия
27–28 мая 2022 г.**

**проводят XX Международный симпозиум по психолингвистике
и теории коммуникации**

«Российская психолингвистика: итоги и перспективы»

ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА:

- **Методология и теория речевой деятельности**
- **Языковое и неязыковое сознание**
- **Проблемы ментального лексикона**
- **Производство и смысловое восприятие речи**
- **Психолингвистические проблемы речевого общения и речевого воздействия**
- **Механизмы смыслового восприятия гипертекста**
- **Проблемы этнопсихолингвистики**

Межкультурное общение: контакты и конфликты

Би-, поли-, транслингвизм: теоретический анализ и практика

Аксиологическое языковое сознание: проблемы анализа

Психолингвистические проблемы перевода

- **Ассоциативная лексикография. Эвристический потенциал ассоциативных словарей**

Русское языковое сознание: динамика и вариативность (конец XX–начало XXI вв.)

- **Онтогенез языковой способности**

Речевые патологии как инструмент анализа речевых практик

- **Новые методы анализа речевых практик: цифровая реальность**

Мультимодальность современной коммуникации

Медиатекст в новой информационной сред.

Современные технологии анализа текста

Психолингвистический анализ больших данных

Новые медиа как материал для психолингвистического анализа

- **Экология языкового сознания и родного языка**
- **Психолингвистические аспекты преподавания русского языка**

До **1 февраля 2022 г.** принимаются заявки на проведение круглых столов, мастер-классов и дополнительных секций.

Условия участия в симпозиуме

До **1 марта 2022 г.** в Оргкомитет необходимо предоставить:

1. заявку на участие в симпозиуме (см. форму участника);
2. материалы для публикации (тезисы) по адресу zhizn-jazyka@yandex.ru;

Убедительная просьба посылать заявку и тезисы ДВУМЯ отдельными файлами в ОДНОМ письме (Иванов_заявка, Иванов_тезисы), указав в теме сообщения свою фамилию «Иванов».

Требования к оформлению тезисов

- объем — 2 стр., шрифт Times New Roman, кегль — 14, абзац — 1,25, межстрочный интервал — 1,5;
- на первой строке — название тезисов (начертание полужирное, прописными буквами, выравнивание по центру);
- отступ — одна строка;
- на третьей строке — инициалы и фамилия автора, в скобках город (начертание — полужирный курсив, выравнивание по правому краю);
- на четвертой строке — название организации, которую представляет автор (начертание — полужирный курсив, выравнивание по правому краю);
- на пятой строке — адрес электронной почты (начертание — полужирный курсив, выравнивание по правому краю);
- отступ — одна строка;
- на шестой строке — текст тезисов;
- иллюстративный материал выделяется *курсивом* без кавычек, анализируемые единицы в тексте — **полужирным** шрифтом;
- значение языковых единиц печатается обычным шрифтом и выделяется ‘английскими’ кавычками: *joviality* ‘веселье’;
- оригинальные варианты терминов на иностранных языках указываются в скобках: специфика функций (*role specificity*), немецкий литературный язык (*Hochdeutsch*);
- ссылки на литературу оформляются согласно ГОСТу 7.0.5–2008: [Иванов, 1989, с. 215], [Иванов, 1989, с. 215; Петров, 2009, с. 105], [Там же. С. 215];
- просьба различать тире (—) и дефис (-).

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Рукопись, набранная в формате Word, должна быть отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Статья. Текст должен быть хорошо вычитан. Рукописи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

К рукописи, направляемой в редакцию, необходимо приложить сведения об авторах: ученая степень, ученое звание, должность и место работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора (авторов), код ORCID (авторам, у которых пока такого кода нет, рекомендуется его получить, зарегистрировавшись в ORCID: <http://orcid.org/>). Для статей, написанных в соавторстве, необходимо указать автора, с которым будет вестись переписка при рассмотрении рукописи редакцией. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Сведения об авторе.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны решаться автором (авторами) в строго определенные редколлегией сроки, диктуемые планом издательства. Нарушение сроков ведет к отказу редакции допускать рукопись к опубликованию. Рабочие контакты с авторами осуществляются преимущественно посредством электронной почты, поскольку в редакции нет постоянного дежурства для приема телефонных звонков.

Авторы, предоставляющие рукописи в редакцию журнала «Вопросы психолингвистики», должны следовать Публикационной этике журнала (см. раздел Ответственность авторов). Рукописи, направленные в наш журнал для публикации, проходят обязательную проверку на плагиат текста через систему «Антиплагиат. Эксперт». При выявлении неправомерных заимствований, а также при низком коэффициенте оригинальности текста (<85%) рукопись отклоняется от публикации.

Обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований, рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке. Приветствуется самостоятельная проверка оригинальности текста в системе «Антиплагиат. Эксперт» с предоставлением справки (в электронном формате) о результатах проверки текстового документа на наличие заимствований.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Все рукописи, поступающие в журнал, в обязательном порядке проходят процесс рецензирования.

Рукопись может быть отклонена редактором на этапе, предшествующем рецензированию, если для этого имеется веская причина (тематика статьи не соответствует тематике журнала; рассматриваемая статья очевидно низкого научного качества или содержит большое количество ошибок и опечаток; в представленных материалах выявлено принципиальное противоречие этическим принципам, которых должны придерживаться авторы(см. Публикационная этика журнала, раздел Ответственность авторов).

Все поступающие рукописи, не отклоненные по вышеизложенным причинам на первом этапе рассмотрения, направляются по профилю научного исследования на рецензию одному из членов Редакционного совета или независимому эксперту по рекомендации члена Редакционной коллегии. К рецензированию не привлекаются специалисты, работающие в том же научно-исследовательском учреждении или высшем учебном заведении, где выполнена работа. В редакции принято одностороннее «слепое» рецензирование – редакторы не раскрывают авторам фамилии рецензентов. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

Средний срок рецензирования составляет 2 месяца, в зависимости от загруженности экспертов. По итогам рассмотрения рукописи рецензент даёт обоснованные рекомендации о возможности публикации статьи:

1 - Принять без изменений.

2 - Принять после внесения незначительных изменений в соответствии с комментариями рецензента (повторная рецензия не требуется).

3 - Принять после внесения существенных изменений в соответствии с комментариями рецензента (требуется повторная рецензия).

4 - Отклонить. Комментарии, содержащиеся в рецензии, свидетельствуют о низком уровне статьи и невозможности ее доработки до приемлемого уровня.

5 - Отклонить. Статья не соответствует профилю журнала. Может быть рекомендована для публикации в научном издании другого профиля/другой тематики.

Результаты рецензирования направляются автору по электронной почте по адресу, указанному в статье, если иной не оговорен самим автором.

Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то статью направляют автору на доработку. В этом случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной статьи. Доработка статьи не должна занимать более 2 месяцев с момента отправки электронного сообщения авторам о необходимости внесения изменений.

В случае несогласия с выводами рецензента автор статьи имеет право предоставить аргументированный ответ в редакцию журнала. Статья может быть направлена на повторное рецензирование либо на согласование в редакционную коллегию. В случае отказа авторов от доработки материалов им следует в письменной или устной форме уведомить редакцию об отзыве статьи с рассмотрения.

Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором, а при необходимости – редколлекцией в целом.

В случае положительного заключения главный редактор журнала определяет очередность публикаций в зависимости от тематики номеров журнала. После принятия редколлекцией журнала решения о допуске статьи к публикации редакция информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ: СМЫСЛОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ

Креолизованный текст: Смысловое восприятие. Коллективная монография / Отв. ред. И.В. Вашунина. Ред. колл.: Е.Ф. Тарасов, А.А. Нистратов, М.О. Матвеев. – М.: Институт языкознания РАН, 2020. – 206 с.

Коллективная монография содержит результаты исследований, выполненные за счет гранта РФФИ (проект № 18-012-00652 «Креолизованный текст как средство управления языковым сознанием: теоретико-экспериментальное исследование») в Институте языкознания РАН.

Издание предназначено лингвистам, культурологам, преподавателям вузов и аспирантам по профилю психолингвистика.

Приобрести монографию можно в Отделе психолингвистики ИЯз РАН.
Тел.: (495) 690-14-64, e-mail: vashunina@yandex.ru

ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

СОЗНАНИЕ. ЯЗЫК. МОЗГ КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Сознание. Язык. Мозг. Коллективная монография / Под ред. Е.Ф. Тарасова, И.В. Журавлева. – М.: Институт языкознания РАН, 2020. – 180 с.

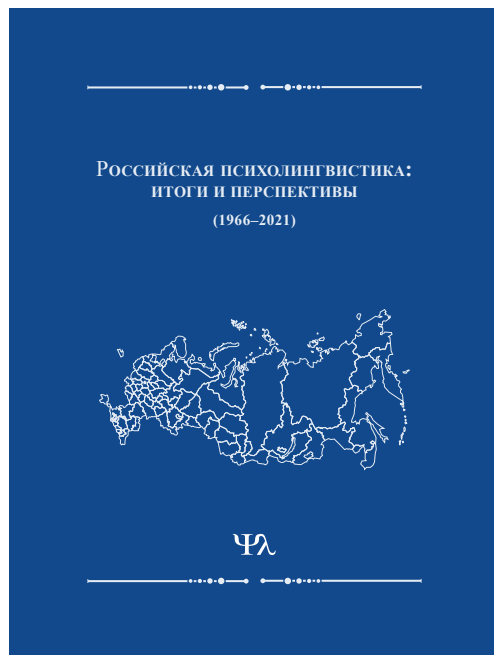
Проблема соотношения языка, сознания и мозга раскрывается с разных сторон: поднимаются вопросы истории научных поисков и методологии исследований, предпринимается метатеоретический анализ различных подходов к объяснению функционирования сознания и мозга, рассматриваются различные аспекты мозговой локализации функции речи. Коллективная монография состоит из двух разделов, в которых представлены историко-методологические и эмпирические исследования. Авторы проблематизируют возможность картирования функции речи в мозге, демонстрируя ее сложное строение, ее многоканальность и полисенсорность.

Для лингвистов, психологов, специалистов по нейронаукам.

Приобрести монографию можно в Отделе психолингвистики ИЯз РАН.

Тел.: (495) 690-14-64, e-mail: zhuravlev@iling-ran.ru

Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): Коллективная монография. / Научн. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. – М.: Институт языкознания–ММА, 2021. – 626 с.

Вышла из печати коллективная монография «Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021)», в которой отражена проблематика отечественной психолингвистики с момента ее зарождения в России по сегодняшний день. Российская психолингвистика, выросшая из исследований небольшой группы энтузиастов под руководством А.А. Леонтьева, в настоящее время объединяет многочисленные научные направления и центры и справедливо может гордиться важными результатами как теоретического, так и прикладного значения. Монография – своеобразный обобщающий обзор развития и достижений психолингвистики в России. Каждый раздел дополнен библиографией по соответствующей проблеме. В Приложении приводится наукометрия ведущих российских психолингвистов, основные монографии, пособия и диссертации, защищенные по психолингвистической проблематике. Для специалистов в области теории языка, психолингвистики, методов экспериментальных исследований языка, всех, интересующихся историей и современным состоянием лингвистики и психолингвистики в нашей стране.